РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ШЕСТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1924

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ.

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Тип. ,,Франко-Русская Печать'', 216, Bd Raspail, Paris

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ШЕСТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

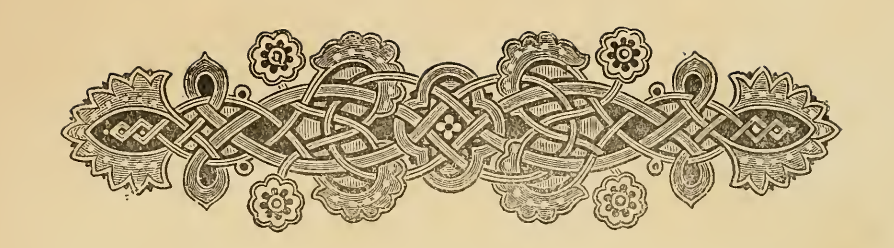
ПАРИЖЪ

1924

Государь Императоръ Николай Александровичъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ на яхтѣ «Штандартъ».

(Изъ собранія Союза ревнителей памяти Императора Николая II).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ четвертую книгу «Русской Лѣтописи», мы обѣщали читателямъ дать отчетъ о письмахъ Императрицы Александры Федоровны къ Государю за 1914—1916 г.г., какъ только будетъ закончено изданіе ихъ, предпринятое фирмой «Слово» въ Берлинѣ. Оно уже закончено, но возможность всесторонней оцѣнки этихъ писемъ все еще не наступила, ибо въ ближайшемъ будущемъ ожидается появленіе полнаго собранія переписки Ихъ Императорскихъ Величествъ, печатаемаго нынѣ въ Москвѣ. *) Это послѣднее изданіе — въ предѣлахъ осторожности, съ которою необходимо относиться къ всѣмъ публикаціямъ, исходящимъ отъ Совѣтской власти, — откроетъ все же возможность провѣрить, насколько правиленъ текстъ писемъ, изданный фирмой «Слово», **) равно какъ выяснить мотивы дѣйствій и сужденій Императрицы по письмамъ къ Ней Государя.

---

*) «Переписка Николая и Александры Романовых», изд. Центрархива, подъ редакціей проф. Покровскаго. Вышелъ въ свѣтъ пока лишь третій томъ—письма за 1914—1915 г.г.

**) По удостовѣренію редакціи вышеназваннаго изданія, текстъ писемъ Императрицы, опубликованный фирмой «Слово», изобилуетъ «массой искаженій, пропусковъ и дефектовъ».

Лишнее говорить при этомъ, какое значеніе будутъ имѣть послѣднія и сами по себѣ и для правильнаго пониманія писемъ Императрицы, ибо они могутъ пролить совершенно новый свѣтъ на многіе случаи такъ называемаго «вмѣшательства» Ея въ государственныя дѣла, которое является главнымъ основаніемъ направляемыхъ противъ Императрицы обвиненій. До ознакомленія со всѣми этими матерьялами невозможна, слѣдовательно, и безпристрастная оцѣнка Ея писемъ за указанный промежутокъ времени.

Посему въ настоящей книгѣ «Лѣтописи» мы помѣщаемъ лишь опытъ критическаго изслѣдованія одного изъ вопросовъ, возникающихъ по письмамъ Императрицы Александры Федоровны, а именно, была ли Она права, по существу, въ тѣхъ совѣтахъ, какіе подавала Государю въ области дѣлъ высшаго управленія и могутъ ли эти совѣты быть названы пагубными для Россіи, какъ утверждаютъ Ея противники.

Авторъ изслѣдованія, П. П. Стремоуховъ, объединилъ въ немъ, по отдѣламъ, соотвѣтствующія выдержки изъ писемъ, давъ тѣмъ самымъ въ общедоступномъ видѣ исчерпывающій матерьялъ, на основаніи котораго каждый читатель можетъ, съ полной независимостью и свободой, оцѣнить правильность выводовъ, къ которымъ авторъ приходитъ и которые всецѣло раздѣляетъ редакція «Лѣтописи».

Выдѣленіе этого вопроса изъ общей оцѣнки писемъ Императрицы редакція находитъ возможнымъ потому, что, каково бы ни было содержаніе документовъ, опубликованіе которыхъ ожидается, означенный частный вопросъ, въ смыслѣ достаточности матерьяловъ для его рѣшенія, можетъ быть признанъ вполнѣ выясненымъ и теперь. Въ сущности же онъ одинъ только и имѣетъ дѣйствительное значеніе.

Какой же выводъ вытекаетъ для насъ изъ ознакомленія съ содержаніемъ совѣтовъ, которые подавала Государю Императрица? Хулители нашего прошлаго обычно отвѣчаютъ, что совѣты Императрицы были вредны прежде всего тѣмъ, что Она ошибалась

въ оцѣнкѣ людей и проводила къ власти лицъ недостойныхъ, отвращая въ то же время Государя отъ тѣхъ, которые были и могли быть полезны для Россіи.

Никто и не споритъ, что ошибки были. Императрица ошибалась, какъ ошибаются всѣ люди. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, кто ошибался больше, Она ли, или тѣ, которые критиковали Ея дѣйствія и приписывали себѣ непогрѣшимость въ оцѣнкѣ способовъ управленія и лицъ, къ нему пригодныхъ. И вотъ мы видимъ теперь, изъ писемъ, что Императрица ошибалась гораздо меньше, чѣмъ ошибались Ея противники, чѣмъ ошибались Государственная Дума и русское общественное мнѣніе.

Дѣйствительно, развѣ тѣ «свѣточи» Россіи, которые ими были возвеличены: князь Георгій Львовъ, Владиміръ Львовъ, Некрасовъ, Гучковъ, Шингаревъ, Милюковъ, Керенскій, Мануйловъ, Коноваловъ, Терещенко, Годневъ и прочіе дѣятели, выдвинутые Государственной Думой и общественностью, не оказались, на провѣрку, во сто кратъ хуже самыхъ плохихъ Министровъ Императорскаго времени *) и какъ государственные дѣятели и даже просто, какъ люди.

Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ теперь и быть не можетъ. Правда, сторонники переворота твердятъ, что всѣ указанныя лица пришли къ власти въ исключительно трудное время, когда на правительство упала непомѣрная по тяжести задача, а потому судить ихъ строго нельзя. Но мы знаемъ и по ихъ собственнымъ признаніямъ, и по тому, что они другъ про друга разсказываютъ, что это не правда. Прочтите воспоминанія соблазненнаго ими В. В. Шульгина**), разверните записки — крикъ души — наиболѣе подготовленнаго изъ нихъ, В. Д. Набокова***),

---

*) За исключеніемъ развѣ А. Д. Протопопова, который, однако, не столько являлся ошибкой Императрицы, сколько Государственной Думы, его возвеличившей.

**) См. В. В. Шульгинъ. «Дни». Русская Мысль 1922—1923.

***) В. Д. Набоковъ. «Временное Правительство». Архивъ русской революціи, томъ I., стр. 34-56. Ср. очеркъ «Временное Правительство» Русская Лѣтопись, книга I.

вникните въ исповѣдь А. С. Заруднаго*) и вы убѣдитесь, что всѣ названные выше, излюбленные Думою и общественностью люди, — лишены были самыхъ даже основныхъ качествъ, требуемыхъ отъ государственныхъ дѣятелей, и не имѣли понятія ни о задачахъ власти, ни о способахъ и пріемахъ управленія. „Эти «облеченные довѣріемъ», ничего не сдѣлаютъ.... мы ничего не понимаемъ въ этомъ дѣлѣ. А учиться теперь некогда“, сознавался наканунѣ переворота одинъ изъ наиболѣе крикливыхъ подготовителей смуты, В. А. Маклаковъ**). И дѣйствительно, трагическій для Россіи опытъ удостовѣрилъ, что эти люди, „ничего не понимавшіе“ въ дѣлѣ, къ которому они ломились, были и при всякихъ условіяхъ могли быть для Россіи только гибельны. Не даромъ еще П. А. Столыпинъ пророчески сказалъ про одного изъ нихъ: „умный человѣкъ, головою выше всѣхъ въ Думѣ, но вотъ бѣда — куда ступитъ, тамъ трава не растетъ“.

И съ чего начали «довѣріемъ облеченные», какъ стали они править Россіей, дорвавшись до власти? Они развратили своими рѣчами армію. Они открыли тюрьмы, они выпустили на мирное населеніе потокъ каторжанъ, грабителей и воровъ. Они упразднили полицію и управленіе, отдавъ жизнь и имущество гражданъ на произволъ всякаго вооруженнаго негодяя. Они разрушили мѣстныя хозяйственныя учрежденія — городскія и земскія — открывъ участіе въ нихъ и прохожему и проѣзжему. Они погубили торговлю и промыслы, установивъ налоги, поглощавшіе доходъ съ предпріятій. Они узаконили разграбленіе культурныхъ хозяйствъ и земель. Они безумно расточали средства казны. Они въ корнѣ подорвали всѣ источники жизни страны. Они установили выборы въ Учредительное Собраніе на основаніяхъ для Россіи нелѣпыхъ и народу непонятныхъ***). Они осквер-

*) «Новое Время» Октябрь 1918 г.

**) В. В. Шульгинъ. «Дни». Русская Мысль. Іюнь—Іюль 1922 г., стр. 133.

***) Картинное описаніе того, какіе уродливые результаты дала на оѣстахъ придуманная Временнымъ Правительствомъ система выборовъ мставилъ намъ членъ этого Правительства А. И. Шингаревъ въ его «Политическихъ замѣткахъ» (письмо XIII) въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

нили русскій языкъ, изуродовавъ его на потѣху недоучкамъ и лѣнтяямъ. Даже чести своей и той они не сберегли, безстыдно нарушивъ данное отрекшемуся Царю обѣщаніе — предоставить Ему съ Семьей свободный отъѣздъ, арестовавъ Его и тѣмъ уготовивъ Ему неизбѣжную гибель!

Своею угодливостью передъ чернью, своимъ невѣжествомъ и трусостью они въ два мѣсяца разрушили государство и довели страну до Пугачевщины. Они расчистили дорогу большевикамъ и были ихъ достойными предтечами.

Таковы были они, какъ государственные дѣятели. Таковы же они были и просто какъ люди. Достаточно немногихъ примѣровъ, чтобы въ томъ убѣдиться.

Кто измѣнилъ Россіи и предался большевикамъ? «Ставленники Императрицы и Распутина?» Нѣтъ, ни одинъ. Измѣнили и предались большевикамъ излюбленные люди Государственной Думы и русской общественности: — Вл. Львовъ, Некрасовъ, Поливановъ, Мануйловъ, Кутлеръ, Гредескулъ, Брусиловъ......

Кто воздвигалъ гоненіе на Православную Церковь и предавалъ главу ея на пропятіе? Кто требобовалъ казни Патріарха? Тѣ ли, кого Дума ославила, какъ «прислужниковъ темныхъ силъ», кого клеймила, какъ враговъ церковной свободы, кого ставила въ упрекъ Императрицѣ: Саблеръ, Волжинъ, Раевъ, князь Жеваховъ? Нѣтъ, не они, а тотъ, кого Дума противополагала имъ, какъ истиннаго защитника Церкви, кого прочила и провела въ Оберъ — Прокуроры Св. Синода — членъ Временнаго Правительства, нынѣ слуга Совнаркома, Владиміръ Львовъ!

Кто разрушалъ Императорскую Русскую Армію и создавалъ армію красную? «Измѣнникъ», «врагъ общественности», Сухомлиновъ, или «любимецъ» Императрицы Бѣляевъ, или Шуваевъ, или Лукомскій? Нѣтъ, разрушали Русскую Армію — вождь общественности, предсѣдатель комиссіи обороны Государственной Думы, А. И. Гучковъ, и единомышленникъ его, А. А. Поливановъ; создали же красную армію — тотъ же Поливановъ и Бончъ - Бруевичъ, всѣ трое

люди, отъ которыхъ Императрица такъ страстно стремилась оградить Государя. И сотрудничалъ съ ними въ этомъ дѣлѣ никто иной, какъ генералъ Брусиловъ («хитрый Брусиловъ», какъ называла его Императрица), тотъ самый, котораго Родзянко и возглавляемый имъ Комитетъ Государственной Думы такъ настойчиво проводили на мѣсто генерала Алексѣева, недостаточно, по ихъ мнѣнію, отвѣчавшаго требованіямъ революціоннаго времени*).

Кто, забывъ всѣ клятвы, отрекся отъ союзниковъ и палъ въ ноги нѣмцамъ, какъ только ему почудилось, что успѣхъ склоняется на ихъ сторону? Императрица Александра Федоровна или люди, Ею выдвинутые - «ставленники Германофильскаго Двора», «измѣнникъ» Штюрмеръ, князь Голицынъ, Протопоповъ?... Нѣтъ, это сдѣлалъ тотъ, кого Императрица всѣми силами души ненавидѣла, кого считала врагомъ Россіи, кого хотѣла бы видѣть сосланнымъ въ Сибирь — глава прогрессивнаго блока, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Временнаго Правительства, П. Н. Милюковъ. И сдѣлалъ онъ это въ тѣ самые дни, когда невинно оклеветанная Императрица погибала въ далекомъ Екатеринбургѣ подъ ударами убійцъ.

Кого общій голосъ обвиняетъ нынѣ въ темныхъ денежныхъ дѣлахъ? Старое Царское Правительство? Нѣтъ, оно по слѣдствію оказалось бѣлѣе снѣга. Обвиняютъ излюбленнаго человѣка общественности, главу Временнаго Правительства, — обвиняютъ князя Львова. И кто же тянетъ его къ отвѣту, кто грозитъ ему судомъ? «Бюрократы», «черносотенцы», «обскуранты?» Нѣтъ, обвиняютъ его свои же люди, представители общественности и прогресса, — обвиняютъ Гучковъ, Хрипуновъ, Кузьминъ-Караваевъ, Филипповъ, обвиняетъ печать самыхъ различныхъ направленій.

И кто, наконецъ, смѣлѣе и достойнѣе смотрѣлъ

*) См. письмо Родзянко къ князю Львову и постановленіе Временнаго Комитета Государственной Думы отъ 19 Марта 1917 г. въ «Красномъ Архивѣ», томъ 2-ой, стр. 284—286, Москва 1922 г. Документы эти, въ виду ихъ исключительнаго интереса, мы воспроизводимъ въ настоящей книгѣ «Лѣтописи».

въ глаза смерти — «холопы» ли «самодержавія» и «слуги деспотизма», какъ ихъ называли противники, И. Г. Щегловитовъ, Н. А. Маклаковъ, о. Восторговъ, спокойнымъ достоинствомъ смутившіе даже своихъ палачей—или ихъ хулитель, кумиръ общественности, А. И. Шингаревъ, малодушнымъ отчаяніемъ заполнявшій свои дневники.........

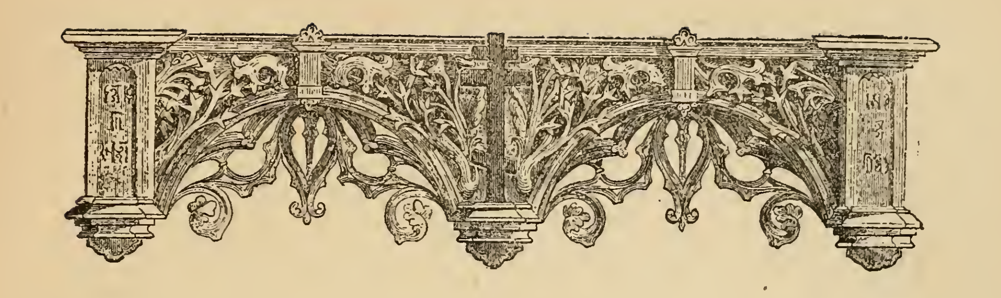
Нѣтъ, теперь всѣ должны имѣть честность открыто признать, что въ оцѣнкѣ этихъ людей Императрица Александра Федоровна проявила въ тысячу разъ болѣе прозрѣнія и мудрости, чѣмъ самые мудрые изъ дѣятелей общественности, чѣмъ Государственная Дума, взятая въ цѣломъ. И ошибки Ея на этомъ пути, какія были,—ничто въ сравненіи съ ошибками ихъ, хотя Ей меньше было дано и знаній и опыта жизни...

Но былъ и путь, на которомъ Императрица не знала ни ошибокъ, ни колебаній. Онъ яркимъ лучемъ сверкаетъ изъ писемъ, изъ всѣхъ Ея мыслей и дѣйствій. То былъ—путь чести. Этимъ путемъ Она шла отъ начала и до конца, ни разу не сдѣлавъ на немъ ложнаго шага. И этотъ путь былъ врагамъ Ея недоступенъ. На немъ большинство изъ нихъ споткнулось, а многіе и пали.

Таковъ драгоцѣнный выводъ, который вытекаетъ изъ писемъ.

ВѢНОКЪ

НА МОГИЛУ НЕИЗВѢСТНАГО СОЛДАТА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

Въ Парижѣ на площади Etoile, гдѣ правильной звѣздою сходятся двѣнадцать широкихъ, красивыхъ улицъ, гдѣ стоитъ розовѣющая въ глубокой дали тріумфальная арка, подъ ея высокимъ сводомъ,-покоится въ могилѣ «неизвѣстный солдатъ» Французской Арміи.

Чье то тѣло, — послѣ боевой грозы, мирно упокоившееся въ изрытой снарядами, залитой человѣческой кровью, пахнущей порохомъ землѣ, торжественно выкопали и съ почетомъ похоронили въ центрѣ города — великана. И лежитъ оно въ шумѣ и грохотѣ подземныхъ и надземныхъ дорогъ, въ тонкомъ шелестѣ резиновыхъ шинъ безчисленныхъ автомобилей, среди суеты праздной, веселой, Парижской жизни, нѣмымъ напоминаніемъ подвигсвъ Французской Арміи и жертвъ Французскаго народа.

На могилу возлагаютъ вѣнки. Зелено-пестрой, громадной клумбой цвѣтовъ и листьевъ высятся они среди немолчнаго шума и грохота двѣнадцати улицъ.

Всякій разъ, какъ я проходилъ мимо нея, или читалъ, что то Балдвинъ, отъ имени Англійскаго народа, то Муссолини отъ Итальянцевъ, то генералъ Богаевскій возлагали на нее вѣнки, мнѣ вспоминались другія могилы, гдѣ лежали не неизвѣстные мнѣ солдаты, а солдаты, хорошо мнѣ знакомые, тѣ, кто былъ мнѣ дорогъ, кого я любилъ и кого видѣлъ, какъ онъ умиралъ.

И вижу я пустынное голое шоссе между Тлусте и Залещиками, и справа—помню точно, шоссе входитъ тамъ въ выемку, и край его приходится на высотѣ плечъ человѣка, сидящаго на лошади,—стоитъ

низкій, почти равноплечный косой крестъ, сдѣланный изъ двухъ тонкихъ дубовыхъ жердей. На ихъ скрещеніи кора снята и плоско застругана. Тамъ химическимъ карандашемъ написано...... Дожди и снѣга смыли почти все написанное и видно только:

..... Казакъ 10 — го Донского казачьяго, генерала Луковкина, полка....... 4 — ой сотни ......за Вѣру ,Царя и Отечество животъ свой положившій....... марта 1915 года......

Я его зналъ. Это мой казакъ.... Въ первые бои подъ Залещиками. онъ былъ убитъ у Жезовы. Потомъ были еще и еще бои подъ Залещиками. Я проѣзжалъ мимо этой могилы въ маѣ 1915 года. Крестъ покосился и уже мало походилъ на крестъ... Надпись выцвѣла и стерлась. Для всѣхъ — это была могила неизвѣстнаго солдата, мнѣ же она была извѣстна и издали привѣтствовала меня дорогими словами: «За Вѣру, Царя и Отечество»....

Теперь... тамъ вѣроятно и могилы не осталось... какъ не осталось тамъ ни Вѣры, ни Царя, ни Отечества.... Пустое мѣсто. Тамъ Польская республика и что ей за дѣло до браваго станичника, за Вѣру Царя и Отечество животъ свой положившаго? Обвалился крестъ, упали жерди въ придорожную канаву и на оставшейся могилѣ бурно разросся бурьянъ. Синій, звѣздочками, василекъ, высокая, пучкомъ, бѣлая ромашка, да алые, на пухомъ поросшихъ гибкихъ стебляхъ, маки цвѣтутъ на шоссе. Три цвѣтка — бѣлый, синій и красный — поросли изъ тѣла этого неизвѣстнаго солдата. Полевой жаворонокъ прилетитъ иногда изъ небесной выси, камнемъ упадетъ на цѣпкія травы и коротко прощебечетъ недопѣтую пѣснь. Быть можетъ онъ скажетъ прохожимъ —

......Какъ жилъ — былъ казакъ далеко на чужбинѣ,
И помнилъ про Донъ на чужой сторонѣ......

Еще и другія вспоминаются мнѣ могилы....

За селомъ Бѣльская Воля, въ Польшѣ, между рѣками Стырью и Стоходомъ, южнѣе Пинска, сѣвернѣе Луцка, на песчаномъ бугрѣ конносаперы, подъ руководствомъ есаула Зимина, (1-го Волгскаго казачьяго полка Терскаго казачьяго войска) построили ограду. Рѣзанныя изъ цвѣтныхъ, — темныхъ еловыхъ и бѣлыхъ березовыхъ сучьевъ — красивыя ворота аркой ведутъ за ограду. Тамъ, въ стройномъ порядкѣ выровненные, въ затылокъ и рядами, лежатъ солдаты Нижнеднѣпровскаго полка, Донскіе, Кубанскіе и Терскіе казаки 2-ой казачьей сводной дивизіи, убитые въ бояхъ подъ Вулькой Галузійской, 26 - 30 мая 1916 года — это когда былъ Луцкій прорывъ генерала Каледина.

На воротахъ надпись изъ сучьевъ:

«Воины благочестивые, славой и честью вѣнчанные»

Тогда думали объ этомъ. Тогда можно было объ этомъ думать. Былъ Богъ....Былъ Царь....была Россія....

И еще одна могила. На склонахъ Аргидазскаго хребта за Сарыкамышемъ, среди камней горныхъ ущелій, лежитъ тѣло Сибирскаго казака 1-го Ермака Тимофѣева полка, Пороха. Того самаго Пороха ,у котораго было веселое загорѣлое, круглое лицо, ясные каріе глаза и чистые, ровные, бѣлые зубы. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ ежедневно утромъ, онъ встрѣчалъ меня радостной улыбкой и говорилъ: — «Такъ что Ваше Высокоблагородіе, лошади, слава Богу, здоровы», а иногда прибавлялъ «только Ванда чего-й-то скушная стоитъ, овесъ не ѣла и воды совсѣмъ чутокъ пила. Однако температуру мѣрили — нормальная».... Съ нимъ, Порохомъ, я изъѣздилъ все Семирѣчье и онъ добывалъ барана на ужинъ въ пустынѣ, гдѣ, казалось, кругомъ на сотни верстъ никого не было.

— У знакомаго киргиза досталъ, Таймырь *) онъ мнѣ....

Вечеромъ у палатки я слышалъ, какъ онъ быстро говорилъ съ кѣмъ-то по киргизски. Носовые, неясные звуки сплетались въ гирлянду словъ, какъ пѣсня.

На пескѣ, поджавъ ноги, сидѣли киргизы и съ ними мой Порохъ.

Онъ убитъ въ ноябрѣ 1914 года, въ конной аттакѣ подъ Сарыкамышемъ. Тогда 1-ый Сибирскій Ермака Тимофѣева полкъ аттаковалъ батальонъ турецкой пѣхоты, изрубилъ его и взялъ знамя.

Во имя всѣхъ ихъ... а ихъ милліоны неизвѣстныхъ — на ихъ могилу мнѣ хотѣлось бы возложить мой скромный вѣнокъ воспоминаній...

Имъ — честью и славою вѣнчаннымъ.

Да стоитъ ли?.....

— Развѣ не помните Вы, какъ густой толпой стояли они, 4-го мая 1917 года на станціи Видиборъ, кричали, плевались подсолнухами и требовали Вашей смерти? У нихъ на затылкахъ были смятыя фуражки и папахи, на лобъ выбились клочья нечистыхъ волосъ, на рубашкахъ алѣли банты, кокарды были залиты красными чернилами и почти всѣ они были безъ погонъ.

— Развѣ не помните Вы, какъ въ этотъ часъ трусливо прятались

*) Таймырь — пріятель, все равно, что на Кавказѣ — кунакъ.

по вагонамъ, не смѣя выручить своего начальника, сотни 17 Донского генерала Бакланова полка, тѣ, чьи братья лежатъ тамъ тихо и спокойно у селенія Бѣльская Воля, славой и честью вѣнчанные?

— Развѣ не помните Вы, что они измѣнили присягѣ, они поносили Царя, они предали врагу — нѣмцамъ Родину, и они подчинились жидамъ?

Нѣтъ.... Не объ этихъ будетъ моя рѣчь. Я хочу сказать о тѣхъ, кто свято помогалъ неизвѣстному Французскому солдату тихо и честно лечь въ шумную могилу на площади Etoile въ Парижѣ.

Я хочу сказать, какъ они сражались, жили, томились въ плѣну и какъ умирали солдаты Русской Императорской Арміи.

Мой вѣнокъ будетъ на могилу неизвѣстнаго Русскаго солдата, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой на браняхъ положившаго.

Ибо тогда умѣли умирать.

Ибо тогда смерть честью и славою вѣнчала.

I.

Какъ они умирали.

Мой первый убитый.... Это было I-го августа 1914 года, на Австрійской границѣ, на шоссе между Томашевымъ и Равой — Русской. Было яркое солнечное утро. Въ густомъ мѣшанномъ лѣсу, гдѣ трепетали солнечныя пятна на мху и верескѣ, и пахло смолою и грибами, часто трещали ружейные выстрѣлы. Посвистывали пули, протяжно пѣли пѣснь смерти и отъ ихъ невидимаго присутствія появлялся дурной вкусъ во рту и въ головѣ путались мысли.

Я стоялъ за деревьями. Впереди рѣдкая лежала цѣпь. Казаки, перестраиваясь, подавались впередъ. Изъ густой заросли, вдругъ, появились два казака. Они несли за голову и за ноги третьяго.

— Кто это? спросилъ я.

— Урядника Еремина, Ваше Высокоблагородіе, — бодро отвѣтилъ передній, неловко державшій рукой съ висѣвшей на ней винтовкой, голову раненаго Еремина.

Я подошелъ. Низъ зеленовато-сѣрой рубахи былъ залитъ

кровью. Блѣдное лицо, обросшее жидкой молодой, русой бородой, было спокойно. Изъ полуоткрытаго рта иногда, когда казаки спотыкались на кочкахъ, вырывались тихіе стоны.

— «Братцы», простоналъ онъ, «Бросьте.... Не носите... Не мучьте... Дайте помереть спокойно».

— Ничего, Ереминъ, — сказалъ я — потерпи. Богъ дастъ, живъ будешь. Раненый поднялъ голову. Сине-сѣрые глаза съ удивительной кротостью уставились на меня. Тихая улыбка стянула осунувшіяся похудѣвшія щеки.

— Нѣтъ Ваше Высокоблагородіе — тихо сказалъ Ереминъ — Знаю я.. Куды-жъ. Въ животъ вѣдь. Понимаю... Отпишите, Ваше Высокоблагородіе, отцу и матери, что... честно... и нелицемѣрно... безъ страха...

Онъ закрылъ глаза. Его понесли дальше.

На другое утро его похоронили на Томашевскомъ кладбищѣ у самой церкви. На его могилѣ поставили хорошій, тесанный крестъ. Казаки поставили.

Я не былъ на его похоронахъ. Австрійцы наступали на Томашевъ. На Звѣржинецкой дорогѣ былъ бой. Некогда было хоронить мертвыхъ.

Потомъ ихъ были сотни, тысячи, милліоны. Они устилали могилами поля Восточной Пруссіи, Польши, Галиціи и Буковины. Они умирали въ Карпатскихъ горахъ, у границы Венгріи, они гибли въ Румыніи и въ Малой Азіи, они умирали въ чужой имъ Франціи.

«За Вѣру, Царя и Отечество».

Намъ, солдатамъ, ихъ смерть была мало видна. Мы сами въ эти часы были обѣяты ея крыльями и многаго не видѣли изъ того, что видѣли другіе, кому доставалась ужасная, тяжелая доля провожать ихъ въ вѣчный покой... Сестры милосердія, санитары, фельдшера, врачи, священники.

И потому я разскажу о ихъ смрети, о ихъ переживаніяхъ со словъ одной сестры милосердія.

Я не буду ее называть. Тѣ, кто ее знаетъ, а въ Императорской Арміи ее знали десятки тысячъ сѣрыхъ героевъ, — ее узнаютъ. Тѣмъ, кто ее не знаетъ, ея имя безразлично.

Сколько раненыхъ прошло черезъ ея руки, сколько солдатъ умерло на ея рукахъ, и отъ сколькихъ она слышала послѣднія слова, приняла послѣднюю земную волю....

Въ бою подъ Холмомъ къ ней принесли ея убитаго жениха...

Она была русская, вся соткана изъ горячей вѣры въ Бога, любви къ Царю и Родинѣ. И умѣла она понимать все это свято. Въ ней осталась одна мечта: — отдать свою душу Царю, Вѣрѣ и Отечеству. И отсюда зажегся въ ней страстный пламень, который далъ ей силу сносить видъ нечеловѣческихъ мукъ, страданій и смерти. Она искала умирающихъ, Она говорила имъ, что могла подсказать ей ея изстрадавшаяся душа. Стала она оттого простая, какъ простъ русскій крестьянинъ. Научилась понимать его. И онъ ей повѣрилъ. Онъ открылъ ей душу и стала эта душа передъ нею въ яркомъ свѣтѣ чистоты и подвига, истинно, славою и честью вѣнчанная. Она видѣла, какъ умирали Русскіе солдаты, вспоминая деревню свою и близкихъ своихъ. Ей казалось, что она не жила съ ними предсмертными переживаніями, но много разъ съ ними умирала. Она поняла въ эти великія минуты умираній, что «нѣтъ смерти, но есть жизнь вѣчная». И смерть на войнѣ — не смерть, а выполненіе своего перваго и главнаго долга передъ Родиной.

Въ полутемной комнатѣ чужого нѣмецкаго города, прерывающимся голосомъ, разсказывала она мнѣ про Русскихъ солдатъ и слезы непрерывно капали на бумагу, на которой я записывалъ ея слова.

Теперь, когда поругано имя Государево, когда наглыя жадныя, святотатственныя, грязныя руки роются въ дневникахъ Государя, читаютъ про Его интимныя, семейныя переживанія и наглый хамъ покровительственно похлопываетъ Его по плечу и аттестуетъ, какъ пустого молодого человѣка, влюбленнаго въ свою невѣсту, какъ хорошаго семьянина, но не государственнаго дѣятеля, — быть можетъ, будетъ умѣстно и своевременно сказать, чѣмъ онъ былъ для тѣхъ, кто умиралъ за Него. Для тѣхъ милліоновъ «неизвѣстныхъ солдатъ», что умерли въ бояхъ, для тѣхъ простыхъ Русскихъ, что и по сей часъ живутъ въ гонимой, истерзанной Родинѣ нашей.

Пусть изъ страшной темени лжи, клеветы и лакейскаго хихиканья живыхъ людей раздастся голосъ мертвыхъ и скажетъ намъ правду о томъ что такое Россія, ея Вѣра православная и ея Богомъ вѣнчанный Царь.

Шли страшные бои подъ Ломжей. Гвардейская пѣхота сгорала въ нихъ, какъ сгораетъ солома, охапками бросаемая въ костеръ. Перевязочные пункты и лазареты были переполнены ранеными и врачи не успѣвали перевязывать и дѣлать необходимыя операціи. Отбирали тѣхъ, кому стоило сдѣлать, то есть, у кого была надежда на выздоровленіе и бросали остальныхъ умирать отъ ранъ, за невозможностью всѣмъ помочь.

Той сестрѣ, о которой я писалъ, было поручено изъ палаты, гдѣ лежали 120 тяжело раненыхъ, отобрать пятерыхъ и доставить ихъ въ операціонную. Сестра приходила съ носилками, отбирала тѣхъ, въ комъ болѣе прочно теплилась жизнь, у кого не такъ страшны были раны, указывала его санитарамъ и его уносили. Тихо, со скорбнымъ лицомъ и глазами, переполненными слезами, скользила она между постелей изъ соломы, гдѣ лежали исковерканные обрубки человѣческаго мяса, гдѣ слышались стоны, предсмертные хрипы и откуда слѣдили за нею большіе глаза умирающихъ, уже видящіе иной міръ. Ни стона, ни ропота, ни жалобы... А вѣдь тутъ шла своеобразная «очередь» на жизнь и выздоровленіе.... Жребіемъ было облегченіе невыносимыхъ страданій.

И всякій разъ, какъ входила сестра съ санитарами, ея взоръ ловилъ страдающими глазами молодой, бравый, черноусый красавецъ унтеръ-офицеръ Л.Гв. Семеновскаго полка. Онъ былъ очень тяжело раненъ въ животъ. Операція была безполезна, и сестра проходила мимо него, ища другихъ.

— Сестрица... меня.... — шепталъ онъ и искалъ глазами ея глаза.

— Сестрица.... милая.... — онъ ловилъ руками края ея платья и тоска была въ его темныхъ, красивыхъ глазахъ.

Не выдержало сердце сестры. Она отобрала пятерыхъ и умолила врача взять еще одного — шестого. Шестымъ и былъ этотъ унтеръ-офицеръ. Его оперировали.

Когда его сняли со стола и положили на койку, онъ кончался. Сестра сѣла подлѣ него. Темное, загорѣлое лицо его просвѣтлѣло. Мысль стала ясная, въ глазахъ была кротость.

— Сестрица, спасибо Вамъ, что помогли мнѣ умереть тихо, какъ слѣдуетъ. Дома у меня жена осталась и трое дѣтей. Богъ не оставитъ ихъ... Сестрица, такъ хочется жить... Хочу еще разъ повидать ихъ, какъ они безъ меня справляются. И знаю, что нельзя.. Жить хочу, сестрица, но такъ отрадно мнѣ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество положить.

— Григорій, — сказала сестра, — я принесу тебѣ икону. Помолись. Тебѣ легче станетъ.

— Мнѣ и такъ легко, сестрица.

Сестра принесла икону, раненый перекрестился, вздохнулъ едва слышно и прошепталъ:

...Хотѣлось бы семью свою повидать. Радъ за Вѣру, Царя и Отечество умереть...

Печать нездѣшняго спокойствія легла на красивыя черты Русскаго солдата. Смерть сковывала губы. Прошепталъ еще разъ —

— Радъ....

Умеръ.

Въ такія минуты не лгутъ передъ людьми, ни передъ самимъ собою.

Исчезаетъ выучка и становится чистой душа, такою, какою она явится передъ Господомъ Богомъ.

Когда разсказываютъ о такихъ минутахъ — тоже не лгутъ.

Эти «неизвѣстные» умирали легко. Потому что вѣрили. И вѣра спасетъ ихъ.

И такъ же, съ такими же точно словами умиралъ на рукахъ у сестры Л.Гв. Преображенскаго полка солдатъ, по имени Петръ. По фамиліи... тоже неизвѣстный солдатъ.

Онъ умиралъ на носилкахъ. Сестра опустилась на колѣни подлѣ носилокъ и плакала.

— Не плачьте, сестрица. Я счастливъ, что могу жизнь свою отдать за Царя и Россію. Ничего мнѣ не нужно, только похлопочите о моихъ дѣтяхъ, — сказалъ умирающій солдатъ.

И часто я думаю, гдѣ теперь эти дѣти Семеновскаго унтеръ-офицера Григорія и Преображенскаго солдата Петра? Ихъ отцы умерли за «Вѣру, Царя и Отечество» восемь лѣтъ тому назадъ. Ихъ дѣтямъ теперь 12-14-16 лѣтъ. Учатся ли они гдѣ нибудь? Учились ли подъ покровительствомъ какого то пролеткульта, или стали лихими комсомольцами и со свистомъ и похабной руганью снимали кресты съ куполовъ сельскаго храма, рушили иконостасъ и обращали святой храмъ въ танцульку имени Клары Цеткинъ?

Почему жизнь состроила намъ такую страшную гримасу и почему души воиновъ, славою и честью вѣнчанныхъ, не заступятся у престола Всевышняго за своихъ дѣтей?

Десять мѣсяцевъ провела сестра на передовыхъ позиціяхъ. Каждый день и каждую ночь на ея рукахъ умирали солдаты.

И она свидѣтельствуетъ:

— Я не видала содата, который не умиралъ бы доблестно. Смерть не страшила ихъ, но успокаивада.

И истинно ея свидѣтельство.

И не только умирали, но и на смерть шли смѣло и безропотно.

Когда были бои подъ Ивангородомъ, то артиллерійскій огонь былъ такъ силенъ, снаряды рвались такъ часто, что темная ночь казалась свѣтлой и были видны лица проходившихъ въ бой солдатъ.

Сестра стояла подъ деревомъ. Въ смертельной мукѣ она исходила въ молитвѣ. И вдругъ услышала шаги тысячи ногъ. По шоссе мимо нея проходилъ въ бой армейскій полкъ. Сначала показалась темная масса, блеснули штыки, надвинулись плотнѣе молчаливые ряды и сестра увидѣла чисто вымытыя, точно сіяющія лица. Они поразили ее своимъ кроткимъ смиреніемъ, величіемъ и силой духа. Эти люди шли на смерть. И не то было прекрасно и въ то же время ужасно, что они шли на смерть, а то, что они знали, что шли на смерть и смерти не убоялись.

Солдаты смотрѣли на сестру и проходили. И вдругъ отдѣлился одинъ, досталъ измятое письмо и, подавая его сестрѣ, сказалъ:

— Сестрица, окажи мнѣ послѣднюю просьбу. Пошли мое послѣднее благословеніе, послѣднюю благодарность мою моей матери, отправь письмецо мое....

И пошелъ дальше...

И говорила мнѣ сестра: — ни ожесточенія, ни муки, ни страха не прочла она на его блѣдномъ, простомъ крестьянскомъ лицѣ, но одно величіе совершаемаго подвига....

А потомъ она видѣла. По той же дорогѣ шла кучка разбитыхъ усталыхъ, запыленныхъ и ободранныхъ солдатъ. Человѣкъ тридцать. Несли они знамя. Въ лучахъ восходящаго солнца сверкало золотое копье съ двуглавымъ орломъ и утренней росою блисталъ черный глянцевитый чехолъ. Спокойны, тихи и безрадостны были лица шедшихъ.

— Гдѣ Вашъ полкъ? — спросила сестра.

«Насъ ничего не осталось» — услышала она простой отвѣтъ...

Когда я прохожу по площади Etoile и вижу могилу — клумбу неизвѣстнаго солдата, мнѣ почему то всегда вспоминаются эти

скромныя, тихія души, ко Господу такъ величаво спокойно отошедшія.

Не душа ли неизвѣстнаго французскаго солдата, такая же тихая и простая и такъ же просто умѣвшая разстаться съ тѣломъ, зоветъ и напоминаетъ о тѣхъ, кто умѣлъ свершить свой долгъ до конца?

А умирать имъ было не легко.

Тамъ же въ Ломжѣ, въ госпиталѣ, умиралъ солдатъ армейскаго пѣхотнаго полка.

Трагизмъ смерти отъ тяжелыхъ ранъ заключается въ томъ, что все тѣло еще здорово и сильно, не истощено ни болѣзнью, ни старостью, но молодое сильное оно не готово къ смерти, не хочетъ умирать и только рана влечетъ его въ могилу и потому такъ трудно этому молодому, здоровому человѣку умирать.

Пить просилъ этотъ солдатъ. Мучила его предсмертная жажда. Въ смертельномъ огнѣ горѣло тѣло и, когда сестра подала ему воду, сказалъ онъ ей: —

— Надѣнь на меня, сестрица, чистую рубашку. Чистымъ хочу я помереть. А совѣсть моя чиста. Я за Царя и Родину душу мою отдалъ... Ахъ, сестрица, какъ матушку родную мнѣ жаль. Спасите меня хоть такъ, чтобы на одинъ часочекъ ее еще повидать, чтобы деревню свою хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть...

Сестра надѣла на него чистую бѣлую рубаху.

Онъ осмотрѣлъ себя въ ней, улыбнулся ясною улыбкою и сказалъ:

— Ахъ, какъ хорошо за Родину помирать.

Потомъ вытянулся, положилъ руку подъ голову, точно хотѣлъ поудобнѣе устроиться, какъ устраивается на ночь ребенокъ, закрылъ глаза и умеръ.

II

Какъ они относились къ своимъ офицерамъ.

Тѣ же люди, что клеветали на Царя, стараясь снять съ Него величіе Царскаго сана и, печатаніемъ гнусныхъ сплетенъ, чужихъ писемъ, хотятъ вытравить изъ народной души великіе символы «За Вѣру, Царя и Отечество» также всячески старались зачернить

отношенія между солдатомъ и офицеромъ. А отношенія эти были большей частью простыя и ласковыя, а нерѣдко и трогательно любовныя, какъ сына къ отцу, какъ отца къ дѣтямъ.

Лишь только спускались сумерки, какъ на тыловой линіи, тамъ и сямъ, появлялись согнутыя фигуры безоружныхъ солдатъ. Шрапнели непріятеля низко рвались въ темнѣющемъ небѣ и уже виденъ былъ яркій желтый огонь ихъ разрывовъ, бухали, взрываясь тяжелыя и легкія гранаты и, въ темнотѣ, ихъ черный дымъ вставалъ еще грознѣе и раскаленные, свѣтясь, летѣли красно-огненные осколки. Казалось ничего живого не могло быть тамъ, гдѣ едва намѣчалась клокочущая ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ линія окоповъ.

По полю перебѣгали, шли, крались, припадали къ землѣ и снова шли люди.

Это — денщики несли своимъ офицерамъ въ окопы, кто теплое одѣяло, чтобы было чѣмъ укрыться ночью въ холодномъ окопѣ, кто тщательно завернутый въ полотенце чайникъ съ кипящимъ чаемъ, кто хлѣбъ, кто портсигаръ съ папиросами. Имъ это строго запрещали ихъ же офицеры. Но они не слушали запрещеній, потому что видѣли въ этомъ свой долгъ, а долгъ для нихъ былъ выше жизни. Они помнили, какъ провожали ихъ матери и жены этихъ офицеровъ и говорили имъ: —.

— Смотри, Степанъ, береги его. Помни, что онъ одинъ у меня, единственный, позаботься о немъ.

— Не извольте сумлѣваться, барыня, самъ не доѣмъ, не лоспдю, а о ихъ благородіи позабочусь.

— «Иванъ, — говорила молодая женщина съ заплаканными глазами, — Иванъ, сохрани мнѣ моего мужа. Ты же знаешь, какъ я его люблю».

Въ эти страшные часы разставанія, когда полкъ уже ушелъ на плацъ строиться и деньщики торопились собирать веши, чтобы везти ихъ на вокзалъ, матери и жены становились близкими и родными всѣмъ этимъ Иванамъ и Степанамъ и въ нихъ видѣли послѣднюю надежду. Деньщики отыскивали своихъ раненыхъ офицеровъ, выносили тѣла убитыхъ, бережно везли ихъ домой къ роднымъ.

— Куда вы, черти, лѣшіе? Убьютъ вѣдь, — кричали имъ изъ окоповъ.

— А что-жъ, робя, я такъ чтоль своего ротнаго брошу? Мы его, какъ отца родного чтимъ и чтобы не вынести?

— Убьютъ.

— Ну и пущай, я долгъ свой сполню.

И выносили оттуда, откуда нельзя было, казалось, вынести.

Помню: двое сутокъ сидѣлъ я съ Донской бригадой своей дивизіи въ только что занятыхъ нами нѣмецкихъ окопахъ у Рудки-Червище, на рѣкѣ Стоходѣ. Это было въ августѣ 1916 г. Противникъ засыпалъ все кругомъ тяжелыми снарядами, подходы къ мосту простреливались ружейнымъ огнемъ. Оренбургскія казачьи баттареи принуждены были выкопать въ крутомъ берегу окопы для орудійныхъ лошадей. Между нами и тыломъ легло пространство, гдѣ нельзя было ходить.

Смеркалось. Пустыя избы деревни, вытянувшіяся улицей, четко рисовались въ холодѣющемъ небѣ. И вдругъ на улицѣ показалась невысокая фигура человѣка, спокойно и безстрашно шедшаго мимо домовъ, мимо раздутыхъ труповъ лошадей, мимо воронокъ отъ снарядовъ, наполненныхъ грязной водой.

Мы изъ окопа наблюдали за нимъ.

— А вѣдь это Вашъ Поповъ — сказалъ мнѣ Начальникъ Штаба, полковникъ Денисовъ.

— Поповъ и есть — подтвердилъ старшій адьютантъ.

Поповъ шелъ, не торопясь, точно рисуясь безстрашіемъ. Въ обѣихъ рукахъ онъ несъ какой то большой тяжелый свертокъ.

Весь нашъ боевой участокъ заинтересовался этимъ человѣкомъ. Онъ шелъ, какъ ползаетъ безпечно по столу муха, въ которую бросаютъ горохомъ. Снаряды рвались сперели, сзади, съ боковъ, онъ не прибавлялъ шага. Онъ шелъ, бережно неся что то хрупкое и тяжелое.

Спокойно дошелъ онъ до хода въ окопы, спустился по землянымъ ступенямъ и предсталъ передъ нами въ большомъ блиндажѣ, крытомъ тяжелымъ накатникомъ.

— Ужинать, Ваше Превосходительство, принесъ — сказалъ онъ, ставя передъ нами корзину съ посудой, чайниками, хлѣбомъ и мясомъ.

— Чай за два дня то проголодались!...

— Кто же пустилъ тебя?

— И то на батареѣ не пускали. Да, какъ же можно такъ безъ ѣды! И письмо отъ генеральши пришло и посылка, я все доставилъ.

Этотъ Поповъ....

Но не будемъ говорить объ этомъ. Этотъ Поповъ тогда, когда онъ служилъ въ Русской Императорской Арміи даже и не понималъ того, что онъ совершилъ подвигъ Христіанской любви и долга!

А былъ онъ самъ богатый человѣкъ, съ дѣтства избалованный, коннозаводчикъ и сынъ зажиточнаго торговаго казака Богаевской станицы Войска Донского.

Въ казармахъ нашей Императорской Арміи висѣли картины. Это были литографіи въ краскахъ, изданія Ильина, или типографіи Главнаго Штаба, уже точно не помню. Изображали онѣ подвиги офицеровъ и солдатъ въ разныя войны. Былъ тамъ маіоръ Горталовъ въ бѣломъ кителѣ и кепи на затылокъ, прокалываемый со всѣхъ сторонъ Турецкими штыками; былъ рядовой Осиповъ въ укрѣпленіи Михайловскомъ съ факеломъ въ рукахъ, кидающійся къ пороховому погребу. Запомнился мнѣ еше подвигъ Архипа Бондаренко, Лубенскаго гусарскаго полка спасающаго жизнь своему офицеру, капитану Воеводскому. Улица Болгарской деревни, бѣлыя хаты съ соломенными крышами, вдоль нихъ скачетъ большая гнѣдая лошадь и на ней двое: — раненый офицеръ и солдатъ.

Это было воспитаніе солдата. Дополненіе къ бесѣдамъ о томъ, что «самъ погибай, а товарища выручай». Молодыми офицерами мы ходили по казарменному помѣщенію, окруженные молодежью, показывали картины и задавали вопросы. Называлось это «словестностью» и считалось однимъ изъ самыхъ скучныхъ занятій.

— Что есть долгъ солдата? — спрашивали мы, останавливаясь у картины, изображавшей подвигъ Бондаренко.

— Долгъ солдата есть выручать товарища изъ бѣды. Долгъ солдата, если нужно, погибнуть самому, но спасти своего офицера, потому, какъ офицеръ есть начальникъ и нуженъ больше, чѣмъ солдатъ.

— А что здѣсь нарисовано?

— Изображенъ здѣсь подвигъ рядового Бондаренко, который, значитъ, подъ турецкими пулями, и окруженный со всѣхъ сторонъ баши-бузуками, увидѣвъ, что его офицеръ, корнетъ Воеводскій, раненъ, и лошадь подъ нимъ убитая, остановилъ свою лошадь и посадилъ офицера въ сѣдло, а самъ сѣлъ сзади, и отстрѣливаясь и прикрывая собою офицера, спасъ его отъ турокъ...

Думали ли мы тогда, что двадцать пять лѣтъ спустя, подвигъ братской Христіанской любви къ ближнему, подвигъ высокаго долга солдатскаго при обстоятельствахъ исключительныхъ и гораздо болѣе сложныхъ, чѣмъ въ 1877 г., будетъ повторенъ въ мельчайшихъ подробностяхъ? Тогда казалось, да такъ и говорили, что красоты

на войнѣ не будетъ.Красоты подвига и любви. Что война обратится въ бездушную бойню.

И пришла война. Неожиданно грозная и кровавая, и захватила всѣ слои населенія и подняла всѣ возрасты. Старыхъ и малыхъ поставила въ смертоносные ряды, и офицера и солдата смѣшала въ общей великой и страшной работѣ. И явились герои долга и высокой Христіанской любви.

Легендарные подвиги, запечатлѣнные на картинахъ для воспитанія солдатскаго, повторились съ математической точностью.

То-ли, что мы хорошо ихъ учили и съумѣли такъ воспитать солдата, что онъ сталъ способенъ на подвиги, то-ли,что чувство долга и любви къ ближнему въ крови Русскаго солдата и привито ему въ семьѣ и въ церкви?

Это было въ самые первые дни войны на турецкомъ фронтѣ, въ долинѣ Евфрата. 1-го ноября 1914 г. конный отрядъ Эриванской группы занялъ съ боя турецкій городъ Душахъ-Кебиръ. Наше наступленіе щло въ Ванскомъ направленіи къ Мелазгерту. 2-го ноября отъ отряда была послана развѣдывательная сотня. Но, отойдя версты на четыре, она наткнулась на значительныя силы конныхъ курдовъ и принуждена была остановиться. Попытки разъѣздовъ пробиться дальше не увѣнчались успѣхомъ и начальникъ отряда ,генералъ-маіоръ Пѣвневъ, рѣшилъ 6-го ноября произвести усиленную развѣдку отрядомъ трехъ родовъ войскъ и оттѣснить курдовъ. Въ развѣдку былъ назначенъ 3-ій Волгскій казачій полкъ Терскаго казачьяго войска, подъ командой полковника Тускаева, два орудія 1-ой Кубанской казачьей батареи, подъ командой подъесаула Пѣвнева и два пулемета дивизіонной команды подъ командой 1-го Запорожскаго Императрицы Екатерины II казачьяго полка, сотника Артифексова.

3-ій Волгскій полкъ, только что мобилизованный, состоялъ изъ немолодыхъ казаковъ, отдыхавшихъ отъ строя, со случайными, призванными съ льготы офицерами и съ командиромъ, только что назначеннымъ изъ конвоя Его Величества и отвыкшимъ управлять конными массами.

Напротивъ, — баттарея и пулеметчики — все были кадровые казаки съ двухъ и трехлѣтнимъ обученіемъ, молодежь, горѣвшая желаніемъ помѣряться силами съ врагомъ, прекрасно воспитанная и дисциплинированная ,сжившаяся со своими офицерами.

Раннимъ утромъ яркаго солнечнаго дня отрядъ вышелъ изъ Душаха. Пройдя четыре версты, на линіи селенія Верхній Харга-

лыхъ, гдѣ горные отроги рядомъ холмовъ, прорѣзанныхъ круторебрыми балками, спускаются въ долину рѣки Евфрата, — отрядъ услыхалъ выстрѣлы. Головная сотня была встрѣчена пѣшими и конными курдами. Искусно пользуясь глубокими оврагами и складками мѣстности, террасами спускающейся къ рѣкѣ, курды маячили кругомъ сотни, обстрѣливая ее со всѣхъ сторонъ.

Полковникъ Тускаевъ, не рискуя принять бой въ конномъ строю, спѣшилъ двѣ сотни, около 130 - 140 стрѣлковъ, — и повелъ наступленіе на конныя массы. Противникъ, укрывавшійся по балкамъ, развернулся. Передъ Волгскими цѣпями была организованная курдская кавалерія — тысячъ до пяти всадниковъ.

Курдская конница охватила головную сотню, бывшую въ верстѣ отъ казачьихъ цѣпей. Курды, джигитуя, подскакивали къ казакамъ шаговъ на четыреста и поражали ихъ мѣткимъ прицѣльнымъ огнемъ.

Въ сотнѣ появились раненые и убитые. Она подходила къ обрывистому берегу Евфратскаго русла. Вся каменистая долина рѣки пестрѣла курдскими толпами. Гулъ голосовъ, неясные вскрики, ржанье коней раздавались отъ рѣки. Повсюду были цѣли для пораженія огнемъ, и такъ велика была вѣра въ технику, въ силу артиллерійскаго и пулеметнаго огня, что полковникъ Тускаевъ приказалъ артиллерійскому взводу выѣхать впередъ цѣпей и огнемъ прогнать курдовъ.

Лихо, по конно артиллерійски, вылетѣлъ по узкой тропинкѣ къ берегу подъесаулъ Пѣвневъ, развернулся за двумя небольшими буграми у самаго берега и сейчасъ перешелъ на пораженіе, ставя шрапнели на картечь.

Курды не дрогнули. Нестройными конными лавами, сопровождаемыми пѣшими,съ непрерывной стрѣльбой, они повели наступленіе на головную сотню,стоявшую въ прикрытіи батареи и на орудія.

Терцы Волгскаго полка не выдержали атаки. Три взвода сотни оторвались и ускакали. Подъ берегомъ остался одинъ взводъ, — человѣкъ пятнадцать, и два орудія, яростно бившія по курдамъ.

Имъ на помощь былъ посланъ пулеметный взводъ сотника Артифексова.

Широкимъ наметомъ, имѣя пулеметы на вьюкахъ, пулеметчики вылетѣли впередъ орудій и сейчасъ же начали косить пулеметнымъ огнемъ курдскія толпы. Курды отхлынули. Огонь пулеметный былъ мѣткій на выборъ, но курды чувствовали свое превосходство

въ силахъ и, отойдя на фронтѣ, они скопились на лѣвомъ флангѣ и, укрываясь холмами Евфратскаго берега, понеслись на бывшія сзади батареи сотни Волгцевъ полковника Тускаева. Курды обходили ихъ слѣва и сзади. Волгцы подали коноводовъ и ускакали, оставивъ пулеметы и орудія подъ рѣчнымъ обрывомъ.

Въ величавомъ покоѣ сіяло бездонное синее небо надъ розово желтыми кремнистыми скатами Малоазіатскихъ холмовъ. Тысячамъ курдовъ противостояла маленькая кучка казаковъ, едва насчитывавшая тридцать человѣкъ. Орудія часто стрѣляли, непрерывно трещали пулеметы, отстрѣливаясь во всѣ стороны и осаживая зарывавшихся курдовъ. Тѣлами убитыхъ лошадей и людей покрывались скаты холмовъ, но крались и ползли курды и мѣтокъ и губителенъ становился ихъ огонь.

Три молодыхъ офицера, подъесаулъ Пѣвневъ, командиръ взвода Волгцевъ есаулъ Старицкій и сотникъ Артифексовъ, съ горстью все позабывшихъ и довѣрившихся имъ казаковъ, бились за честь Русскаго имени.

Пулеметныя ленты были на исходѣ. Взводный урядникъ Петренко — красавецъ и силачъ доложилъ Артифексову полушепотомъ: — Ваше благородіе,остались три коробки......

Въ то же мгновеніе первый пулеметъ замолчалъ. Номера были ранены, а самъ пулеметъ поврежденъ. И сейчасъ же ранило 1 — ый номеръ второго пулемета. Огонь прекратился.

Сотникъ Артифексовъ сѣлъ самъ за пулеметъ, тщательно выбирая цѣли и сберегая патроны.

Изъ тыла прискакалъ раненый казакъ Волжецъ.

— Командиръ полка приказалъ отходить — крикнулъ онъ.

Изъ за бугра показался Пѣвневъ.

— Сотникъ, прикрывайте нашъ отходъ, а мы прикроемъ Вашъ.

— Ладно. Будемъ прикрывать отходъ.

Заработалъ пулеметъ.

Сзади звонко звякнули пушки, поставленныя на передки. Загремѣли колеса. Орудія, сопровождаемыя есауломъ Старицкимъ, со взводомъ Терцевъ, поскакали назадъ... На мѣстѣ батареи остался зарядный ящикъ съ убитыми лошадьми, трупы казаковъ и блестѣли мѣдныя гильзы артиллерійскихъ патроновъ.

На береговомъ скатѣ офицеръ и десять казаковъ отстрѣливались отъ курдовъ пулеметомъ и изъ револьверовъ. Курды подходили на сто шаговъ. Въ неясномъ гортанномъ гомонѣ толпы уже можно было различать возгласы:

— Алла..... Алла.....

Одному Богу молились люди и молились о разномъ.

Прошло минутъ десять. Сзади рявкнулъ выстрѣлъ и заскрежеталъ снарядъ. Подъесаулъ Пѣвневъ снялся съ передковъ. Пулеметамъ надо было отходить. Курды бросили пулеметы и конная масса, человѣкъ въ пятьсотъ, поскакала стороною на батарею. Нечѣмъ было ихъ остановить. Орудія стояли подъ прямымъ угломъ одно къ другому и часто били, точно лаяли псы, окруженные волками... Артиллерiйскiй взводъ умиралъ въ бою.

— Вьючить второй пулеметъ. — крикнулъ Артифексовъ и сѣлъ на свою лошадь. Сознанiе силы коня и то, что на немъ онъ легко уйдетъ отъ курдовъ, придало ему бодрости.

Курды кинулись на казаковъ.

— Ребята, ко мнѣ.

И тутъ въ 20-мъ вѣкѣ произошло то, о чемъ пѣли былины на порогѣ девятаго вѣка. Петренко, какъ новый Илья Муромецъ, врубился въ конныя массы курдовъ и крошилъ ихъ, какъ капусту. На безкровномъ лицѣ дико сверкали огромные глаза и самъ онъ непроизвольно, не отдавая отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, хрипло кричалъ: —

— Ребята, въ атаку.... Ребята, въ атаку.... въ атаку...

Рядомъ съ нимъ, на спокойной въ этомъ хаосѣ людскихъ страстей лошади, стоялъ казакъ 3-го Волгскаго полка, Файда и съ лошади, изъ винтовки, почти въ упоръ билъ курдовъ.

Пулеметы ушли.... Отъ отряда оставалось только трое: сотникъ Артифексовъ, Петренко и Файда. Петренко былъ раненъ въ грудь и шатался на лошади.....

— Уходи — крикнулъ Артифексовъ, отстрѣливаясь изъ револьвера — и, какъ только Петренко и Файда скрылись въ балкѣ, выпустилъ своего могучаго кровнаго коня....

Впереди было каменистое русло протока. Сзади нестройными толпами, направляясь къ агонизировавшей батареѣ, скакали курды. Часто щелкали выстрѣлы.

Большiе камни русла заставили сотника Артифексова задержать коня, перевести его на рысь и потомъ на шагъ. Лошадь Артифексова вдругъ какъ то осѣла задомъ, заплела ногами и грузно завалилась. Сейчасъ же вскочила, прянула и упала на Артифексова, тяжело придавивъ ему ногу.

Мимо проскакали курды. Они шли брать батарею. Иные соскакивали у труповъ казаковъ и обирали ихъ. Громадный курдъ

увидалъ Артифексова, бившагося подъ лошадью, соскочилъ съ коня и съ ружьемъ въ рукахъ бросился на офицера. Онъ ударилъ Артифексова по головѣ прикладомъ, торчкомъ. Мохнатая кубанская шапка предохранила голову и былъ только тяжелый ударъ, вызвавшій минутное помутненіе въ головѣ. Артифексовъ схватилъ курда одною рукою за руку, другою за ногу и повалилъ его, зажавъ его голову подъ мышкой правой руки, а лѣвой рукой старался достать револьверъ, бывшій подъ лошадью. Курдъ зубами впился въ бокъ Артифексова, но тому удалось достать револьверъ и онъ выстрѣломъ въ курда, освободился отъ него.

Мутилось въ головѣ; какъ въ туманѣ, увидалъ Артифексовъ двухъ Волгскихъ казаковъ, скакавшихъ мимо.

— Братцы, — крикнулъ онъ, — помогите выбраться. —

Казакъ — по фамиліи Высококобылка — остановился.

— Стой, ребята, пулеметчикъ офицеръ раненъ.

— Я не раненъ, а только не могу встать.....

Высококобылка закричалъ что то и сталъ часто стрѣлять по насѣдавшимъ курдамъ. Другой казакъ, Кабальниковъ, тоже что то кричалъ Артифексову. Артифексовъ рванулся еще разъ и выкарабкался изъ подъ лошади. Но сейчасъ же на него налетѣло трое конныхъ курдовъ. Одного убилъ Артифексовъ, другого — кто то изъ казаковъ, третій поскакалъ назадъ.

— Ваше Благородіе, бѣгите сюды, — крикнулъ Артифексову Высококобылка. Казаки изъ за большихъ камней русла не могли подъѣхать къ офицеру.

Артифексовъ подошелъ къ нимъ. Они стали по сторонамъ его, онъ вставилъ одну ногу въ стремя одному, другую — другому и, обнимая ихъ, поскакалъ между ними по дорогѣ. Но дальше шла узкая тропинка. По ней можно было скакать только одному. Отъ удара по черепу силы покидали Артифексова.

— Бросай, ребята. Все равно ничего не выйдетъ.

— Зачѣмъ, бросай,—сказалъ Высококобылка и спрыгнулъ со своей лошади.

— Садитесь, Ваше Благородіе. Кабальниковъ веди его благородіе. За луку держитесь. Ничего, увеземъ.

На мгновеніе Артифексовъ хотѣлъ отказаться, но машинально согласился. Высококобылка опустился на колѣно у прорытой въ холмѣ тропы и изготовился стрѣлять. И какъ только курды сунулись въ промоину, мѣткими выстрѣлами сталъ ихъ класть у щели.

Выпустивъ пять патроновъ, онъ догналъ Кабальникова, вскочилъ

на крупъ лошади и всѣ трое поскакали дальше. Но не проскакали они и двухсотъ шаговъ, какъ курды прорвались въ щель и стали стрѣлять по казакамъ. Высококобылка соскочилъ съ лошади, легъ и остался одинъ противъ курдовъ, выстрѣлами на выборъ онъ опять остановилъ ихъ преслѣдованіе, потомъ подбѣжалъ къ Кабальникову и, взявшись за хвостъ лошади, бѣжалъ за Артифексовымъ.

Они уже выходили изъ поля боя. Стали попадаться казаки отряда. Курды бросили преслѣдованіе. Сотникъ Артифексовъ былъ спасенъ....

Глухою ночью онъ проснулся. Нестерпимо болѣла ушибленная нога. Кошмары давили. Въ пустой хатѣ, гдѣ его положили, было темно и страшно. Шатаясь, онъ вышелъ на воздухъ. Въ безкрайной пустынѣ горѣлъ костеръ. Кругомъ сидѣли казаки.

— Братцы, дайте мнѣ побыть съ Вами, страшно мнѣ одному. Голова болитъ — сказалъ Артифексовъ.

Молча подвинулись казаки. Офицеръ сѣлъ у костра. Онъ прилегъ. Чья то заботливая рука прикрыла его ноги буркой.

Тихо горѣлъ костеръ. Трещали чуть слышно мелкіе сучья. Въ сторонѣ жевали кони. Высоко въ небѣ ткали невидимый узоръ звѣзды, точно перекидывались между собою лучами — мыслями.

Молчали казаки.

Подвигъ братской Христіанской любви и самопожертвованія былъ совершенъ.

По уставу.

Какъ офицеръ «дома» училъ. Какъ наказывалъ отецъ. Какъ говорила, провожая, мать. Какъ обязанъ былъ поступать каждый казакъ, какъ поступали тогда всѣ......

Теперь.....

Высококобылка и Кабальниковъ, гдѣ Вы? Въ бѣлой арміи, на тяжелыхъ работахъ, въ чужой непріютной странѣ?.... Или дома, въ разоренномъ хуторѣ хозяйствуете подъ чужой, не-русскою властью?.... Или служите 3-ему Интернаціоналу, не за совѣсть, а за страхъ, выколачивая изъ русскихъ мужиковъ продналогъ...

Откликнитесь, гдѣ Вы?....

Или спите въ безвѣстной могилѣ, въ широкой степи, безъ креста и гроба похороненные, и души Ваши, со святыми у Престола Всевышняго.... славою и честью вѣнчанные.....

Ибо подвигъ Вашъ, награжденный Царемъ земнымъ, не останется безъ награды и у Господа Силъ.

III

Какъ они томились въ плѣну.

Есть еще на войнѣ одно страшное мѣсто. Страшное и больное.

Плѣнъ.

Такъ много грязнаго и тяжелаго разсказывали про плѣнныхъ, такъ много ужаснаго.

Въ Мартѣ 1915 г. были бои на р. Днѣстрѣ, подъ Залещиками. Я со своимъ 10-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ занималъ позицію впереди Залещиковъ, на непріятельскомъ берегу. Передъ нашими окопами, шагахъ въ шестистахъ, былъ редутъ, занятый батальономъ 300-го Александрійскаго пѣхотнаго полка. Это былъ ключъ нашей позиціи.

Австро-германцы — противъ насъ была венгерская пѣхота и германская кавалерійская бригада — сосредоточили по этому редуту огонь двухъ полевыхъ и одной тяжелой батареи. Намъ были видны разрывы снарядовъ и темные столбы дыма подлѣ редута. Это продолжалось полъ часа. Потомъ огонь стихъ. Въ бинокль мы увидали большую бѣлую простыню надъ редутомъ, а потомъ сѣрую толпу, перевалившую къ непріятелю.

Я никогда не забуду того отвратительнаго чувства тоски, обиды и досады, что залила тогда сердце. Эта сдача Александрійцевъ дорого стоила намъ, принужденнымъ отстаивать позицію безъ нихъ и безъ ихъ редута.

И еще помню.

На Стоходѣ, на разсвѣтѣ, мы увидали, какъ два солдата армейскаго запаснаго полка прошли изъ окопа къ копнѣ сѣна, бывшей между нами и австрійцами. Что то поговорили между собою, навязали на штыкъ бѣлый платокъ и ушли... къ непріятелю.

И потому къ плѣннымъ было у насъ нехорошее чувство. Такое чувство было и у той сестры, (разсказы которой про солдатскую смерть я записалъ), когда она въ 1915 году была назначена посѣтить военно-плѣнныхъ въ Австро- Венгріи. Она знала, что непріятель тамъ велъ противо- русскую пропаганду и потому приступила къ исполненію своего порученія не безъ страха.

«Послѣ всего, пережитого мною на фронтѣ, въ передовыхъ госпиталяхъ, послѣ того, какъ повидала я всѣ эти прекрасныя смерти нашихъ солдатъ» — разсказывала мнѣ сестра — «было у меня преклоненіе передъ Русскимъ воиномъ. И я боялась увидать плѣнныхъ... И увидала.... Подошла къ нимъ вплотную... Вошла въ ихъ простую томящуюся душу... И мнѣ не стало стыдно за нихъ».

Съ тяжелымъ чувствомъ ѣхала сестра къ нѣмцамъ. Они были виновниками гибели столькихъ прекрасныхъ Русскихъ, они убили ея жениха. Когда пароходъ, шедшій изъ Даніи, подошелъ къ Германіи, сестра опустилась внизъ и забилась въ свою каюту. Ей казалось, что она не будетъ въ состояніи подать руку встрѣчавшимъ ее нѣмецкимъ офицерамъ. Это было лѣтомъ 1915 г. На фронтѣ у насъ было плохо. Арміи отступали, врагъ торжествовалъ.

У маленькаго походнаго образа въ горячей молитвѣ склонилась сестра. Думала она — «Я отдала свою жизнь на служеніе Русскому солдату. Отдала ему и свои чувства. Переборю, переломлю себя. Забуду Германію въ любви къ Россіи.»

Тогда еще не выплыли въ арміи шкурные интересы, не торопились дѣлить господскую землю, не говорили: «Мы Пензенскіе, до насъ еще когда дойдутъ, чаво намъ драться? Вотъ, когда къ нашему селу подойдутъ, тоды покажемъ.» Тогда была Императорская Армія и дралась она «за Вѣру, Царя и Отечество», а не за «землю и волю», отстаивала Россію, а не революцію.

Съ вѣрою въ Русскаго солдата вышла сестра къ нѣмцамъ и поздоровалась съ ними.

Сейчасъ же повезли ее въ Вѣну. Если у насъ шпіономанія процвѣтала, то не меньше нашего были заражены ею и враги. За сестрою слѣдили. Ее ни на минуту не хотѣли оставить съ плѣнными наединѣ, чтобы не услышала она ничего лишняго, не узнала ничего такого, что могло бы повредить нѣмцамъ. Плѣннымъ было запрещено жаловаться сестрѣ на что бы то ни было, и уже знала сестра стороною, что тѣхъ, кто жаловался, наказывали, сажали въ карцеръ, подвѣшивали за руки, лишали пищи.

Первый разъ увидѣла она плѣнныхъ въ Вѣнѣ, въ большомъ резервномъ госпиталѣ. Тамъ было сосредоточено нѣсколько сотъ русскихъ раненыхъ, подобранныхъ на поляхъ сраженій.

Съ трепетомъ въ сердцѣ, сопровождаемая австрійскими офицерами, поднялась она по лѣстницѣ, вошла въ корридоръ. Распахнулась дверь и она увидѣла больничную палату.

О ея пріѣздѣ были предупреждены. Ее ждали. Первое, что

бросилось ей въ глаза, были бѣлыя русскія рубахи и чисто вымытыя, блѣдныя, истощенныя страданіемъ, голодомъ и тоскою лица. Плѣнные стояли у оконъ съ рѣшетками, тяжело раненые сидѣли на койкахъ, и всѣ, какъ только появилась русская сестра,въ русскихъ косынкѣ и апостольникѣ, съ широкимъ краснымъ крестомъ на груди повернулись къ ней, придвинулись и затихли, страшнымъ, напряженнымъ, многообѣщающимъ молчаніемъ.

Когда сестра увидѣла ихъ, столь ей знакомыхъ, такихъ дорогихъ ей по воспоминаніямъ Ломжи и полей Ивангорода, въ чужомъ городѣ, за желѣзными рѣшетками, во власти врага — она ихъ пожалѣла русскою жалостью, ощутила чувство материнской любви къ дѣтямъ, вдругъ поняла, что у нея не маленькое дѣвичье сердце, но громадное сердце всей Россіи, Россіи-Матери.

Уже не думала, что надо дѣлать, что надо говорить, забыла объ австрійскихъ офицерахъ, о солдатахъ съ винтовками, стоящихъ у дверей.

Низко, Русскимъ поясным поклономъ, поклонилась она всѣмъ и сказала: —

— Россія-Матушка всѣмъ Вамъ низко кланяется. —

И заплакала.

Въ отвѣтъ на слова сестры раздались всхлипыванія, потомъ рыданія. Вся палата рыдала и плакала.

Прошло много минутъ, пока эти взрослые люди, солдаты Русскіе, успокоились и затихли.

Сестра пошла по рядамъ. Никто не жаловался ни на что, никто не ропталъ, но раздавались полные тоски вопросы: —

— Сестрица, какъ у насъ?

— Сестрица, что въ Россіи?

— Сестрица, чья теперь побѣда?

Было плохо. Отдали Варшаву, отходили за Влодаву и Пинскъ.

— Богъ милостивъ... Ничего... Богъ поможетъ... — говорила сестра и понимали ее плѣнные.

— Давно Вы были въ церкви? — спросила ихъ сестра.

— Съ Россіи не были — раздались голоса съ разныхъ концовъ палаты.

Сестра достала молитвенникъ и стала читать вечернія молитвы, какъ когда то читала ихъ раненымъ. Кто могъ — сталъ на колѣни и стала въ палатѣ мертвая, ничѣмъ не нарушаемая тишина. И въ эту тишину, какъ въ сумракъ затихшаго передъ закатомъ лѣса,

врывается легкое журчанье ручья, падали кроткія, знакомыя съ дѣтства слова Русскихъ молитвъ.

Молитвою была сильна Императорская православная Россія, сильна и непобѣдима.

На секунду оторвалась отъ молитвенника сестра и оглядѣла палату. Выраженіе сотни глазъ плѣнныхъ ее поразило. Устремленные на нее, они что то видѣли такое прекрасное и умиротворяющее, что стали особенными, духовными и кроткими. Сердца ихъ очищались молитвою. «Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ» подумала сестра и поняла, что они: — Бога видѣли.

Когда настала молитвенная тишина, одинъ за другимъ стали выходить изъ палаты австрійскіе офицеры, дали знакъ, — и ушли часовые. Сестра осталась одна съ плѣнными.

Она кончила молитвы. Надо было идти въ слѣдующій этажъ, а никого не было, кто бы указалъ ей дорогу.

Сестра пошла на лѣстницу и тамъ нашла всѣхъ сопровождавшихъ ее. — Мы вышли — сказалъ ей старшій изъ Австрійскихъ офицеровъ — потому что почувствовали силу Вашей молитвы. Мы почувствовали Бога. Мы рѣшили, что Вы можете ходить по палатамъ и посѣщать плѣнныхъ безъ того, чтобы мы ходили за Вами,

Они повѣрили сестрѣ.

Сестра боялась, что плѣнные, жаловавшіеся ей, будутъ наказаны. Она знала, что, хотя Австрійцы и не слѣдятъ болѣе за нею по пятамъ но въ каждомъ помѣщеніи есть свои шпіоны и доносчики. Эту роль на себя брали, по преимуществу, евреи, бывшіе почти вездѣ переводчиками.

Генералъ Инспекторомъ всѣхъ лагерей военно плѣнныхъ былъ генералъ Линхардъ. Онъ отлично относился къ сестрѣ. и былъ съ нею рыцарски вѣжливъ.

— Генералъ, — сказала сестра, отдавая ему отчетъ о первомъ посѣщеніи плѣнныхъ, — теперь такое ужасное время. Я послана, какъ оффиціальное лицо, и Вы являетесь тоже лицомъ оффиціальнымъ. Но забудемъ это... Будемъ на минуту просто людьми. Мы, Русскіе, любимъ жаловаться, плакаться, переувеличивать свои страданья, клясть свою судьбу, это намъ облегчаетъ горе. Солдаты видятъ во мнѣ мать, и, какъ ребенокъ матери, такъ они мнѣ хотятъ излить свое горе. Вѣрьте мнѣ — я не буду пристрастна, я съумѣю

отличить, гдѣ правда и гдѣ просто разстроенное воображенiе. Я не позволю себѣ использовать Вамъ что либо во вредъ. Я даю Вамъ слово Русской женщины. Но мнѣ говорили, что тѣхъ, кто мнѣ жалуется, будутъ жестоко наказывать... Такъ вотъ, генералъ, дайте мнѣ честное слово Австрiйскаго генерала, что Вы отдадите приказъ, не наказывать тѣхъ, кто будетъ мнѣ жаловаться.

Генералъ всталъ, поклонился и коротко и сурово сказалъ:
— Даю Вамъ это слово.

Сестра посѣтила болѣе ста тысячъ плѣнныхъ. Жаловавшiеся ей не были наказаны.

IV.

Что были для нихъ Россiя и Царь.

Вмѣсто Россiйской Имперiи — большевистскiй застѣнокъ, съ хамомъ, сумасшедшими и жидами у кормила въ Святомъ Кремлѣ. Тамъ повсюду развѣвается красное, кровавое знамя. Поруганы семья и церковь. Самое слово — Россiя — не существуетъ, и все таки «мы въ изгнанiи сущiе» тоскуемъ по ней и жаждемъ вернуться.

Что же испытывали плѣнные, заточенные по лагерямъ и тюрьмамъ и оставившiе Россiю цѣлою, съ Государемъ, съ ея великой, славной Армiей. Ихъ тоска была неописуема.

Любили они горячо, страстной любовью то, за что принимали страданiя...

Высокаго роста, красивый солдатъ въ одномъ изъ лагерей отдѣлился отъ строя и тихо сказалъ сестрѣ:

— Сестрица, мнѣ нужно поговорить съ Вами съ глазу на глазъ.

Сестра перевела его просьбу сопровождавшему ее генералу. Генералъ разрѣшилъ.

— Пожалуйста, — сказала сестра, — генералъ позволилъ.

Они отошли въ сторону, за бараки. Солдатъ смутился, покраснѣлъ и заговорилъ тѣми красивыми, русскими пѣвучими словами, что сохранились по деревнямъ вдали отъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, словами, подсказанными природой и жизнью среди животныхъ, звѣрей и птицъ.

— Сестрица, дороже мнѣ всего на свѣтѣ портретъ Царя-Батюш-

ки, что далъ Онъ мнѣ, какъ я служилъ въ Его полку... Зашитъ онъ у меня въ сапогѣ. И ни ѣсть ни пить мнѣ не надо, а былъ бы цѣлъ Его портретъ. Да вотъ горе — бѣда, пошли промежду нами шпіоны. Провѣдаютъ, пронюхаютъ, прознаютъ про тотъ портретъ. Какъ бы не отобрали? Какъ бы не попалъ онъ въ поганыя вражескія руки! Я ,сестрица, думалъ: — возьми и свези его на Родину и дай, куда сохранить... Али опасно? —

Сестра сказала ему , что всѣ ея бумаги и документы просматриваются Австрійскими властями и скрыть портретъ будетъ неудобно. Задумался солдатъ.

«Тогда не могу его Вамъ отдать. Неладно будетъ. Присовѣтуйте.... хочу записаться я, чтобы въ поляхъ работать. И вотъ, скажемъ, ночь тихая, погода свѣтлая и наклею я портретъ на дерево и пущу его по тихимъ водамъ рѣчнымъ и по той рѣкѣ, что съ какой ни есть русскою рѣкою сливается, чтобы причалилъ онъ къ русскимъ берегамъ. И тамъ возьмутъ его. Тамъ то, я знаю, тамъ сберегутъ».

«Богъ спасетъ, оставь у себя въ голенищѣ»,» — сказала сестра.

У сестры на груди висѣли золотыя и серебряныя Георгіевскія медали фронта съ чеканнымъ на нихъ портретомъ Государя. Когда она шла вдоль фронта военно — плѣнныхъ по лагерю, ей подавали просьбы.

Кто просилъ отыскать отца или мать и передать имъ поклонъ и привѣтъ, Не знаетъ ли она, кто живъ, кто убитъ? Кто передавалъ письмо, жалобы или прошенія.

И вдругъ, — широкое крестное знаменіе.... Дрожащая рука хватаетъ медаль, чье то загорѣлое усатое лицо склоняется и цѣлуетъ Государевъ портретъ на медали.

Тогда кругомъ гремѣло «Ура» Люди метались въ изступленіи, чтобы приложиться къ портрету, эмблемѣ далекой Родины Россіи.

И бывалъ такой подъемъ, что сестрѣ становилось страшно, не надѣлали бы люди чего либо противозаконнаго.

Положеніе военно — плѣнныхъ въ Германіи и Австріи къ концу 1915 г. было особенно тяжелымъ, потому что въ этихъ странахъ уже не хватало продовольствія, чтобы кормить своихъ солдатъ,

и чужихъ плѣнныхъ едва — едва кормили, держали ихъ на голодномъ пайкѣ.

И вотъ, что мнѣ разсказывала сестра о настроенiи голодныхъ, забытыхъ людей.

Это было подъ вечеръ яснаго, теплаго,осенняго дня. Сестра только что закончила обходъ громаднаго лазарета въ Пуркъ — Шталѣ, въ Австро Венгрiи, гдѣ находилось 15 тысячъ военноплѣнныхъ. Они были разбиты на литеры по триста человѣкъ, и одной литерѣ было запрещено сообщаться съ другой. Весь день она переходила отъ одной группы въ 100 — 120 человѣкъ, съ которой бесѣдовала, къ другой. Когда наступилъ вечеръ и солнце склонилось къ землѣ, она пошла къ выходу.

Плѣннымъ было разрѣшено проводить ее и выйти изъ своихъ литерныхъ перегородокъ. Громадная толпа исхудалыхъ, бѣдно одѣтыхъ людей, залитая послѣдними лучами заходящаго солнца, слѣдовала за сестрой. Точно золотыя дороги потянулись съ Запада на Востокъ, точно материнская ласка дневного свѣтила посылала послѣднія объятiя далекой Россiи.

Сестра выходила къ воротамъ. Она торопилась, обмѣниваясь съ ближайшими солдатами пустыми, ничего не значущими словами.

— Какой ты губернiи?

— Въ какомъ ты полку служилъ?

— Болитъ твоя рана?

У лагерныхъ воротъ отъ толпы отдѣлился молодой, высокiй солдатъ. Онъ сталъ передъ сестрой и, какъ бы выражая мнѣнiе всѣхъ, началъ громко, восторженно говорить:—

— «Сестрица, прощай, мы больше тебя не увидимъ. Ты свободная..Ты поѣдешь на родину въ Россiю, такъ скажи тамъ отъ насъ Царю — Батюшкѣ,чтобы о насъ не недужился, чтобы Манифеста своего изъ за насъ не забывалъ и не заключалъ мира, покуда хоть одинъ нѣмецъ будетъ на Русской землѣ. Скажи Россiи — Матушкѣ, чтобы не думала о насъ... Пускай мы всѣ умремъ здѣсь отъ голода — тоски, но была бы только побѣда.»

Сестра поклонилась ему въ поясъ. Надо было что либо сказать, но чувствомъ особеннымъ была переполнена ея душа, и слова не шли на умъ. Пятнадцати — тысячная толпа притихла и въ ней было напряженное согласiе съ говорившимъ.

И сказала сестра.

«Солнце глядится теперь на Россiю. Солнце видитъ Васъ и

Россію видитъ. Оно скажетъ о Васъ, какіе Вы...... и, заплакавъ, пошла къ выходу.

Кто то крикнулъ «Ура, Государю Императору». Вся пятнадцати тысячная толпа вдругъ рухнула на колѣни и едиными устами и единымъ духомъ, запѣла «Боже, Царя храни»... Звуки величаваго народнаго гимна наростали и сливались съ рыданіями все чаще прерывавшимися сквозь пѣніе. Кончили и запѣли второй и третій разъ запрещенный гимнъ.

Австрійскій генералъ, сопровождавшій сестру, снялъ съ головы высокую шапку и стоялъ на вытяжку. Его глаза были полны слезъ.

Сестра поклонилась до земли толпѣ военноплѣнныхъ и, сдерживая рыданія, быстро пошла къ ожидавшему ее автомобилю.

Миръ во что бы то ни стало. Миръ черезъ головы генераловъ. Миръ, заключаемый рота съ ротой, батальонъ съ батальономъ по приказу никому невѣдомаго Главковерха, Крыленко.

Безъ анексій и контрибуцій...

Когда была правда? Тогда ,когда за Пуркштальскимъ лагеремъ, за чужую землю закатывалось ясное Русское солнце, или тогда, когда восходило кровавое солнце Русскаго бунта?

Гимнъ и молитва были тѣмъ, что наиболѣе напоминало Родину, что связывало духовно этихъ несчастныхъ, томящихся на чужбинѣ людей со всѣмъ, что было безконечно имъ дорого. Дороже жизни.

Это было въ одномъ громадномъ госпиталѣ для военноплѣнныхъ. Весь Австрійскій городъ былъ переполненъ ранеными, и плѣнные, тоже раненые, помѣщались въ зданіи какого то большого училища.

Въ этомъ госпиталѣ было много умирающихъ и тѣ кто уже поправлялся и ходилъ, жили въ атмосферѣ смерти и тяжкихъ мукъ.

Когда сестра кончила обходъ палатъ и вышла на лѣстницу, за нею пошла большая толпа плѣнныхъ. Ее остановили на лѣстницѣ и одинъ изъ солдатъ сказалъ ей: —

— Сестрица, у насъ здѣсь хоръ хорошій есть. Хотѣли бы мы Вамъ спѣть то, что чувствуемъ.

Сестра остановилась въ нерѣшительности. Подлѣ нея стояли Австрійскіе офицеры.

Регентъ вышелъ впередъ, далъ тонъ, и вдругъ по всей лѣстницѣ, по всѣмъ казармамъ, по всѣмъ палатамъ, отдаваясь на улицу, величаво раздались мощные звуки громаднаго дивно спѣвшагося хора.

— Съ нами Богъ. Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ,— гремѣлъ хоръ по чужому зданію, въ городѣ, полномъ этихъ самыхъ «чужихъ» языковъ.

Лица поющихъ стали напряженныя. Какая то страшная рѣшимость легла на нихъ. Загорѣлись глаза огнемъ вдохновенія. Скажи имъ сейчасъ, что ихъ убьютъ, всѣхъ разстрѣляютъ, если они не перестанутъ пѣть, — они не послушались бы.

А кругомъ плакали раненые. Сестра плакала съ ними.

Послѣ отъѣзда сестры, весь госпиталь, всѣ, кто только могъ ходить, собрались въ большой палатѣ. Калѣки приползли, слабые пришли, поддерживаемые болѣе сильными. Дѣлились впечатлѣніями пережитого.

— Ребята, сестра намъ много хорошаго сдѣлала. Надоть намъ такъ, чтобы безпремѣнно ее отблагодарить. Память, какую ни на есть, ей по себѣ оставить.»

— Слыхали мы, остается сестра еще день въ нашемъ городѣ, давайте, сложимся и купимъ ей кольцо о насъ въ напоминаніе.

— Или какое рукодѣліе ей сдѣлаемъ?

Посыпались предложенія, но все не находили сочувствія. Все казался подарокъ малъ и ничтоженъ по тому многому, что оставила сестра въ ихъ душахъ.

И тогда всталъ на табуретку маленькій, невзрачный на видъ солдатъ, совсѣмъ простой и сказалъ: —

— «Ей подарка не нужно, не такая она сестра, чтобы ей подарокъ, или что поднести. Мы плакали о своемъ горѣ и она съ нами плакала. Вотъ если бы мы могли изъ ея и своихъ слезъ сплести ожерелье — вотъ такой подарокъ ей поднести».

Въ палатѣ послѣ этихъ словъ наступила тишина. Раненые молча расходились. Все было сказано этими словами.

Вольноопредѣляющійся, бывшій свидѣтелемъ этого, разсказалъ сестрѣ. Говорила мнѣ сестра: — Когда мнѣ дѣлается особенно тяжело, и мысли тяжкія о нашей несчастной Родинѣ овладѣваютъ мною, и болѣзни мучатъ, мнѣ кажется тогда, что на шеѣ у меня лежитъ это ожерелье изъ чистыхъ Русскихъ солдатскихъ слезъ — и мнѣ становится легче.

Молитва въ сердцахъ этихъ простыхъ Русскихъ людей всегда соединялась съ понятіемъ о Россіи. Точно Богъ былъ не вездѣ, но Богъ былъ только въ Россіи. Можетъ быть, это было потому, что у Бога было хорошо, а хорошо было только въ Россіи.

Въ Венгріи, въ одномъ помѣстьи, гдѣ работало четыреста человѣкъ плѣнныхъ, къ сестрѣ, послѣ осмотра ею помѣщеній и обычной бесѣды и разспросовъ, подошло нѣсколько человѣкъ и одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Сестрица, мы построили часовню. Мы хотѣли бы, чтобы ты посмотрѣла ее. Но не суди ее очень строго. Она очень маленькая. Мы хотѣли, чтобы она была Русская, совсѣмъ Русская, и мы строили ее изъ Русскаго лѣса, выросшаго въ Россіи. Мы собирали доски отъ тѣхъ ящиковъ, въ которыхъ намъ посылали посылки изъ Россіи и изъ нихъ построили себѣ часовню. Мы отдавали послѣднее, что имѣли, чтобы устроить ее себѣ.»

Было Крещенье. Сухой, ясный, морозный день стоялъ надъ скованными полями. Жалкій и трогательный видъ имѣла крошечная постройка въ пять шаговъ длины и три шага ширины, одиноко стоявшая въ полѣ. Бѣдна и незатѣйлива была ея архитектура.

Но, когда сестра вошла въ нее, странное чувство овладѣло ею. Точно изъ этого ящика дохнула свѣтлымъ дыханіемъ, великая въ страданіи Россія. Точно и правда Русскія доски принесли съ собою Русскій говоръ, шепотъ Русскихъ лѣсовъ и всплески и журчанье Русскихъ рѣкъ.

«Когда намъ бываетъ ужъ очень тяжело — сказалъ одинъ изъ солдатъ — когда за Россіей душа соскучится, захотимъ мы, чтобы мы побѣдили, чтобы хорошо было Царю-батюшкѣ, пойдешь сюда и чувствуешь точно въ Россію пошелъ. Вспомнишь деревню свою, вспомнишь семью».

Солдаты и сестра сѣли подлѣ часовни. Почему то сестрѣ вспомнились слова Спасителя, сказанныя Имъ по воскресеньи изъ мертвыхъ: «Всхожу къ Отцу моему и Отцу вашему, и къ Богу моему и къ Богу вашему»*)

«Не погибнутъ эти люди и не можетъ погибнуть и Россія, пока въ ней есть такіе люди», думала сестра. — «Если мы любимъ Бога и Отечество больше всего, и Богъ насъ полюбитъ и станетъ нашимъ Отцомъ и нашимъ Богомъ, какъ есть Онъ Богъ и Отецъ Іисуса Христа».

---

*) Отъ Іоанна, гл. 20, ст. 17.

Сестра, какъ умѣла, стала говорить объ этомъ солдатамъ. Они молча слушали ее. И, когда она кончила, они ей сказали :

— Сестрица, споемъ «Отче нашъ».

Спѣли три раза. Просто, безхитростно, какъ поютъ молитву Господню солдаты въ ротахъ. Казалось, что это было не въ Венгріи а въ Россіи, не въ плѣну, а на свободѣ.

Въ сторонѣ стоялъ венгерскій офицеръ, наблюдавшій за плѣнными въ этомъ помѣстьи. Онъ тоже снялъ шапку и молился вмѣстѣ съ русскими солдатами.

Провожая сестру, онъ сказалъ ей:

— Я венгерскій офицеръ, раненый на фронтѣ. Когда вы молились и плакали съ Вашими солдатами, и я плакалъ. Когда теперь такъ много зла на землѣ, и эта ужасная война и голодъ, — я вдругъ увидѣлъ, что есть небесная любовь. И это меня тронуло, сестра. Не безпокойтесь о нихъ. Я теперь всегда буду относиться къ нимъ сквозь то чудное чувство, что я пережилъ сейчасъ съ Вами, когда молился и плакалъ.

Въ одномъ большомъ городѣ, въ больницѣ, гдѣ администрація и сестры очень хорошо и заботливо относились къ плѣннымъ, сестра раздавала раненымъ образки.

Они вставали, кто могъ, крестились и цѣловали образки. Одинъ же, когда она къ нему подошла, сѣлъ.

«Сестрица, — сказалъ онъ — мнѣ не надо Вашего образка. Я не вѣрю въ Бога и никого не люблю. Въ мірѣ только одно мученье людямъ, такъ ужъ какой тутъ Богъ? Надо одно, чтобы это зло отъ войны прекратилось. И не надо мнѣ ни образовъ, ни Евангелія, — все зло и обманъ.»

Сестра сѣла къ нему на койку и стала съ нимъ говорить. Онъ былъ образованный, изъ учителей. Слушалъ ее внимательно.

— Спасибо Вамъ, — сказалъ онъ — Ну, дайте мнѣ образокъ.

Изъ немигающихъ глазъ показались слезы. Сестра дала ему образокъ, поднялась и ушла отъ него.

Прошло много времени. Сестра вернулась въ Петербургъ. Однажды въ числѣ другихъ писемъ она получила открытку изъ Австріи. Писалъ тотъ солдатъ, которому она дала образокъ.

«Дорогая сестрица, откуда у Васъ было столько любви къ намъ, что, когда Вы вошли въ палату, я почувствовалъ своимъ ожесто-

ченнымъ, каменнымъ сердцемъ, что Вы любите каждаго изъ насъ. Я благославляю Васъ, потому что Вы — сердце, поющее Богу пѣснь хвалы. У меня теперь одна мечта — вернуться на Родину и защищать ее отъ враговъ. Хотѣлось бы увидѣть еще разъ Васъ и мою мать».

V.

Они бѣжали изъ плѣна, чтобы снова сражаться за Россію.

Эта мечта — увидѣть снова Родину и драться, защищая ее отъ враговъ, была наиболѣе сильной и яркой мечтой у большинства плѣнныхъ. Какъ ни строго охраняли плѣнныхъ, какъ ни сурово было наказаніе за побѣги, изъ плѣна постоянно бѣжали. Бѣжали самымъ необыкновеннымъ образомъ и, что замѣчательно, при поимкѣ, никогда не говорили, что бѣжали для того, чтобы повидать семью или жену, или дѣтей, но всегда заявляли, что бѣжали для того, чтобы вернуться въ родной полкъ смыть позоръ плѣна и въ рядахъ полка сражаться противъ непріятеля.

Особенно много бѣжало казаковъ. Надо и то сказать, что съ казаками въ плѣну обращались строго. Въ Австро-Германской арміи было убѣжденіе, что казаки на даютъ пощады врагу, что они не берутъ плѣнныхъ и потому въ лагеряхъ мстили казакамъ. И еще одно. Въ казачьихъ частяхъ плѣнъ, по традиціи, считался не несчастьемъ, а позоромъ, и потому даже раненые казаки старались убѣжать, чтобы смыть съ себя позоръ плѣна.

Въ Даніи былъ интернированъ казакъ, три раза убѣгавшій изъ плѣна въ Германіи. У него была одна мечта — вернуться въ полкъ и снова сражаться. Чтобы бѣжать онъ прибѣгалъ къ всевозможнымъ уловкамъ. Притворялся сумасшедшимъ. Сидѣлъ на койкѣ и выдергивалъ у себя волосы, по одному волосу въ минуту, ничего не ѣлъ, бросался на приходящихъ. Его отправили въ сумасшедшій домъ. Онъ связалъ изъ разорванной простыни канатъ и ночью бѣжалъ изъ окна уборной. На границѣ его поймали. Его мучили, держали въ карцерѣ, подвѣшивали къ стѣнкѣ. Онъ притворился покаявшимся и устроился на полевыя работы. Едва затянулись рѣки, бѣжалъ

снова глухой осенью. Болѣе недѣли скитался, питаясь только корнями, остававшимися въ поляхъ, упалъ отъ истощенія и былъ пойманъ. Его отправили въ Данію.

— Бѣгу и отсюда, — говорилъ онъ. — Надо смыть позоръ. Я казакъ, а во время войны, въ плѣну сижу.

И бѣжалъ.......

Въ Моравіи, на сахарномъ заводѣ, у помѣщика, работало двѣсти Русскихъ военноплѣнныхъ. Партіей завѣдывалъ Русскій еврей, Русскій же еврей былъ и поваромъ при партіи. Евреи-переводчики, евреи — завѣдывающіе партіями — Это было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ бытовыхъ явленій плѣна. Они контролировали почту, они читали письма плѣнныхъ, они доносили на строптивыхъ и изъ за нихъ были цѣпи, подвѣшиванія, карцеры, бичеванія и разстрѣлы. Они знали языкъ, но не были Русскими, они не любили Россіи. Суровое молчаніе и глухое недовольство было на заводѣ. Голодные, забитые люди только что кончили разсказы о своемъ горѣ и, мрачно столпившись, стояли около завода.

Вдругъ тишину вечера нарушили крики, грубая брань и стукъ. Плѣнные тревожно заговорили.....

— Ахъ, ты, Боже мой.... Царица небесная... Онъ попался... Онъ ушелъ, а его таки поймали....

Сестра увидѣла: — два Австрійскихъ солдата волочили какого то, почти голаго человѣка. На худомъ, грязномъ изможденномъ тѣлѣ болтались обтрепанныя лохмотья шинели, и шатаясь, какъ пьяный, онъ брелъ. Въ глазахъ горѣла мука.

Увидавъ сестру, онъ остановился.

— Сестрица, ты свободная — спросилъ онъ хриплымъ голосомъ?

— Да, я свободная, я пріѣхала, чтобы передать Вамъ поклонъ отъ Матушки Россіи.

— Ты вернешься въ Россію?

Да....

— Такъ вотъ... Я знаю ,что меня убьютъ... Мнѣ разстрѣла не избѣжать. Скажи тамъ на Родинѣ, что я хотѣлъ пробраться туда, чтобы воевать, чтобъ смыть съ себя срамъ плѣна....

— Онъ вдругъ повернулся къ лѣсу. Его лицо просвѣтлѣло. Загорѣлись внутреннимъ огнемъ большіе, въ темныхъ вѣкахъ, глаза. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ онъ на прекрасныя дали и

вдругъ воскликнулъ съ такимъ чувствомъ, съ такою силою, что никогда не могла забыть этого сестра.

— Вотъ поле, вотъ лѣсъ.... а за вами.... за вами — Россія-Матушка..... И не видать мнѣ тебя.....

Кругомъ всѣ замерли. Въ крикѣ этого пойманнаго плѣннаго было столько силы, столько мольбы, что казалось, лѣсъ разступится, холмы раздадутся и за ними, въ зеленыхъ даляхъ покажутся низкіе холмики Русскихъ деревень и купола православныхъ церквей. Казалось, что дали отвѣтятъ на этотъ призывъ и примутъ въ себя бѣглеца......

VI.

Они умирали въ плѣну, помня Россію.

Но еще тяжелѣе было положеніе, еще тяжелѣе настроеніе у плѣнныхъ больныхъ, умирающихъ, у тѣхъ, кто не могъ надѣяться, когда бы то ни было увидѣть Родину.

Тамъ было одно отчаяніе, одна молитва, одна вѣра въ будущую жизнь, и нельзя было видѣть тѣхъ людей безъ тоски, безъ слезъ.

Когда сестра навѣщала лазаретъ туберкулезныхъ плѣнныхъ въ Моравіи — это были одни сплошныя слезы. Тамъ лежали люди, которымъ оставалось 3-4 недѣли жизни. Каждый день изъ палатъ уносили мертвецовъ и остававшіеся знали, что ихъ часъ былъ близокъ

— Сестрица, сдѣлай такъ, чтобы намъ Россію еще повидать... Тяжело умирать со срамомъ плѣна на душѣ.... Ты скажи тамъ, что мы больные, что умираемъ, а свое помнимъ... Все одно, какъ на фронтѣ — «за Вѣру, Царя и Отечество».

На одной изъ коекъ лежалъ солдатъ, Васильевъ. Онъ былъ очень плохъ. Сестра сѣла къ нему на койку.

— Чувствую я, сестрица, что умираю. До конца былъ вѣренъ Царю и Отечеству и въ плѣнъ не по своей волѣ попалъ. Всѣ сдались Я и не зналъ, что это уже плѣнъ. Такъ хотѣлъ бы жену свою и дѣтей повидать. Шестеро ихъ у меня. Что съ ними будетъ? — одному Богу извѣстно. Ни коровы, ни лошади, ничего у нихъ нѣтъ. По міру пойдутъ. А міръ то каковъ! Тяготитъ это меня, сестра. —

Сестра заговорила о Богѣ. Она заговорила о небесныхъ обителяхъ, о великой премудрости Бога, о Его всевѣдѣнiи, о томъ, что Онъ не оставитъ, не попуститъ такъ погибнуть его семью. Она говорила о вѣчной жизни, о свѣтѣ незримомъ, о счастьи чистой совѣсти.

Она, сама вѣрующая, много могла сказать солдату, умирающему въ тоскѣ плѣна. Онъ слушалъ внимательно и радостнымъ становилось его лицо.

— Господи, — прошепталъ онъ. — Умереть бы скорѣе. Какъ хорошо такъ умирать.

VII

Въ Русской деревнѣ ихъ понимали.

Незримыя нити къ Государю и Родинѣ, увѣренность въ правотѣ своей смерти тянулись отъ этихъ страдальцевъ домой, въ ихъ семьи и въ далекихъ углахъ деревенской Россiи было горѣнiе любви, удовлетворенность и любованiе солдатской смертью, какъ подвигомъ. Быть можетъ изъ деревни, такъ многими захаянной, и шли эти здоровые токи, что давали мужество нашимъ солдатамъ такъ прекрасно умирать и на полѣ брани, и въ плѣну.

Сестра проѣзжала черезъ Австрiйскую деревню. Вдругъ кто то бросилъ ей въ автомобиль букетъ. Это были простые полевые цвѣты, искусно подобранные и завязанные зелеными стеблями. Сестра посмотрѣла, кто бросилъ цвѣты. Это былъ Русскiй слодатъ. Она его подозвала.

— Благодарствую, — сказала она — Зачѣмъ ты бросилъ мнѣ эти цвѣты?

— Я слышалъ въ городѣ, что черезъ наше село проѣзжаетъ сестра изъ Россiи. Я хотѣлъ, чтобы она знала, что мы и здѣсь, въ плѣну, не забыли Россiи и любимъ ее всѣмъ сердцемъ.

— Ты одинъ здѣсь?

— Нѣтъ, тутъ есть больница и въ ней нѣсколько нашихъ.

Сестра попросила разрѣшенiя навѣстить эту больницу, не показанную въ ея маршрутѣ.

Это была совсѣмъ маленькая деревенская больница. Въ ней лежали Сербы и Румыны. Сестра передала нашимъ союзникамъ

братскій привѣтъ изъ Россіи и спросила, есть ли здѣсь кто Русскій? Въ небольшой палатѣ съ приспущенными отъ солнца ставнями стояли прозрачные сумерки. Въ углахъ было темно. Изъ темноты раздался слабый голосъ умирающаго.

— Я — Русскій.

Сестра подошла къ нему.

Едва она подошла къ койкѣ, какъ очень худой больной, съ истощеннымъ болѣзнью лицомъ, приподнялся, схватилъ ея плечи, обнялъ и зарыдалъ.

— Успокойся, — сказала ему сестра.

— Сестрица, я умираю, У меня чахотка, и знаю я, что не проживу долго. Сестрица, выпроси у начальства, чтобы отпустили меня въ Россію. Все равно, какой я теперь воинъ? Хочу сказать, чтобы знали тамъ дома, чтобы зналъ Царь-Батюшка, что не измѣной я попалъ въ плѣнъ.

Сестра поговорила съ Австрійскимъ генераломъ и онъ обѣщалъ ей устроить это. Но докторъ сказалъ сестрѣ, что больной такъ плохъ, что не перенесетъ дороги и умретъ по пути.

— Все равно отправьте, — сказала сестра. — Волненія сборовъ въ Россію дадутъ ему много радости.

Недѣли черезъ двѣ она получила извѣстіе, что больной переведенъ въ Вѣну въ одинъ изъ большихъ госпиталей и оттуда будетъ отправленъ въ Россію. Проѣздомъ черезъ Вѣну она навѣстила его.

Онъ уже не лежалъ безпомощно на койкѣ, но сидѣлъ и былъ веселый и оживленный. Онъ сейчасъ же узналъ сестру и сталъ ей разсказывать, какъ онъ сначала поѣдетъ къ отцу и матери, въ Уфимскую губернію, повидать ихъ, а потомъ поѣдетъ въ полкъ, сражаться за Родину.

Сестра благословила его иконою.

Прошло нѣсколько времени. Сестра вернулась въ Петербургъ. Ей доставили письмо, посланное черезъ Красный Крестъ. Письмо было деревенское, На плотной бумагѣ съ зелеными линейками прыгали нескладныя круглыя буквы и говорили о сложныхъ, тонкихъ душевныхъ переживаніяхъ старыхъ крестьянина и крестьянки. Письмо было отъ родителей этого самаго солдата.

....«Торопимся скорѣе исполнить послѣднюю волю нашего родного сыночка, Петиньки» — говорили рыжими чернилами написанныя строки, — «А была та послѣдняяего воля — передать Вамъ, что кланяется до самой сырой земли и благодаритъ Васъ, что дали ему спокойно, на родной землѣ, умереть. А прожилъ онъ съ нами

всего три часочка. Въ пять привезли къ намъ, а въ восемь преставился ко Господу. Еще всѣмъ намъ и сельчанамъ сказалъ, что не измѣной онъ попалъ въ плѣнъ, а былъ раненъ. Пишемъ Вамъ отецъ и мать, что мы не пожалѣли никакого достатка, чтобы похоронить нашего Петеньку. Вся деревня его провожала. Все было честно и за то спасибо Вамъ, что вернули его изъ чужедальней стороны. И не усомнитесь, что мы его , какъ пострадавшаго за Вѣру, Царя и Отечество, плохо похоронили. Похоронили честно и хорошо. Плакали горько, но не жалѣли, что отдали его за Вѣру, Царя и Отечество....».

VIII.

Въ плѣну гордились Россіей и свято берегли ея имя.

Солдаты умирали на чужбинѣ. Въ плѣну было тяжело. Безрадостныя вѣсти шли съ Родины. Ихъ не понимали на Родинѣ. Но къ ней они тянулись. Ее боялись посрамить.

Въ 1915 году въ Россіи вышелъ приказъ, чтобы семьямъ военноплѣнныхъ выдавать паекъ въ половинномъ размѣрѣ. Приказъ этотъ дошелъ и до лагерей военноплѣнныхъ.

Въ лагерѣ Кинермецъ, въ Венгріи былъ баракъ, гдѣ содержались только одни подпрапорщики и унтеръ-офицеры. При обходѣ этого барака сестрою, къ ней подошелъ одинъ изъ подпрапорщиковъ.

— «Мы слышали — сказалъ онъ — что вышелъ приказъ, чтобы лишить наши семьи пайка. Мы сражались до конца. Мы были ранены и оставлены на полѣ сраженія. Не по своей винѣ мы попали въ плѣнъ. Мы и сейчасъ готовы здѣсь умереть и умремъ всѣ, была бы только побѣда. Мы просимъ Васъ похлопотать, чтобы жены наши не страдали безвинно».

— Напишите прошеніе — сказала сестра. — Я еще пробуду часа два въ лагерѣ. Передъ отъѣздомъ я зайду къ Вамъ и Вы его мнѣ дайте. Я доставлю, куда надо.

Когда сестра зашла въ баракъ, ее встрѣтилъ тотъ же подпрапорщикъ.

— «Прошеніе мы, сестрица, написали, а только взяло насъ сомнѣніе, отдавать ли его или нѣтъ?»

— Почему же нѣтъ? —

— А что, увидитъ наше прошеніе Австрійское правительство?

— Да,всѣ бумаги у меня будутъ осматривать. Вы сами понимаете, что иначе нельзя.

— Такъ мы рѣшили, что тогда и прошеніе порвать. Намъ будетъ очень неудобно, если враги наши узнаютъ, что Россія не заботится о женахъ тѣхъ, кто за нее сражается. Нехорошо, если черезъ насъ или женъ нашихъ будутъ худо думать о Россіи. Пускай и жены наши за Россію за одно съ нами погибаютъ».

IX

Для солдата Имераторской Арміи — Россія была единая.

Широкое чувство любви и уваженія къ Россіи было общимъ для всей массы Русскихъ солдатъ — военноплѣнныхъ, безъ различія національностей. Россія была дѣйствительно, а не на словахъ, — великая, единая и недѣлимая. Вся масса Русскихъ солдатъ составляла единую Императорскую Русскую Армію.

Австро-Германское командованіе, озабоченное раздробленіемъ Россіи и порожденіемъ розни между народами, составлявшими Русскую Имперію, тщательно выдѣляло въ особые лагери поляковъ украинцевъ и мусульманъ.

Когда сестра подъѣзжала къ одному изъ лагерей, сопровождавшій ее Австрійскій офицеръ спросилъ, говоритъ ли она по польски?

— Я не знаю польскихъ солдатъ. Я знаю только одну, Русскую армію и въ ней всякій солдатъ-Русскій солдатъ. Я буду здороваться по русски.

Но вопросъ этотъ смутилъ сестру. «Неужели», — думала она, — «нѣмцы успѣли такъ распропагандировать солдатъ, что они забыли Россію и отвернутся отъ меня, когда я имъ заговорю о Россіи».

Во избѣжаніе чего либо тяжелаго для Русскаго самолюбія, сестра рѣшила быть сдержанной и измѣнить форму своего обычнаго привѣта — поклона «отъ Матушки-Россіи».

У лагеря, въ строгомъ войсковомъ порядкѣ, были выстроены

солдаты. Они были чисто одѣты. Всѣ сохранили свои полковые погоны и боевые кресты и медали.

Когда сестра подошла къ фронту, раздалась громкая команда:

— Смир — рна.... Равненіе на право.

Сотни головъ повернулись на сестру.

— Вольно — сказала сестра и пошла по фронту.

Дойдя до средины строя, сестра остановилась и сказала: —

— Я очень рада навѣстить, и низко кланяюсь Вамъ, такъ много пострадавшимъ. Вся Ваша земля занята противникомъ. Много горя выпало на долю вашихъ семей. Но, Богъ не безъ милости. Я вѣрю, что скоро будетъ день и часъ, когда врагъ будетъ изгнанъ изъ родной нашей земли. —

Сестра не успѣла договорить, какъ бравый унтеръ-офицеръ громко крикнулъ: —

— Государю Императору — ура! —

По *Польскому* лагерю загремѣло перекатами Русское «ура» и сестра поняла, что опасенія ея были неосновательны, что Польскихъ солдатъ не было, что передъ нею были Императорскіе Русскіе солдаты.

Она шла по лагерю, разспрашивала солдатъ о ихъ нуждахъ и, когда собрались уѣзжать они всѣ столпились вокругъ нея.

— Хотя насъ и заперли въ Польскій лагерь, — говорили ей плѣнные — и «рекламаціи» намъ давали, мы остались вѣрны Царю и Родинѣ. Мы очень счастливы, что Вы насъ навѣстили и скажете въ Россіи, что мы своего долга, какъ Русскіе солдаты, не забыли.

Императоръ Вильгельмъ собралъ всѣхъ плѣнныхъ мусульманъ въ отдѣльный мусульманскій лагерь, и, заискивая передъ ними, построилъ имъ прекрасную каменную мечеть.

Я не помню, кто именно былъ приглашенъ въ этотъ лагерь, кому хотѣли продемонстрировать нелюбовь мусульманъ къ Русскому «игу» и ихъ довольство въ Германскомъ плѣну. Но дѣло кончилось для Германцевъ плачевно. По окончаніи осмотра образцово содержаннаго лагеря и мечети, на плацу было собрано нѣсколько тысячъ Русскихъ солдатъ мусульманъ.

А теперь Вы споете намъ свою молитву — сказало осматривавшее лицо.

Вышли впередъ муллы, пошептались съ солдатами. Встрепенулись солдатскія массы, подтянулись, подравнялись и тысячеголосый

хоръ, подъ нѣмецкимъ небомъ, у стѣнъ только что отстроенной мечети дружно грянулъ: —

— Боже, Царя храни. —

Показывавшій лагерь въ отчаяніи замахалъ на нихъ руками. Солдаты по своему поняли его знакъ. Толпа опустилась на колѣни и трижды пропѣла Русскій гимнъ! Иной молитвы за Родину не было въ сердцахъ этихъ чудныхъ Русскихъ солдатъ.

X

Они соблюдали присягу и готовы были на смертныя муки, но не измѣняли ни Россіи, ни союзникамъ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ явленій жизни военноплѣнныхъ было то, что, вопреки Женевскимъ и инымъ конвенціямъ, плѣнныхъ заставляли работать на заводахъ, изготовлявшихъ военное снаряженіе, рыть окопы, т. е. дѣлать то, противъ чего до всей глубины возмущались души простыхъ Русскихъ солдатъ.

Въ томъ же лагерѣ Кинермецъ, гдѣ подпрапорщики и унтеръ-офицеры отказались писать прошеніе объ улучшеніи судьбы своихъ женъ, одинъ подпрапорщикъ, во время бесѣды сестры съ плѣнными, вдругъ громко крикнулъ: —

— «Смирно, всѣ. Пусть Россія знаетъ... Скажи въ Россіи всѣмъ.. Скажи Царю-Батюшкѣ, что мы остались вѣрными долгу и солдатской присягѣ. Такой то, (онъ назвалъ фамилію и полкъ) былъ разстрѣлянъ за то, что отказался работать на снарядномъ заводѣ. Такой то (опять таки были названы полкъ и фамилія), была разстрѣлянъ за то, что не хотѣлъ рыть окопы на фронтѣ союзниковъ».

И сейчасъ же раздались голоса изъ солдатской толпы:

— Противъ союзниковъ мы не можемъ тоже идти. —

— Не пойдемъ и противъ союзниковъ. Не нарушимъ своей присяги и своего долга. — —

— Сестрица, скажи, что намъ дѣлать? Заступись за насъ. Насъ посылаютъ рыть окопы. Многіе отказываются и черезъ то погибаютъ, другіе, еще хуже — слабѣютъ.....

— Лучше жизнь свою положить, — говорила сестра, — но только не идти противъ совѣсти.

И они отдавали свою жизнь.

Въ лагерѣ Хартъ, солдаты, при обходѣ ихъ сестрою, все время забѣгали къ ней, и, когда видѣли, что за ними никто не слѣдитъ, шептали ей:

— Сестрица, обязательно навѣсти 17-ый баракъ. —

— Сестрица, добейся своего, а въ 17-ый баракъ непремѣнно загляни.

— Сестрица, 17-ый баракъ не забудь, тамъ ужасъ что дѣлается.

Когда были обойдены всѣ бараки лагеря, сестра обратилась къ сопровождавшему ее генералу. Былъ же тотъ самый генералъ, который обѣщалъ всякую ея просьбу исполнить и относился къ ней съ особымъ уваженіемъ.

Я хотѣла бы осмотрѣть и 17-ый баракъ, — сказала ему сестра.

Генералъ улыбнулся.

— Да — отвѣтилъ онъ — тутъ есть баракъ, гдѣ сидятъ солдаты, заключенные до конца войны за упорное неповиновеніе властямъ. Туда никого не пускаютъ. Ну, да ужъ пойдемте. Что съ Вами дѣлать?

Барака снаружи не было видно. Онъ былъ окруженъ высокимъ выше его стѣнъ, деревяннымъ заборомъ. И заборъ этотъ подходилъ такъ близко къ бараку, что казалось, что баракъ поставлкнъ въ деревянный футляръ. Отъ этого сумракъ былъ въ баракѣ. Не свѣтило въ него солнце и было въ немъ сыро.

На нарахъ сидѣли солдаты. Поражало то, что все это были унтеръ-офицеры. Они были опрятно одѣты, у большинства были Георгіевскіе кресты, у кого два, у кого — три. Сестра попросила оставить ее одну съ этими людьми. Просьбу ея исполнили.

— За что Вы сидите? — тихо спросила она.

Изъ группы выдѣлился унтеръ-офицеръ, съ тремя Георгіевскими крестами, и сталъ разсказывать: —

— «Черезъ недолгое время, какъ забрали насъ въ плѣнъ, собрали насъ сто человѣкъ, и все унтеръ-офицеровъ и погнали, неизвѣстно куда, потомъ распознали мы — на Итальянскую границу. Приказали — рыть тамъ окопы.... Мы отказались. Насъ наказали. Подвѣшивали по часу и болѣе и снова отдали приказъ идти рыть окопы. Мы снова отказались.

Сказали: «противъ присяги не пойдемъ». Тогда вывели насъ въ поле и сказали ,что черезъ десятаго разстрѣляютъ; построилась противъ насъ рота солдатъ ихнихъ съ ружьями. Я старшимъ былъ. Скомандовалъ «смирно» за Вѣру, Царя и Отечество», — и сказалъ переводчику: «пусть стрѣляютъ».... Насъ увели. Не стрѣляли и

стали опять мучить и подвѣшивать, и потомъ снова вывели и сказали что, если не станемъ рыть окопы, — теперь всѣхъ до единаго разстрѣляютъ. А было насъ ровно сто человѣкъ. И вотъ стали изъ нашихъ рядовъ выходить больные и слабые, которые, значитъ, заробѣли. Мы не смотрѣли на нихъ. Тридцать пять человѣкъ ихъ вышло малодушныхъ, Бога и Царя позабывшихъ, Насъ шестьдесятъ пять осталось. Стояли мы, какъ каменные. На все рѣшились. Богу помолились, чтобы принялъ нашу жертву. Опять командовали къ раз. стрѣлу, но не разстрѣляли, а мучили и. подвѣшивали къ стѣнѣ, а потомъ посадили насъ отдѣльно сюда, лишили права писать письма и получать посылки, держатъ уединенно, никого къ намъ и насъ — никуда не пускаютъ. Кормятъ — хуже нельзя. Одно слово — арестанты. Но мы рады, что такъ терпимъ. И намъ ничего не нужно»....

Другіе унтеръ-офицеры стояли вокругъ сестры, слушали раз сказъ своего старшаго, многіе плакали, но никто ничего не сказалъ, не возразилъ и ни о чемъ не спросилъ.

Они знали, что дѣлали...

Когда сестра вышла изъ барака, просвѣтилась она сама свѣтомъ солдатскаго подвига и пониманія присяги.

Сказалу генералу:

— «Генералъ, я никогда ничего не просила у Васъ противозаконнаго. Я не пользовалась тѣмъ, что Вы мнѣ предоставили — просить за плѣнныхъ. Но вотъ теперь умоляю Васъ, — этихъ отпустить. Они не виноваты. Они исполнили только свой долгъ по присягѣ.»

Генералъ сказалъ:

— Они свободны отъ ареста. Пойдите, выпустите ихъ сами.

Сестра вошла въ баракъ. «Вы свободны», — сказала она — «можете идти въ общій лагерь къ своимъ товарищамъ».

Они сначала не повѣрили. Но вотъ, по приказу генерала, стали снимать и уводить часовыхъ, раскрыли настежъ ворота ограды. За ними толпились остальные плѣнные лагеря.

Съ глухимъ гомономъ стали они собираться въ полутьмѣ баракатюрмы, увязывали свои котомки. Столпились подлѣ сестры, благодарили ее.

— Постарайтесь поддержать свое знамя, свою честь и дальше такъ же. Учите другихъ — сказала сестра.

— Постараемся.

Они расходились по лагерю. Сильные духомъ, высокіе ростомъ, стройные, мощные — Русскіе унтеръ-офицеры! Сливались съ сѣрою толпою плѣнныхъ и все таки были видны. Счастьемъ исполненнаго долга сіяли ихъ просвѣтлѣвшія лица.....

Было это въ Моравіи, подъ осень, на полевыхъ работахъ. Партія военноплѣнныхъ была небольшая, прочно сжившаяся, хозяева хорошіе, миръ и ладъ царили въ ней. Темнѣло. Всѣ вышли за домъ проводить сестру. И какъ то не могли разстаться — такъ хорошо говорили о Россіи. Заходящее солнце посылало лучи на востокъ и въ синей дымкѣ тонули поля и лѣса. Казалось, что тамъ такія же поля, такіе же лѣса, та — же Богомъ созданная земля, а было все тамъ по иному, было безконечно, до слезъ, до печали на сердцѣ, дорого.

Солдаты разсказывали о своемъ тяжеломъ житьѣ въ плѣну, пока не попали къ помѣщику. Разсказывали, кого разстрѣляли, кого замучили, кто отъ тоски умеръ.

Печаленъ былъ ихъ разсказъ.

— Давайте, — сказала сестра, — споемъ молитвы.

Они встали. Были среди нихъ люди съ хорошими голосами. Молитвы знали. Въ умирающемъ днѣ, въ тихой осенней прохладѣ, тоскою звучали молитвенные напѣвы. Имъ вторилъ шелестъ отъ паденія, позлащенныхъ осенью, листьевъ широкаго каштана. Рождался изъ этихъ молитвъ печальникъ о землѣ Русской. Когда кончили пѣть, сестра стала прощаться съ плѣнными и, какъ ихъ было немного, прощалась съ ними за руку.

Одинъ протянулъ ей ладонь и замѣтила сестра, что на правой рукѣ не было вовсе пальцевъ.

— Ты раненый ?— спросила сестра.

Раненый сконфузился.

— Нѣтъ. —

— Да, какъ же. А пальцы то гдѣ?

— Это я такъ, — и смутился еще больше.

Тутъ стали товарищи сзади него говорить: —Чего пужаешься... Разскажи.... Сестра вѣдь.... Худого ничего нѣтъ....

Сталъ онъ разсказывать.

— Какъ взяли въ плѣнъ, послали меня на заводъ, поставили угольевъ въ печь подкидывать. Работа не трудная. Я молодой и

сильный былъ. Подкидываю его день, подкидываю другой и стала меня мысль разбирать, а что на этомъ заводѣ дѣлаютъ? Можно ли мнѣ на немъ работать? А не дѣлаю ли я чего противъ присяги? И узналъ: пули на союзниковъ точатъ. Тогда я пришелъ и сказалъ: — «работать больше не буду. Это противъ присяги, а противъ присяги я не пойду». Стали меня подвѣшивать, такъ мучили, что кровь пошла изъ ушей и носа. Отправили меня въ больницу, подлечили и опять на заводъ. Я опять отказался. Меня снова стали мучить. Ну я стерпѣлъ, отлежался въ больницѣ и снова меня послали на заводъ. Ну, я думаю: — «не выдержу, больно пытка тяжела. Ослабѣлъ я совсѣмъ. А не выдержу, стану работать — душу свою загублю.» Иду, и тоска во мнѣ сидитъ страшная. Самому на себя смотрѣть тошно. И какъ проходилъ дворомъ, словно меня что то толкнуло. Гляжу, — топоръ лежитъ на чурбанѣ, возлѣ дровъ. Стража отстала, одинъ я почти былъ. Подошелъ я, перекрестился, взялъ топоръ въ лѣвую руку, правую положилъ на чурбанъ. И—«за Вѣру, Царя и Отечество», — отхватилъ всѣ пальцы. Теперь не стану работать. Не погублю своей души. За мученія, совѣсти не продамъ. Меня въ госпиталь, залѣчили руку и отправили сюда, чѣмъ могу, одной рукой помогаю.

— Онъ, Петра, то славный помощникъ — раздались голоса. — Онъ и одной рукой, а за нимъ и двумя не угонишься.

Тиха и проста была исповѣдь вѣры и преданности, какъ тихъ былъ мягкій осенній вечеръ. Солнце зашло. Прозрачныя надвигались сумерки.

Я, какъ то спросилъ сестру:

— «Вы посѣтили сотни лазаретовъ, лагерей и больницъ, Вы видѣли десятки тысячъ плѣнныхъ, Вы говорили имъ о Богѣ и Царѣ. Неужели ни разу не слыхали Вы никакого протеста? Мы знаемъ, что среди военно-плѣнныхъ велась противорусская пропаганда Австро-Германскимъ командованіемъ, что съ его разрѣшенія туда были пущены Украинскіе агенты Грушевскаго и слуги III-го Интернаціонала, который только что въ Кіенталѣ и Циммервальдѣ постановилъ, что пораженіе Россіи въ этой войнѣ явилось бы благомъ для Русскаго народа. Неужели ихъ работа не имѣла никакого успѣха, не оказала никакого вліянія на эти сотни тысячъ Русскихъ солдатъ?»

Сестра задумалась.

— Да, — наконецъ сказала она, — я могу смѣло сказать, что всѣ плѣнные были хорошо настроены, потому, что на сотни

тысячъ посѣщенныхъ мною плѣнныхъ я могу указать лишь два случая, гдѣ я была грубо прервана и оскорблена. когда начинала говорить о Государѣ и Родинѣ. Въ одномъ большомъ городѣ, въ громадномъ госпиталѣ, гдѣ въ палатѣ лежало нѣсколько сотъ плѣнныхъ и ихъ койки стояли вдоль и поперекъ, загромождая проходы, гдѣ всюду я видѣла забинтованныя головы, ноги на оттяжкахъ, руки на перевязкахъ, я раздавала образки, присланные плѣннымъ Императрицей. Когда я передала привѣтъ отъ Россіи и Государыни и сказали, что Государыня болѣетъ ихъ скорбями и болями и посылаетъ имъ свое материнское благословеніе — всѣ, кто могъ, встали и низко мнѣ поклонились. Но въ это мгновеніе изъ дальняго угла палаты раздался изступленный, желчный, полный ненависти крикъ:

— Не надо намъ Вашихъ Царскихъ образковъ и благословеній. Лучше бы насъ въ Россіи не мучали и кровь нашу не пили»!

Всѣ повернулись къ кричавшему. Палата ахнула, какъ одинъ человѣкъ и притихла. Неподдѣльный ужасъ былъ на лицахъ раненыхъ. Въ молчаніи я пошла по койкамъ, останавливалась у каждаго, тихо говорила, давала образки. Мнѣ пожимали руку, иные цѣловали и говорили: — «оставьте его... онъ сумасшедшій... Онъ помѣшался отъ мукъ.»

Тотъ, кто кричалъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закутался одѣяломъ и лежалъ, не шевелясь. Я подходила къ нему. Мнѣ было очень трудно сѣсть къ нему на койку и заговорить съ нимъ. Но я все же опустилась на койку и заговорила:

— «Не вѣрю я, не вѣрю» — сказала я — «чтобъ ты могъ отказаться отъ привѣта Родины и отъ Царскаго благословенія. Не вѣрю, чтобы ты могъ забыть Россію и ея Царя»......

Онъ быстро повернулся ко мнѣ, слезы были въ его глазахъ.

— Дайте мнѣ образокъ, — порывисто воскликнулъ онъ.

Я подала образокъ, онъ схватилъ меня за руку, сталъ цѣловать образъ и вдругъ громко зарыдалъ. Кругомъ раздались плачъ и рыданія. Вся палата преживала его страшныя слова и приняла эти слова, какъ непередаваемый ужасъ дьявольскаго дыханія.....

Другой разъ. — это было въ 1916 г. въ Австріи, — я обходила военно-плѣнныхъ въ большомъ лагерѣ. Они были построены поротно. Всюду я кланялась солдатамъ и говорила, что Россія-Матушка шлетъ имъ привѣтъ. И, когда я подошла къ одной изъ ротъ, изъ рядовъ ея раздался выкрикъ: —

— «Не желаемъ мы слушать Вашихъ привѣтовъ, лучше бы въ окопахъ насъ офицеры нагайками не били, посылая сражаться».

Меня поразило тогда сходство, почти одинаковость выкрика, точно протестъ былъ выработанъ по трафарету и кѣмъ то подсказанъ, какъ тутъ, такъ и тамъ.

Я молча прошла мимо этой роты и, когда подошла къ слѣдующей, солдаты какъ то особенно тепло меня встрѣтили, точно хотѣли они всѣми словами своими, вниманіемъ ко мнѣ, показать, что они не согласны съ тѣми, кто отказался отъ Царя и Россіи.

Во время войны, до революціи — два случая на сотни посѣщеній. Потомъ.... Потомъ все перемѣнилось. Они стали правиломъ. Для солдатъ, даже и въ плѣну стало какъ будто какимъ то шикомъ богохульствовать, смѣяться надъ Россіей, отрекаться отъ Родины.

Но кажется мнѣ, что ,если сейчасъ войти въ красноармейское стадо и такъ вотъ тихо, сердечно сказать, какъ я тогда въ госпиталѣ, тому изступленному, сказать о Россіи, о ея замученномъ Царѣ, такъ же, какъ они, терпѣливо переносившемъ всѣ муки плѣна и страшную кончину отъ рукъ палачей, сказать имъ о Богѣ — зарыдаютъ несчастные заблудшіе и станутъ просить прощенія».......

Права сетра.... Храмы поруганные, церкви оплеванныя, съ ободранными иконами, полны народомъ.... Чудеса идутъ по Руси. Ищетъ народъ знаменій Бога и находитъ. Уже цѣлуетъ невидимую руку, протянутую къ нему съ образкомъ, рыдаетъ и кается въ прегрѣшеніяхъ.

Ждетъ Царя..... Царя православнаго, Царя вѣрующаго, Царя, любящаго народъ свой и знающаго его, Царя съ чистымъ, незапятнаннымъ именемъ и законнаго.

Народъ давно сказалъ свое слово. И не только сказалъ, но и кровью полилъ, подвигами неисчислимыми подтвердилъ; мужественно отстоялъ его въ чужой странѣ, въ страшномъ плѣну, гдѣ могъ заплатить за него и платилъ муками страшными и самой смертью.

И слово это:

— «За Вѣру, Царя и Отечество».

Имъ на могилу — не знаю, гдѣ ихъ могила — имъ, такъ хорошо мнѣ извѣстнымъ, хотя и не знаю ихъ имени; вѣрнѣе — не помню, ибо слишкомъ много ихъ было, и слаба человѣческая память, особенно въ изгнаніи.... Имъ безчисленнымъ, по всему свѣту разсѣяннымъ, кладу я свой скромный вѣнокъ.

На немъ цвѣты съ ихъ могилъ. Бѣлые, въ нѣжныхъ лучахъ, ромашки, что растутъ при дорогѣ, синіе васильки, что синѣютъ на Русской нивѣ вѣтромъ колышимой, и алые маки, на гибкихъ стебляхъ, нѣжнымъ пухомъ покрытыхъ. Дорогіе мнѣ цвѣта — бѣлый, синій и красный — что росли въ пустынѣ, на одинокомъ посту коменданта этапа въ Манчжурскихъ горахъ, что гордо шелестѣли на кормахъ кораблей, въ далекихъ, синихъ моряхъ, и висѣли торжественно — спокойные по улицамъ родной столицы, при звонѣ церковныхъ колоколовъ и пушечной пальбѣ въ табельный день Царскаго праздника.

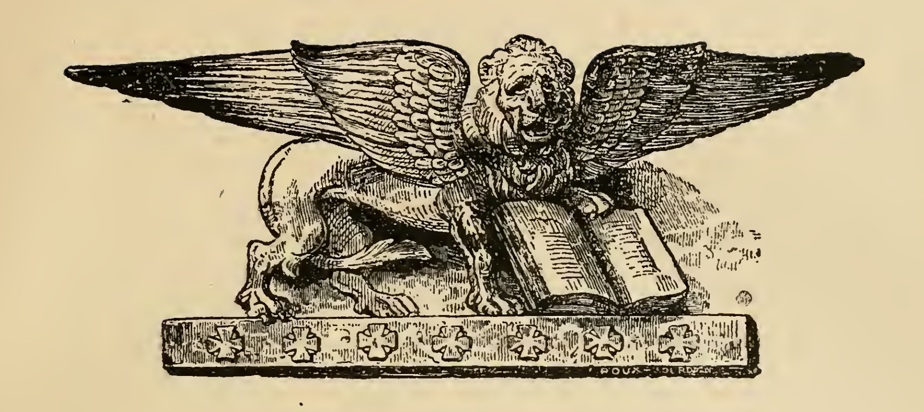
Мой скромный вѣнокъ имъ — «Честью и Славою вѣнчаннымъ»...

П. Красновъ.

Гаутингъ.
Октябрь 1923 года.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА
ВЪ ЕЯ ПИСЬМАХЪ

ПЕТРА П. СТРЕМОУХОВА.

«И сказалъ Іисусъ: на судъ пришелъ я въ міръ сей, чтобы невидящіе видѣли, и видящіе стали слѣпыми».

От Іоанна. Гл. 9. ст. 39.

Болѣе года тому назадъ въ печати появились «Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ Императору Николаю II, переведенныя съ англійскаго языка В. Д. Набоковымъ и изданныя въ Берлинѣ Гессеномъ.

Имена издателя и переводчика опредѣленно указываютъ на политическую партію, которая признала возможнымъ и нужнымъ, чтобы письма Императрицы сдѣлались достояніемъ широкой публики.

Въ краткомъ предисловіи — всего одна страница — говорится, что письма дополнены многочисленными примѣчаніями и что «примѣчанія эти имѣли цѣлью всестороннѣе освѣтить ту яркую картину состоянія Русскаго Двора и бюрократическаго Петербурга, которую письма весьма детально рисуютъ, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ *массу накопившихся легендъ, сплетенъ и небылицъ.*» *)

Ничего подобнаго читатель въ «примѣчаніяхъ» не найдетъ: въ нихъ даются лишь свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ, и указанія на перемѣны, происходившія въ составѣ высшей бюрократіи въ періоды пребыванія Императрицы въ Ставкѣ или-же

---

*) Курсивъ нашъ.

Государя Императора въ Царскомъ Селѣ. Впрочемъ, одно примѣчаніе дополнено комментаріемъ. Привожу его буквально. (2/IX/1915 № 110, I, 191).

«Ген. Орловъ, прославившійся усмиреніемъ въ Прибалтійскомъ Краѣ въ 1905 году, умеръ отъ чахотки и похороненъ въ Ц. Селѣ. Въ воспоминаніяхъ гр. Витте отношенія между Государыней, Вырубовой и Орловымъ характеризуются, какъ «мистеріозныя»... Оригинальный способъ «устраненія легендъ, сплетенъ и небылицъ!». Однако, приводимая издателями характеристика примѣчаній, предпосылаемыхъ всему изданію, какъ бы стремится внушить читателю мысль о благожелательномъ отношеніи къ автору писемъ... Какъ характеренъ такой пріемъ для нравственной и политической физіономіи издателей!

Ни о какой благожелательности, очевидно, нѣтъ и рѣчи: письма изданы съ опредѣленною цѣлью опорочить ихъ автора, а тѣмъ самымъ и режимъ, къ которому Императрица столь близко стояла. И цѣль эта по первому, а потому и поверхностному впечатлѣнію какъ будто достигается. Нужный выводъ получается: какъ можетъ быть для страны терпимъ режимъ, возглавляемый слабовольнымъ монархомъ, руководимымъ экзальтированной женщиной, находядящейся подъ вліяніемъ темнаго, невѣжественнаго мужика...? Ясно, что такой режимъ надо было сокрушить и принять всѣ мѣры къ невозможности его возрожденія.

Первое было совершено политическими единомышленниками Набоковыхъ и Гессеновъ и принесло имъ Мартовскую революцію, второе они пытаются осуществить опубликованіемъ писемъ Императрицы... И, мы не будемъ этого отрицать — ударъ старому режиму наносится очевидный, однако гораздо болѣе эффектный въ своемъ размахѣ, чѣмъ въ реальныхъ его послѣдствіяхъ.

Первыя впечатлѣнія далеко не всегда правильны, въ особенности въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и поэтому имъ не слѣдуетъ поддаваться, а напротивъ, надлежитъ спокойно разобраться въ изслѣдуемомъ матеріалѣ.

Опубликовано 400 писемъ Императрицы къ Императору Николаю II, обнимающихъ періодъ съ іюня 1914 по 17 декабря 1916 года.

Нѣкоторая часть ихъ, а также значительная часть каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, заключаютъ нѣжныя, часто экзальтированныя проявленія супружескихъ чувствъ, нерѣдко касающихся самыхъ интимныхъ сторонъ отношеній жены къ мужу. Думается

намъ, что элементарная порядочность повелѣвала эти части выпустить, ибо никому нѣтъ дѣла до такихъ сторонъ интимной жизни, и опубликованiе ихъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, актъ величайшей неделикатности.

Очевидно мнѣ возразятъ, что личности монарховъ и ихъ супругъ принадлежатъ исторiи и поэтому обнародованiе ихъ писемъ есть только дань исторической правдѣ, исключенiе-же изъ текста тѣхъ или другихъ частностей повредило бы ясности пониманiя характеровъ этихъ личностей и, тѣмъ самымъ, исторiи. На это можно однако отвѣтить, что о большинствѣ историческихъ личностей судятъ по, внѣшнимъ даннымъ, т. е. по тѣмъ ихъ свойствамъ, которыя они проявляли публично, а не по тѣмъ, которыя они обнаруживали лишь въ столь исключительной сферѣ, какъ письма жены къ мужу. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что не одна блестящая историческая личность была бы развѣнчана, если бы ее увидѣли съ этой стороны.

Поэтому, чтобы быть хоть сколько нибудь безпристрастнымъ, мы должны отбросить изъ писемъ Императрицы все, что отражаетъ ея интимную жизнь и обратиться лишь къ той части, гдѣ она выступаетъ на арену общественной дѣятельности, какъ совѣтница своего Державнаго Супруга, да и тутъ надо всегда помнить, что это письма жены къ мужу, не всегда поддающiяся дисциплинѣ разсудка, а являющiяся послѣдствiемъ настроенiя, иногда мимолетнаго и перемѣнчиваго, — это не доклады отвѣтственныхъ министровъ.

Нельзя не отмѣтить того значенiя, которое сама Императрица придавала перепискѣ между женою и мужемъ. Вотъ, что она пишетъ по этому поводу:

«...Понятно, если тайно наблюдать за письмами отъ мужа къ женѣ — гораздо больше основанiй наблюдать за другими. Прости меня, но Фредериксъ*) поступилъ очень нехорошо, нельзя такъ строго осудить человѣка за его частныя письма (вскрытыя) къ его женѣ —это низко, по моему...» (21, IX, 1916; № 356, II, 188).

Проникнувшись такимъ настроенiемъ, мы и сами себя оправдаемъ: вѣдь то, что мы совершили, читая письма Императрицы, услужливо поднесенныя намъ г. г. Гессеномъ, Набоковымъ и К-о, — въ сущности есть подслушиванiе у дверей... вѣдь двери эти были для насъ закрыты.

— Какъ же вы сами читали ихъ? — спросятъ меня. — Да,

---

*) Дѣло касается переписки сенатора, графа Палена съ женою.

отвѣчу я, читалъ, но, во-первыхъ, во время самаго чтенія, я непрестанно чувствовалъ, что дѣлаю что-то нехорошее, а, во-вторыхъ, во мнѣ очень скоро явилось желаніе, сдѣлать то, что я дѣлаю этими строками — и въ этомъ мое оправданіе.

Лѣвая пресса уже достаточно занялась письмами Императрицы: Государыня ею осуждена. Тысячи лицъ прочли самыя письма; первое впечатлѣніе осталось отъ нихъ неблагопріятное и на этомъ эти лица и успокоились — и вотъ, новое осужденіе. Но далъ ли себѣ кто либо трудъ добросовѣстно въ нихъ разобраться? Мнѣ неизвѣстно, были ли сдѣланы къ этому попытки.

Случалось ли вамъ, гуляя по берегу моря, замѣчать, выбрасываемыя на берегъ, морскія водоросли? Подъ лучами солнца онѣ подсыхаютъ и обращаются въ безформенную, некрасивую и дурно пахнущую тину. Возьмите часть этой тины и опустите ее въ хрустальную вазу, наполненную чистою водою; водоросли оживутъ, тончайшія вѣточки распустятся вѣеромъ, лаская вашъ взоръ изящнѣйшимъ кружевнымъ узоромъ и черезъ нѣсколько минутъ изъ вазы повѣетъ живительнымъ ароматомъ моря.

Такъ поступили съ письмами Императрицы. Ихъ выбросили изъ глубины ея души на арену любопытства, равнодушія и недоброжелательства. Постараемся же вернуть ихъ въ присущую имъ стихію: стихія эта была безграничная любовь къ Богу, къ мужу, наслѣднику и дочерямъ и, черезъ нихъ, къ Россіи.

Въ чемъ, главнымъ образомъ обвиняли Императрицу? Горько напомнить: въ недопустимой близости къ Распутину, въ измѣнѣ Россіи въ пользу нѣмцевъ, и во вмѣшательствѣ въ дѣла правленія...

Первыя два обвиненія опровергнуты всѣми рѣшительно, даже Временнымъ Правительствомъ и большевиками, и великимъ позоромъ для русскаго общества является то, что такая гнусная клевета могла столь долго владѣть имъ. Тутъ не Императрицу надо оправдывать, а самому обществу оправдаться... Я не берусь быть его адвокатомъ...

Третье обвиненіе — вмѣшательство въ дѣла правленья.

Да, такое вмѣшательство дѣйствительно имѣло мѣсто.

Составляетъ ли самый фактъ вмѣшательства преступленіе?

Мнѣ это кажется сомнительнымъ.

Почему Императрица не имѣла права интересоваться дѣлами своего державнаго супруга, когда рядомъ съ этимъ другія женщины, по мнѣнію нашего общества, имѣли право заниматься государственными дѣлами.

Ясно, что дѣло идетъ не о правѣ вмѣшательства, а о томъ, было ли оно полезно или вредно. Вотъ этимъ вопросомъ мы и займемся.

Заранѣе оговариваюсь: я не считаю Императрицу правою во всемъ, хотя, кто знаетъ, можетъ быть, она была права и въ томъ, что нынѣ еще кажется ошибочнымъ. Остановлюсь лишь на томъ, въ чемъ она была права безусловно въ то время, когда писала письма или на томъ, что уже оправдалось послѣдующими событіями. О томъ, въ чемъ она заблуждалась, я говорить не буду. Это не есть подтасовка фактовъ. Широкое общественное мнѣніе обвиняло ее во всемъ. Я привожу лишь положительные факты. Путемъ вычитанія предоставляется каждому судить много ли останется въ балансѣ къ ея обвиненію.

Всѣ письма Императрицы проникнуты глубочайшимъ религіознымъ чувствомъ и безграничною любовью къ мужу и семьѣ. На этихъ чувствахъ я останавливаться не буду: всякій, кто хотя бы на пять минутъ возьметъ «Письма» въ руки, безъ труда въ этомъ убѣдится. Да этого никто и не отрицаетъ. Я займусь лишь выясненіемъ отношеній Императрицы къ вопросамъ управленія и лицамъ тѣсно съ нимъ связаннымъ. Долженъ отмѣтить, что степень вмѣшательства Императрицы въ дѣла управденія съ 1 іюля 1914 года до 17 декабря 1916 идетъ crescendo. Можно предположить, что въ предшествовавшіе годы царствованія Императора Николая II оно проявлялось въ значительно меньшей степени. Почему это произошло?

Пока дѣла шли болѣе или менѣе благополучно, у Императрицы не было основаній для вмѣшательства въ дѣла правленія; она была поглощена семейною жизнью. Дать жизнь четыремъ дочерямъ дѣло не легкое. Затѣмъ появился на свѣтъ давно желанный наслѣдникъ. Вскорѣ оказалось, что онъ боленъ ужасною болѣзнью — геомифиліею. Уходъ за больнымъ поглощаетъ всѣ ея силы, духовныя и тѣлесныя. Однако, замкнуться въ сферѣ тѣсныхъ семейныхъ интересовъ ей не удалось. Началась «осада власти» революціонерами и общественностью. Положеніе ея державнаго супруга дѣлалось все болѣе труднымъ и сложнымъ... Чувствовалась опасность для самой Царской семьи, для династіи... Могла ли Императрица смотрѣть на это равнодушнымъ взоромъ? Вѣдь это становилось уже дѣломъ ея семьи, любимаго мужа, обожаемаго сына... Какая женщина, какая жена, какая мать осталась бы равнодушною?

Къ тому же, рядомъ со смертельною опасностью для семьи, она видѣла разверзающуюся передъ ея Родиной — новой для нея, но воспринятой всѣмъ сердцемъ — пропасть. Кто же не осудилъ бы

ее, если бы она не попыталась сдѣлать все, что было въ ея силахъ, чтобы спасти мужа, семью, династію и родину? Пусть та женщина, которая не сдѣлала бы этого, броситъ въ нее камень... Я увѣренъ, что Императрица осталась бы невредимой. Вопросъ не въ томъ — должна ли она была это дѣлать или этого не дѣлать, а въ томъ — мыслила ли она правильно или нѣтъ.

Въ сферу личной жизни Императрицы вошелъ Распутинъ. Она не искала его. Онъ былъ введенъ къ ней архіепископомъ Феофаномъ, указавшимъ на него, какъ на «старца», на которомъ почіетъ благодать Божія. Въ мистическомъ настроеніи Императрицы «старецъ» нашелъ себѣ мѣсто. Откуда появилось у Государыни мистическое настроеніе? Я не берусь этого разъяснить, но нѣкоторыя основанія къ его возникновенію вижу.

Сдѣлавшись супругою Русскаго Царя, Принцесса Алиса Гесенская была вынуждена оставить религію своихъ отцовъ. Такой актъ можно совершить либо цинично, сказавъ себѣ «Paris vaut bien une messe», либо проникнувшись превосходствомъ воспринимаемой религіи. Глубокая натура Императрицы могла пойти только по второму пути. Для насъ, исконныхъ русскихъ людей, воспринятая съ юныхъ лѣтъ, наша православная вѣра явленіе столь близкое, столь съ нами сросшееся и неразрывное, что церковная обрядность перестала производить на насъ мистическое впечатлѣніе. Совершенно иное настроеніе она должна вызывать у неофита, вдумчиво вслушивающагося въ дивныя церковныя пѣснопѣнія, взирающаго на таинства обрядовъ, совершаемыхъ въ дыму благовонныхъ куреній, въ окруженіи Божественныхъ ликовъ, святыхъ угодниковъ, чудотворныхъ иконъ, мощей и ракъ святителей. Находясь съизмальства въ общеніи со всѣмъ этимъ, можно перестать все это остро воспринимать, но человѣкъ новый можетъ къ этому отнестись либо критически, либо воспринять съ особою глубиною. Такъ это и случилось съ Императрицею.

Царь и родина давно ожидали отъ нея сына, надежду Россіи — Наслѣдника Престола. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, родился Царевичъ Алексѣй. Вскорѣ выяснилось, что онъ боленъ неизлечимою болѣзнью — гемофиліею, наслѣдственной въ мужскомъ поколѣніи Гессенскаго дома. Императрица не могла не сознавать, что она невольная виновница болѣзни сына и это, въ свою очередь, не могло не отразиться на ея душевномъ состояніи.

Наука оказалась безсильною противъ болѣзни наслѣдника. Гдѣ-же было Императрицѣ, женщинѣ, матери искать утѣшенія,

надежды и спасенія, какъ не въ молитвѣ? И вотъ, при такомъ ея настроеніи, появился Распутинъ... Необычайными способами онъ нѣсколько разъ, прибѣгая къ молитвѣ, останавливалъ кровоизлія-нія, истощавшія ребенка и грозившія унести его въ могилу. Почему это удавалось Распутину — это его тайна. Еще Шекспиръ, устами Гамлета, сказалъ: «Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ!». Впрочемъ, никто не отрицаетъ силы внушенія. Проявлялась же она у ученаго Шарко. Здѣсь она выявилась въ русскомъ мужикѣ, какъ проявляется у разнаго рода гипнотизеровъ. Какая мать не возлюбила бы всѣмъ сердцемъ человѣка, спасающаго ея ребенка? И Императрица возлюбила Распутина.

Личность Распутина во всякомъ случаѣ исключительная*). О

---

*) Что Распутинъ обладалъ исключительною силою внушенія общеизвѣстно. Привожу три случая, сообщенныя госпожею Е. Джанумовой въ «Современныхъ Запискахъ», т. XIV. въ очеркѣ «Мои встрѣчи съ Григоріемъ Распутинымъ». Кстати, отмѣтимъ, что «Современныя Записки» органъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Г-жа Джанумова была чрезвычайно встревожена смертельною болѣзнью свой племянницы Алисы. Она разсказала объ этомъ Распутину. Вотъ, что, по ея словамъ, случилось далѣе:

«Тутъ произошло что то такое странное, что я никакъ объяснить не могу. Какъ ни стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу все подробно, можетъ быть потомъ, когда нибудь, и подыщутся объясненія, а сейчасъ могу сказать одно — не знаю.

«Онъ взялъ меня за руку. Лицо у него измѣнилось, стало какъ у мертвеца желтое, восковое и неподвижное, до ужаса. Глаза закатились совсѣмъ, видны были только одни бѣлки. Онъ рѣзко рванулъ меня за руки и сказалъ глухо:

«— Она не умретъ, она не умретъ, она не умретъ».

«Потомъ выпустилъ руки, лицо приняло прежнюю окраску».

Вечеромъ того же дня г-жа Джанумова получила изъ Кіева телеграмму: «Алисѣ лучше, температура упала».

Въ тотъ же день Распутинъ былъ у г-жи Джанумовой. Она показала ему помянутую телеграмму.

«— Неужели это ты помогъ?» — сказала она.

«— Я же тебѣ сказалъ, что она будетъ здорова, убѣжденно и серьезно отвѣтилъ онъ.

«— Ну, сдѣлай еще разъ такъ, какъ тогда, можетъ быть она совсѣмъ поправится».

«— Ахъ ты, дурочка, развѣ я могу это сдѣлать. То было не отъ меня, а свыше. И опять этого сдѣлать нельзя. Но я же сказалъ, что она поправится, чего же ты безпокоишься?».

Вотъ другой случай, про который разсказываетъ г-жа Джанумова.

немъ говорили много. Лгали и въ похвалу ему, и еще больше, въ осужденіе. Я лично не могъ составить себѣ о немъ никакого опредѣленнаго мнѣнія, уже по тому одному, что никогда его не видалъ, но утверждаю, что имъ занимались слишкомъ много. Одни стремились использовать его вниманіе для достиженія своихъ своекорыстныхъ цѣлей, другіе стремились его опорочить, чтобы повредить своимъ конкуррентамъ, третьи дѣлали карьеру передъ «общественностью», становясь въ ряды его гонителей. Быть можетъ эксплоатировали его и политическія партіи. Наконецъ, и болѣе всего, враги стараго режима старались использовать его, чтобы скомпрометировать Царя и Царицу. Около него вилась и кипѣла клевета, а

Распутинъ былъ у нея въ гостяхъ.

«Онъ внимательно ко всѣмъ присматривался, такъ и пронизывалъ своими огромными глазами каждаго человѣка. Почему то особенно подолгу останавливался его взглядъ на г. Е., который сидѣлъ рядомъ со своей женою. Когда то онъ былъ моимъ женихомъ, но потомъ обстоятельства сложились такъ, что мы разошлись. Объ этомъ никто не зналъ. Онъ былъ давно женатъ и счастливъ. Я тоже была замужемъ. Послѣ обѣда Распутинъ вдругъ сказалъ мнѣ:

«— А вѣдь вы другъ друга когда то очень любили, но ничего не вышло изъ вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящіе, а эта жена ему пара».

«Я была поражена его изумительной проницательностью. Не было никакихъ признаковъ, по которымъ онъ могъ бы узнать о томъ, что такъ давно было и о чемъ мы сами совсѣмъ забыли. Это дѣйствительно какое то ясновидѣніе». (стр. 284-5).

Третій случай касается Наслѣдника.

Однажды г-жа Джанумова была въ гостяхъ у Распутина. Вдругъ раздается звонокъ телефона изъ Царскаго Села.

«Онъ подходитъ.

«Что Алеша не спитъ? Ушко болитъ? Давайте его къ телефону».

«Жестъ въ нашу сторону, чтобы мы молчали.

«— Ты что, Алешенька, полуношничаешь? Болитъ? Ничего не болитъ. Иди сейчасъ, ложись. Ушко не болитъ. Не болитъ, говорю тебѣ! Спи, спи сейчасъ! Спи, говорю тебѣ! Слышишь? Спи!

«Черезъ пятнадцать минутъ опять позвонили. У Алеши ухо не болитъ. Онъ спокойно заснулъ.

«— Какъ это онъ заснулъ?

«— Отчего же не заснуть? Я сказалъ, чтобы спалъ.

«— У него же ухо болѣло?».

«— А я же сказалъ, что не болитъ».

«Онъ говорилъ со спокойной увѣренностью, какъ будто иначе и быть не могло».

Императрица не могла не воспринимать съ острою болью все то, что задѣвало спасителя ея ребенка.

Всѣмъ этимъ я не хочу сказать, что роль и положенiе Распутина были естественны и желательны; совершенно напротивъ — вся конъюнктура съ Распутинымъ была несчастiемъ для самой Царицы, ея семьи, династiи и Россiи, но я утверждаю, что не одна Императрица создала Распутина; въ немъ столь же отвѣтственны окружающая среда, общественность и революцiя. Если бы всѣ силы эти оставили Распутина въ покоѣ, влiянiе его не вышло бы изъ дѣтской болѣющаго наслѣдника Алексѣя.

Да, несомнѣнно, Распутинъ имѣлъ извѣстное влiянiе на Императрицу, и черезъ нее на Государя.

Повторяю, это явленiе ненормальное; тѣмъ не менѣе, разбирая дѣятельность Императрицы, поскольку она выявляется изъ ея писемъ, не безынтересно прослѣдить каково было влiянiе Распутина на Царицу, Царицы на Государя и насколько, по существу, эти влiянiя были несостоятельны и вредны.

На самомъ фактѣ вмѣшательства Императрицы въ дѣла управленiя, какъ на пунктѣ, вызывавшемъ наибольшiя противъ нея нареканiя, нужно еще нѣсколько остановиться.

Болѣе всего ее обвиняли во вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, имѣвшее источникомъ, яко бы, полудуховное состоянiе «старца» Григорiя. Въ особенности указывали на влiянiе Александры Феодоровны на составъ высшей духовной iерархiи. Я недостаточно знакомъ съ этою средою, что бы имѣть право высказаться, была ли она права въ общихъ своихъ тенденцiяхъ, хотя долженъ отмѣтить, что нѣкоторыхъ лицъ она не любила не безосновательно, ошибаясь, однако, въ возвеличенiи другихъ. Но какъ же отнеслись къ ея вмѣшательству сами iерархи Церкви?

25 Сентября 1916 года, члены Св. Синода во главѣ съ митрополитомъ Питиримомъ и Оберъ-прокуроромъ Раевымъ, по ихъ ходатайству, были приняты Государыней и поднесли ей благословенную грамоту вмѣстѣ съ Владимiрской иконой Божьей Матери за дѣятельность ея по оказанiю помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и вообще страдающимъ отъ войны.

Какъ восприняла это сама Императрица? Вотъ, что она пишетъ за четыре дня до прiема членовъ Св. Синода.

«.....Со времени Екатерины ни одна Императрица ихъ не принимала лично и одна. Григорiй въ восторгѣ (я менѣе) — но странно,

развѣ не я та, которой боялся и всегда не одобрялъ Синодъ.» (21/IX/1916, №365, II 190)

А послѣ пріема она пишетъ:

«.....Синодъ далъ мнѣ прелестную старинную икону, а Питиримъ прочелъ хорошую грамоту — я пробормотала отвѣтъ... «(26/IX/1916; №361, II, 203)

Правда, выраженныя іерархами чувства касались, якобы только дѣятельности Императрицы по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и вообще лицамъ, пострадавшимъ отъ войны, но нельзя отрицать демонстративнаго характера этого посѣщенія синода выражающаго вообще его отношеніе къ Государынѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что если даже митрополитъ Питиримъ и Оберъ-Прокуроръ Раевъ и были ставленниками Императрицы, то таковыми не были всѣ вообще члены Синода, и если дѣятельность ея для церкви дѣйствительно была такъ вредна, какъ кричали объ этомъ во всѣхъ салонахъ столицы и на перекресткахъ улицъ, то какъ же не нашлось никого среди іерарховъ, что бы опротестовать эту демонстрацію Синода, демонстрацію, какъ бы санкціонирующую ея образъ дѣйствій, что и сама она, въ цитированномъ выше письмѣ, не безъ ироній и отмѣчаетъ!

Мнѣ скажутъ, что идти противъ Питирима и Раева, и тѣмъ самымъ противъ Императрицы, было рисковано. — Можетъ быть, но для кого? —Для митрополитовъ, епископовъ т.е. монаховъ, отрекшихся отъ благъ жизни во имя служенія святой Церкви; отъ кого же, какъ не отъ нихъ, можно и должно требовать гражданскаго мужества? Отказъ отъ воспріятія даже мученическаго конца для монаха—а этого далеко и не требовалось — равносиленъ отказу солдата итти на войну. Простой солдатъ шелъ въ бой, рискуя потерять жизнь или стать калѣкой, а епископы не хотѣли рисковать шансами на митрополичью митру, а митрополиты — на очередную ленту!

Какой же можно сдѣлать изъ этого выводъ?

Или Императрица была права и выдвигала дѣйствительно лучшихъ людей, или же наши іерархи малодушно, и тѣмъ самымъ недобросовѣстно укрѣпляли въ ней убѣжденіе въ правильности ея образа дѣйствій, побуждая ее на дальнѣйшее вмѣшательство въ дѣла правленія. Какъ-то не хочется вѣрить, чтобы послѣдній выводъ отвѣчалъ дѣйствительности.

Отмѣчая неизмѣнно все то, что въ письмахъ Императрицы указываетъ на правильное пониманіе ею окружающей обстановки, я

поступилъ бы недобросовѣстно, если бы сокрылъ, что съ осени 1916 года въ сужденіяхъ ея все чаще проявляются ошибки въ оцѣнкѣ людей и обстановки. Періодъ этотъ совпадаетъ, какъ съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Протопопова, такъ и съ особымъ натискомъ «осады власти» — «общественностью.»

Если въ сближеніи съ Распутинымъ не безосновательно обвиняли Императрицу, хотя онъ и былъ введенъ къ ней, какъ я уже упоминалъ выше, высшимъ авторитетомъ церкви, въ лицѣ архіепископа Феофана, то вина за сближеніе съ Протопоповымъ уже всецѣло падаетъ на общественность, которая его выносила, родила и преподнесла Престолу въ качествѣ государственнаго мужа. Онъ вѣдь былъ избранъ Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, членомъ Думы, товарищемъ ея предсѣдателя, предсѣдателемъ парламентской делегаціи отъ обѣихъ законодательныхъ палатъ для поѣздки во Францію, Англію и Италію, въ цѣляхъ сближенія съ парламентскими кругами нашихъ союзниковъ. Но стоило только этому дѣтищу нашей общественности стать близкимъ ко Двору, какъ противъ него началась травля......Я не поклонникъ Протопопова, котораго, къ сожалѣнію, зналъ слишкомъ близко......Онъ былъ безпринципенъ, лживъ, политически безчестенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменъ, вкрадчивъ и обаятеленъ; не даромъ же онъ сумѣлъ обольстить Симбирское дворянство, думцевъ, членовъ Государственнаго Совѣта и даже Англійскаго короля Георга, рекомендовавшаго его въ собственноручномъ письмѣ Государю, въ качествѣ выдающагося государственнаго человѣка. Почему эти сотни людей имѣли право въ немъ ошибаться, виновата же передъ ними оказалась Императрица, когда подпала подъ чары ими самими возвеличеннаго человѣка! Конечно, Протопоповъ обманывалъ Царя и Царицу, въ особенности послѣднюю, и мнѣ, близко его наблюдавшему, такъ ясно и понятно, какою ложью онъ достигалъ этого.....

Съ конца Сентября 1916 года Императрица прислушивается уже не къ одному Распутину, рядомъ съ нимъ выростаетъ Протопоповъ, неизмѣримо болѣе тонкій и хитрый и ведущій свою линію.... Атмосфера, вмѣстѣ съ тѣмъ, все сгущается и сгущается. Осада власти разростается во всю, создавая страшное раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, и все направлено противъ Императрицы и близкихъ къ ней; она отлично сознаетъ это и глубоко отъ этого страдаетъ. Приведу здѣсь, нѣсколько забѣгая впередъ, одинъ примѣръ.

Вотъ, что она пишетъ 16 Декабря 1916 года (№ 403 II, 267).

«.....Вчера вечеромъ у Ольги былъ комитетъ, но онъ не продол-

жался долго. Володя Волконскій*), который всегда имѣетъ для нея одну, двѣ улыбки, избѣгалъ ея взгляда и ни разу не улыбнулся; ты видишь, наши дѣвочки научились наблюдать людей и ихъ лица; онѣ очень развились духовно черезъ все это страданіе.....онѣ знаютъ все то, черезъ что мы проходимъ.....»

Какая драма...Царская дочь ловитъ улыбку подданнаго своего Отца-Государя и ее не встрѣчаетъ..... Добрѣйшій, джентельменъ до мозга костей, князь Владиміръ Михайловичъ отвелъ свой взоръ отъ просящаго одобренія взгляда молодой дѣвушки....Мнѣ кажется, что это тяжелѣе перенести, чѣмъ грубость озвѣрѣлаго красноармейца и чувство горечи, вѣроятно, было велико, если великая княжна подѣлилась имъ съ матерью, а послѣдняя съ Государемъ.*)

На Императрицу нападаютъ, обвиняя ее въ изувѣрномъ поклоненіи Распутину, ставшему, по общей молвѣ, вершителемъ судебъ Россіи, во вмѣшательствѣ въ дѣла правленія, въ угнетающемъ вліяніи на своего державнаго Супруга.

Да, Императрица прислушивалась къ словамъ Распутина, который, кстати сказать, далеко не всегда былъ неправъ; да, она стремилась осуществлять его и свои собственныя мысли; да, она вліяла на Государя и тѣмъ самымъ на судьбы Россіи. Но одна ли она въ этомъ виновата? Вѣдь в началѣ ея знакомства съ нимъ онъ былъ вліятеленъ только какъ исцѣлитель наслѣдника; потомъ разныя лица, въ разныхъ цѣляхъ, стремились его использовать и эти лица взвинтили его на ту высоту, стоя на которой онъ могъ быть вреденъ. Если бы его не принимали министры, если бы чрезъ него не добивались портфелей, если бы передъ нимъ не плакали для сохраненія мѣстъ и не платили ему взятокъ для полученія таковыхъ, если бы не валялись въ его ногахъ для устройства семейныхъ и другихъ дѣлъ — nomina sunt odiosa (кто захочетъ ихъ знать пусть обратится къ первоисточнику) — Распутинъ не вышелъ бы изъ рамокъ «старца», «блаженнаго» и «юродиваго».

---

*) Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій.

*) Зная хорошо князя В. М. Волконскаго, я убѣжденъ, что Великая Княжна ошибалась: онъ не могъ ее сознательно обидѣть, а просто мысль его была занята чѣмъ либо другимъ и онъ не замѣтилъ взгляда. Тѣмъ не менѣе, и даже въ особенности потому, что причина обиды Великой Княжны была мнимая, становится ясною та жуткая обстановка которая создавалась въ то время вокругъ Царской Семьи. — *(Б. С.)*.

Мнѣ скажутъ, что я послѣдствія подмѣняю причинами; нѣтъ, тутъ слѣдствія и причины переплетаются и разграничить ихъ какъ во всѣхъ соціальныхъ и психологическихъ явленіяхъ довольно трудно; кто напр. объяснитъ вліяетъ ли повышеніе заработка на дороговизну или дороговизна на повышеніе заработка; ревность ли одного супруга является причиною охлажденія другого, или же охлажденіе другого — причиною ревности?

Подъ вліяніемъ приведенныхъ обстоятельствъ, въ концѣ 1916 года сложилась такая обстановка: на одной сторонѣ — все общество, Императорская фамилія, вся знать, верховное командованіе, пресловутая «общественность», а на другой мужикъ — Распутинъ, наивная Вырубова, хитрый и вкрадчивый Протопоповъ — и больше никого! Императрица знаетъ, что клевета чернитъ ее какъ женщину, какъ жену, какъ мать; она знаетъ, что ее обвиняютъ въ предательствѣ, въ государственной измѣнѣ; она знаетъ ,что эта клевета, какъ средство борьбы, мѣтитъ черезъ ея голову въ Царя, ея семью, династію и установленный въ Россіи Государственный строй. Она борется во всѣ стороны, быстро воодушевляется вѣрою въ людей и столь же быстро разочаровывается, хватается за все, что попадается подъ руки, а схваченное нерѣдко оказывается раскаленнымъ желѣзомъ или шипящей змѣею. При этомъ она почти всегда физически больна. Кто пойметъ, кто разгадаетъ эту драму? — для этого нуженъ не скромный компиляторъ, какъ я, а Шекспиръ. Что такое созданные геніальнымъ воображеніемъ король Лиръ и Гамлетъ передъ этою несчастною женщиною, которая борется одна за то, что считаетъ священнымъ и на чемъ, во всякомъ случаѣ, стояла нынѣ повергнутая во прахъ Россія. Если даже, быть можетъ, поступки ея иногда кажутся ненормальными, то кто же былъ нормаленъ въ то безумное время? Ближайшіе родственники, знать, главное командованіе и общество рубили съ какимъ то наивнымъ ожесточеніемъ тотъ сукъ, на которомъ они сидѣли.....Явленіе это слишкомъ сложно; я не сумѣю его охарактеризовать, но прошу разрѣшенія привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ очерка «Мысли о Россіи», помѣщеннаго Ф. А. Степуномъ въ «Современныхъ Запискахъ», томъXIV, за текущій годъ.

«.....Кто знаетъ въ наши дни твердую норму разума? Я увѣренъ — никто! И даже больше. Я увѣренъ, что только въ сотрудничествѣ съ безуміемъ можетъ человѣческій разумъ разгадать все, что сейчасъ происходитъ въ душѣ и сознаніи человѣчества; только обезумѣвшій разумъ сейчасъ подлинно разумъ, а разумъ разумный такъ — слѣпота пустота, глупость. Быть можетъ мой невѣдомый хозяинъ, принесшій

съ войны привычку все разрушать и уничтожать вокругъ себя, глубже выстрадалъ и постигъ сущность войны чѣмъ я, сохранившій возможность думать и писать о ней, о революціи и о разумѣ того безумія, о которомъ онъ не пишетъ, но отъ котораго умираетъ...»

Приведенныя здѣсь слова очень туманны, но я не сумѣлъ бы это лучше выразить......

Однако пора обратиться къ предмету нашего изслѣдованія, къ письмамъ Императрицы.

Анализу писемъ Императрицы слѣдуетъ предпослать, выраженное ею высокое пониманіе своихъ обязанностей, какъ Супруги Императора. Вотъ, что она пишетъ по этому поводу:

».....Еслибы я только могла больше тебѣ помочь, я такъ усердно молюсь, чтобы Богъ далъ мнѣ мудрость и разумѣніе, чтобы быть тебѣ настоящей помощницей во всѣхъ отношеніяхъ и что бы всегда правильно совѣтовать тебѣ. Ахъ, мой Ангелъ, Богъ пошлетъ намъ лучшіе дни, удачу и успѣхъ нашимъ храбрымъ войскамъ, — да и просвѣтитъ Онъ вождей, чтобы они могли правильно и мудро ихъ вести....» (4/IX/1916; № 340,II,168)

Нерѣдко сомнѣнія въ своихъ силахъ оладѣваютъ ею, но она вѣритъ въ особую интуицію, ей свойственную:

«.....Возможно, что я недостаточно умна, но у меня есть сильное чувство, и это часто болѣе помогаетъ, чѣмъ мозгъ....Ты не знаешь, какъ теперь тяжело — столько приходится переживать и такая ненависть со стороны «прогнившаго высшаго общества...»(10/X/1916; №389, II, 237)

«.....Мнѣ все равно, что обо мнѣ будутъ говорить дурные люди... Я только женщина,которая борется за своего Господина и за Ребенка, за два драгоцѣннѣйшія существа на свѣтѣ, и Богъ поможетъ мнѣ быть твоимъ Ангеломъ-Хранителемъ». (12/XI/1916; №390, II, 239).

Физическихъ силъ ей однако часто не хватаетъ, она непрестанно болѣетъ сердцемъ, ногами, нервами лица.

«.....Штюрмеръ хотѣлъ бы, чтобы я часто появлялась въ городѣ и разъѣзжала и бывала въ Казанскомъ соборѣ, но теперь мое глупое сердце и лицо мнѣ мѣшаютъ, а я знаю, что это было бы хорошо. Мамаша тоже не можетъ....» (10/III/1916; №225, II, 38)

Письма Иипературицы начинаются съ 27 Апрѣля 1914 года, подъ № I; слѣдующее, №2, датировано 29 Іюнемъ, а затѣмъ слѣдуетъ

непрерывный рядъ писемъ, начиная отъ 29 Сентября. Очевидно, между 29 Іюнемъ и 19 Сентябремъ, Императрица съ Государемъ не разлучалась. Поэтому мы не имѣемъ современныхъ свѣдѣній о томъ, какъ отнеслась Императрица къ самому факту войны противъ центральныхъ державъ. Изъ другихъ источниковъ, напр. изъ записокъ графини Клейнмихель («Изъ затонувшаго міра») видно, что Государыня отнеслась къ этому факту отрицательно и принимала всѣ мѣры къ его предотвращенію. Мысли ея въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадали съ мыслями Распутина или даже, быть можетъ, восприняты были отъ него. Оставляя другіе источники въ сторонѣ, отмѣчу лишь то, что она вскользь, post factum, высказывала въ своихъ письмахъ по этому предмету.

«.....Онъ (Распутинъ) былъ очень противъ войны..» (II/VI/1915; №82, II, 120)

«.....Нашъ другъ всегда былъ противъ этой войны, говоря, что изъ за Балканъ не стоило всему міру воевать...» (II/X/1915; №145, I, 287).

Была ли права Императрица и ея вдохновитель въ данномъ случаѣ? Обстоятельства показали, что да.

Во всякомъ случаѣ, ужасы предстоявшей войны и грозныя ея послѣдствія Александра Ѳеодоровна восприняла не какъ нѣмецкая принцесса, а какъ Русская Императрица:

«.....Да, я болѣе русская, чѣмъ многіе другіе!...»восклицаетъ Императрица (20/IX/1916; №335, II, 187).

Выражая лишь мелькомъ нѣсколько печальныхъ ощущеній по отношенію къ своей нѣмецкой роднѣ, она съ перваго же дня относится отрицательно къ Германіи и всецѣло отдается интересамъ своей второй родины и заботѣ о ея арміи и въ особенности о солдатѣ.

Что дѣлала Императрица для больныхъ и раненыхъ настолько общеизвѣстно, что на этомъ мы останавливаться не будемъ. Приведу лишь то, что она сама говоритъ:

«.....Уходъ за ранеными — мое утѣшеніе, и вотъ почему даже хотѣла въ послѣднее утро туда отправиться, пока ты принималъ, чтобы сохранить свою бодрость и не расплакаться передъ тобою. Облегчить хоть немного ихъ страданія — помогаетъ болящему сердцу.» (9/IX/1914; №3, I, 3.)

Отмѣтимъ, однако, подробно то, что было замѣчено ею въ этомъ вопросѣ и, какъ выходящее изъ сферы ея компетенціи, доведено ею до свѣдѣнія ея державнаго супруга.

«.....Я хочу напомнить тебѣ, чтобы ты переговорилъ съ Никола-

шей*), чтобы офицерамъ было позволено уѣзжать домой лечиться и чтобы ихъ не держали во всѣхъ городахъ, куда ихъ случайно привезъ санитарный поѣздъ. Они скорѣе гораздо поправятся, если они могутъ быть близко къ своимъ семьямъ, а нѣкоторые должны кончить свое леченіе на югѣ, чтобы вернуть себѣ силы, осбенно тѣ, кто ранены въ грудь.» (12/XII1914; №29/I/48).

«.....Слишкомъ строгія приказанія, совершенно несправедливыя и жестокія. Если офицеръ не возвращается въ назначенное время, онъ можетъ быть наказанъ въ дисциплинарномъ порядкѣ и т.д. Я всего не могу выписать, ты увидишь самъ на бумагѣ. Приходишь къ выводу, что тотъ, кто раненъ подвергается вдвойнѣ тяжелому обращенію. Лучше оставаться въ тылу или прятаться, чтобы не получать раны. Я нахожу, что это крайне несправедливо. Я не могу повѣрить, чтобы вездѣ было такъ же;—только въ нѣкоторыхъ арміяхъ.» (2/III 1914; № 48/I/71).

Императрица всей душой съ войсками и всегда молится за нихъ. Вотъ, что по этому поводу она пишетъ:

«.....Всѣ мысли и молитвы съ нашими войсками, и каждое утро набрасываешься на извѣстія. Если бы случилось что-либо особенно хорошее, можетъ быть ты послалъ бы мнѣ короткую телеграмму.» (II/II/1916; №8 226, II, 40).

«.....Мои самыя горячія молитвы будутъ сопровождать наши дорогія войска во вторникъ; — Богъ всемогущій пусть поможетъ имъ и пошлетъ имъ силу, мужество и мудрость, чтобы имѣть успѣхъ.» (19/VI/1916; № 292/II, 123).

«.....Богъ да поможетъ и пошлетъ успѣхъ; боюсь, что будетъ очень трудно. Если у тебя будутъ свѣдѣнія, дай мнѣ знать, я такъ тревожусь.» (15/VII/1916; № 312, II, 142).

«.....Мои мысли и помыслы на фронтѣ. Навѣрно они начнутъ въ четыре часа утра — по обыкновенію. Богъ да поможетъ имъ и святая Дѣва, въ этотъ ея большой праздникъ, пусть она благословитъ наши войска». (14/VIII,1916; № 334 II, 163),

Хочется Императрицѣ, чтобы наши войска всегда были на должной нравственной высотѣ:

«.....Одного бы только я хотѣла, что бы наши войска вели себя примѣрно во всѣхъ отношеніяхъ, не грабили бы и не разбойничали, пусть эти гадости творятъ только прусскія войска. Онѣ деморализируютъ и потомъ теряешь настоящій контроль надъ людьми. Они

*) В. К. Николай Николаевичъ.

дерутся для личной выгоды, а не для славы своей родины, когда они достигаютъ уровня разбойниковъ на большой дорогѣ. Нѣтъ основанія слѣдовать дурнымъ примѣрамъ. Тылъ, обозы — проклятіе. Въ этомъ случаѣ всѣ говорятъ о нихъ съ отчаяніемъ, Нѣтъ никого что бы держать ихъ въ рукахъ. Во всемъ всегда есть уродливыя и красивыя стороны, тоже самое и здѣсь. Такая война должна бы очищать душу, а не осквернять ее, неправда ли? Въ нѣкоторыхъ полкахъ очень строги, я знаю это. Тамъ стараются поддержать порядокъ, но слово сверху не повредило бы. Это моя собственная мысль, душа моя*), такъ какъ я хотѣла бы, что бы имя нашихъ русскихъ войскъ вспоминалось впослѣдствіи во всѣхъ странахъ со страхомъ и уваженіемъ, и съ восхищеніемъ. Здѣсь люди не всегда проникаются мыслью, что чужая собственность священна и неприкосновенна. Побѣда не означаетъ грабежа, пусть священники въ полкахъ скажутъ объ этомъ слово.» *)

Вотъ, я пристаю къ тебѣ съ вещами, которыя меня не касаются, но я это дѣлаю изъ любви къ твоимъ солдатамъ и ихъ репутаціи.» (24/IX/1914; № 7. I, 14).

Весьма замѣчательно въ этомъ письмѣ то, что Императрица считаетъ нужнымъ оговориться, что она сообщаетъ свои собственныя мысли; это она дѣлаетъ неоднократно. Интересно и то вліяніе, которое она склонна приписывать духовенству.

Понимаетъ Императрица и значеніе своевременности полученія наградъ и обращаетъ на это вниманіе своего супруга:

«.....Нѣкоторые полки ужасно поздно получаютъ награды. Какъ бы мнѣ хотѣлось поторопить это. Они такъ жалуются по поводу этихъ «шести недѣль». (28/I/ 1915; № 41, I, 41).

«.....Многіе чудесные храбрые молодые люди не получили никакихъ наградъ, а высокопоставленные люди получаютъ ордена. Такъ какъ Алексѣевъ не можетъ все дѣлать, мой слабый мозгъ представляетъ себѣ, что можно бы поручить это нѣсколькимъ спеціалистамъ, чтобы они просмотрѣли огромный списокъ и наблюдали чтобы не было никакихъ несправедливостей.» (29/VIII/1915; № 106, I,181).

«.....Только что выяснилось, что отнынѣ доктора могутъ получать только три военныя награды, что несправедливо, такъ какъ

---

*) Мы замѣнили слово «Душка», приводимое Набоковымъ, вездѣ, гдѣ оно попадается, словами «душа моя», т. к. такой переводъ слишкомъ коробитъ.

*) Курсивъ нашъ.

они *постоянно подвергаются опасности и до сихъ поръ* множество ихъ не получило наградъ. Таубе находитъ совершенно неправильнымъ, что люди изъ интендантства, сидящіе въ тылу, получали бы тоже самое, какъ тѣ, кто подъ огнемъ. Доктора и санитары дѣлаютъ чудеса, ихъ постоянно убиваютъ. Нельзя достаточно вознаградить тѣхъ, которые работаютъ подъ огнемъ.» (24/VII/1915; № 100, I,167).

Значеніе снабженія войскъ боевымп снарядами не ускользаетъ отъ ея вниманія, причемъ высказываются ею и интересныя стратегическія соображенія:

«.....Холодно, вѣтрено и дождливо. Дай Богъ, чтобы это испортило дороги. Я прочла всѣ газеты — ничего не написано о томъ, что мы оставили Вильну — опять очень смѣшано, успѣхи и неудачи, иначе и быть не можетъ, и радуешься малѣйшему успѣху. Я не думаю, чтобы нѣмцы рѣшились продвинуться значительно дальше; было-бы безуміемъ дальше входить въ страну, вѣдь позже наступитъ наша очередь. Хорошо ли поступаетъ снаряженіе, снаряды и винтовки? Пошлешь ли ты на осмотры людей изъ твоей свиты?» (7/IX/1915; № 115 I, 204).

«.....Они (нѣмцы), повидимому, вознобовляютъ свое осеннее движеніе, только теперь они направятъ свои лучшія войска и имъ будетъ легче, такъ какъ они знаютъ театръ войны наизусть. Мои дорогіе сибирцы со своими товарищами должны будутъ выдержать массовое наступленіе и пусть они еще разъ спасутъ Варшаву. Все лежитъ въ Божьей рукѣ и пока мы еще можемъ тянуть, до полученія достаточныхъ снарядовъ, а тогда напасть на нихъ всѣми силами. Но постоянныя крупныя потери разрываютъ сердце — они, какъ мученики, прямо идутъ въ свое небесное жилище — это правда, но все же это очень тяжело. (18/VI/1915; № 90, I, 142/3.)

Иногда приходится даже удивляться, какія серьезныя военныя соображенія возникаютъ въ головѣ женщины.

«.....Ты мнѣ написалъ, что желѣзная дорога въ Рени ветха и приведена въ негодность; пожалуйста, прикажи категорически, чтобы она немедленно была исправлена, чтобы избѣгнуть несчастныхъ случаевъ, такъ какъ наши санитарные поѣзда, снаряды, припасы и войска будутъ въ ней нуждаться. Не можешь ли ты приказать, чтобы поскорѣе были устланы небольшія вспомогательныя вѣтки, чтобы ускорить сообщеніе, такъ какъ намъ крайне нужно имѣть побольше желѣзнодорожныхъ линій, иначе въ нашемъ сообщеніи произойдетъ заторъ, и это можетъ быть ужасно во время зимнихъ боевъ. Я это пишу по собственной иниціативѣ, потому

Государыня Императрица Александра Федоровна

(Въ бытность невѣстой).

что я увѣрена, что это можно сдѣлать, а ты знаешь, увы, какъ мало иниціативы у нашей публики — они никогда не заглядываютъ впередъ, прежде чѣмъ не нагрянетъ прямо на насъ внезапная катасторофа и мы можемъ быть взяты врасплохъ. Надо провести нѣсколько короткихъ вѣтокъ къ Румынской границѣ и къ Австріи, заранѣе заготовивъ шпалы для широкой колеи. Ты помнишь, какъ трудно было добраться до Львова?» (15/XI/1915; № 159, I, 312/3).

Когда какія нибудь упущенія доходятъ до свѣдѣнія Императрицы, то она спѣшитъ поставить о нихъ въ извѣстность своего Супруга.

«.....Пожалуйста, скажи, что-бы кто-нибудь отправился и посмотрѣлъ четыре тяжелыя баттареи, которыя, уже нѣкоторое время, стоятъ совсѣмъ готовыми здѣсь, въ Царскомъ Селѣ (какъ мнѣ говорятъ) Никто не думаетъ о томъ, чтобы ихъ отправить. У нихъ имѣются снаряды (если недостаточно, можно будетъ достать). Если старый Ивановъ еще въ Петроградѣ, дай ему приказаніе отправиться, посмотрѣть и осмотрѣть всѣ детали (офицеры сказали объ этомъ Боткину, такъ какъ они видѣли ихъ совсѣмъ близко). Было бы хорошо ихъ отправить, такъ какъ люди при нихъ довольно неважные; — нѣсколько недѣль тому назадъ была исторія и пришлось послать стрѣлковъ, для того, чтобы ихъ поймать въ лѣсу, гдѣ они были заняты пропагандными листками. Эти сорокъ орудій стоятъ безъ охраны на площади; — молодой прапорщикъ написалъ бумагу за бумагой, прося поставить къ нимъ охрану, такъ какъ онъ каждое утро находитъ, что какой-нибудь винтъ или другая принадлежность сняты, недостаютъ и никто не обращаетъ на это вниманія. Мнѣ кажется, что какой нибудь генералъ, котораго бы ты неожиданно сюда прислалъ для осмотра, лучше и скорѣе бы это выполнилъ, — намъ такъ нужны эти орудія на фронтѣ; но не предупреждай Сергѣя*), — пусть все это будетъ сдѣлано неожиданно и тогда онъ также увидитъ, что его глаза должны быть вездѣ. Онъ долженъ былъ-бы больше разъѣзжать.....» (15/XI/1915, № 159,I,312)

Нѣкоторыя воинскія части, съ которыми Императрицѣ пришлось войти въ болѣе близкое соприкосновеніе, вызываютъ ея особыя заботы:

Какъ характерно это «не предупреждай Сергѣя»! Какъ ей хочется заставить всѣхъ работать, а въ особенности членовъ

---

*) В. К. Сергѣй Михайловичъ, генералъ-инспекторъ артиллеріи.

Императорской фамиліи, на что она неоднократно указываетъ въ своихъ письмахъ.

«.....Теперь о другомъ: — я не знаю, какъ хорошенько это объяснить, не буду называть именъ, такъ чтобы никто не пострадалъ. Эриванцы отличный полкъ; тамъ гдѣ есть опасность, ихъ посылаютъ и держатъ до конца, такъ какъ въ нихъ увѣрены. Теперь собираются брать изъ этого полка офицеровъ и опредѣлять въ другіе полки, чтобы улучшить эти послѣдніе. Это совсѣмъ неправильно и поражаетъ ихъ въ самое сердце. Если ты возьмешь этихъ старыхъ офицеровъ, то полкъ уже не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Они потеряли достаточно убитыми и ранеными, плѣнными и не могутъ обойтись безъ своихъ офицеровъ. Пожалуйста, не позволяй, чтобы полкъ такимъ образомъ былъ разрушенъ и оставь этихъ офицеровъ, они любятъ свой полкъ и поддерживаютъ его славу. Такъ уже поступили съ другими офицерами 2-ой бригады и они боятся, что настанетъ и ихъ чередъ, и это безпокоитъ командира и всѣхъ. Но они не осмѣливаются что нибудь сказать, не имѣютъ права. Поэтому они хотятъ, чтобы ихъ шефъ это зналъ и не позволялъ бы, чтобы ихъ боевые офицеры были переведены въ другіе полки. »(22/VI/1915; № 93, I, 147/8).

Нельзя не согласиться съ тревогою Императрицы о сохраненіи офицерскаго состава въ его корпоративномъ значеніи, къ которому, увы, наши штабы такъ равнодушно, такъ легкомысленно относились. Можетъ быть это даже не ея мысли, но однако твердо ею воспринятыя. Болѣе чѣмъ черезъ полъ года, она вновь пишетъ:

«.....Прости меня, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но это крикъ Эриванскаго сердца, который до насъ дошелъ:....»

Дѣло идетъ о назначеніи командира названнаго полка. Императрица пересылаетъ своему Супругу приводимую ниже справку, переданную ей очевидно, изъ заинтересованнаго источника. Императрица горячо поддерживаетъ изложенное въ ней ходатайство.

Нельзя не отмѣтить, что справедливыя мысли въ немъ изложенныя, нашедшія откликъ въ душѣ Государыни, заслуживали полнаго вниманія.

«.....Именно теперь полку нуженъ настоящій хозяинъ — командиръ полка, который бы все ввелъ обратно въ старое русло и который могъ бы лично самъ во всемъ разобраться и все поставить по своимъ мѣстамъ справедливо и здраво, какъ это должно быть по закону и какъ раньше было въ полку. Командиръ нуженъ совершенно незнакомый полку человѣкъ, совершенно самостоятельный, изъ

другой совершенно среды; — ему сразу станетъ все ясно, какъ свѣжему человѣку и тогда, только при томъ условіи, полкъ снова станетъ такимъ, какимъ онъ былъ раньше. Богъ знаетъ, что грозитъ нашему полку ,какой расколъ, если именно теперь не будетъ настоящаго главы полка. Полковникъ Магабели добрѣйшей души человѣкъ, мягкій, покладистый, общій любимецъ всей дивизіи, скромный и т.д., все время находящійся рядомъ съ полкомъ, свой же человѣкъ въ полку, но всѣ рѣшительно, кромѣ него, будутъ въ полку командовать. Да, къ тому же онъ больше другъ по фамиліи, роду, происхожденію «тѣхъ». Чтобы...Эриванскій полкъ именно теперь получилъ командира, который всякіе «они» и «мы» въ корнѣ вырвалъ бы и командовалъ бы нашимъ древнимъ полкомъ для настоящей славы его, а не для окончательнаго раскола».

«Не говори никому про это письмо — заканчиваетъ Императрица но оно совпадаетъ съ тѣмъ фактомъ, что Силаевъ просилъ теперь человѣка со стороны (можетъ быть изъ гвардіи), который положилъ бы конецъ разрушенію такого прекраснаго, дорогого нашему сердцу полка. Маг. ангелъ, но онъ слишкомъ мягокъ и грузинъ, это какъ разъ теперь не то, что нужно полку, въ которомъ имѣются партіи.» (30/IX/1916; № 365, II, 209).

Весьма важнымъ вопросомъ того времени былъ призывъ ополченія 2-го разряда. Въ широкихъ общественныхъ кругахъ эта мѣра была принята критически. Сотни тысячъ людей, болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, были бы оторваны отъ производительнаго труда и сведены въ команды, для обученія которыхъ не хватало бы офицеровъ и на роту приходилось бы по одному ружью. Они стали бы только благодарнымъ элементомъ для пропаганды. Обиліе «бородачей» и ихъ роль въ революціонные дни въ тылу и на фронтѣ достаточно оправдываютъ такую точку зрѣнія. Императрица энергично реагируетъ на эту опасность.

«.....То же самое съ вопросомъ, который нашъ другъ такъ принимаетъ къ сердцу и который является самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ въ интересахъ внутренняго мира — отмѣна призыва второго разряда. Если приказаніе уже отдано, скажи Н*), что ты настаиваешь на его отмѣнѣ, чтобы отъ твоего имени «повременить». Это милостивое распоряженіе должно исходить отъ тебя — не слушай никакихъ отговоровъ.» (10/VI/1915; № 81, I, 118).

«.....Я надѣюсь, что мое письмо не огорчило тебя, но я не могу отдѣлаться отъ желанія нашего Друга и я знаю, что будетъ фатально для насъ и для страны, если оно не будетъ исполнено. Онъ знаетъ,

что онъ говоритъ, когда онъ говоритъ такъ серьезно. Онъ былъ очень противъ твоей поѣздки въ Львовъ и Перемышль, она была преждевременна, теперь мы это видимъ. Онъ былъ очень противъ войны, былъ противъ созыва Думы.... Не позволяй, чтобы кто либо изъ второго разряда былъ призванъ; откладывай, какъ только возможно дольше. Имъ надо работать на поляхъ, на фабрикахъ, на пароходахъ и т.д. Лучше возьми теперь призывныхъ будущаго года — пожалуйста, прислушивайся къ его совѣту, когда онъ высказывается такъ серьезно и не спитъ ночей изъ за этого. Разъ ошибешься и мы должны будемъ за это поплатиться.» (II/V/1915; № 82/I,119).

Необходимость вмѣшиваться въ дѣла управленія смущаетъ Императрицу, о чемъ она и упоминаетъ въ приводимомъ выше письмѣ за № 365. Въ одномъ изъ предшествующихъ она даетъ и объясненіе такому вмѣшательству.

«...Я тебя обожаю слишкомъ глубоко, чтобы утомлять такимъ письмомъ, какъ это, въ такое время, если-бы душа и сердце мнѣ не подсказывали его. Мы женщины, имѣемъ иногда инстинктъ того, что правильно, дорогой, и ты знаешь, какъ я люблю твою страну, которая стала моей. Ты знаешь — что для меня эта война во всѣхъ отношеніяхъ...» (16/V/1915, № 88, I/133).

Императрица желала бы, чтобы вмѣшательство ея осталось незамѣтнымъ, но это ей не удается и это ее раздражаетъ:

«...Это глупо, что когда онъ (предсѣдатель совѣта министровъ, Горемыкинъ) приходитъ ко мнѣ, объ этомъ печатаютъ, это узнается въ городѣ, тогда какъ здѣсь даже мои близкіе объ этомъ не знаютъ, — и вотъ сердятся, что я вмѣшиваюсь — но это мой долгъ помогать тебѣ. Даже въ этомъ меня обвиняютъ милые министры и общество, которое все критикуетъ, а сами занимаются вещами, которыя ихъ совершенно не касаются». (14/IX/1915, № 122/I/232).

Императрица понимаетъ все значеніе близости Царя со своею арміею. Она пишетъ:

«...Только что получила твою телеграмму изъ Проскурова, это хорошо, что ты увидишь Заамурскихъ пограничниковъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Въ самомъ дѣлѣ это путешествіе, наконецъ, дастъ тебѣ возможность побольше увидѣть, и ты общаешься съ войсками. Я люблю знать, что ты дѣлаешь и видишь неожиданныя вещи, не все то, что напередъ распланировано и размѣчено — a la lettre — но неожиданныя вещи (когда онѣ возможны) болѣе интересны». (13/IV 1915; № 65, I/99).

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы отлучки Государя не были

тягостны для Царицы. Вотъ, что высказываетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«...Я ненавижу быть въ разлукѣ съ тобою. Это мнѣ самое большое наказаніе, въ такое время особенно...» (16/VI/1915; № 88, I, 135).

И когда Государя нѣтъ съ нею, она можетъ «только молиться и страдать, и молить Бога, чтобы Онъ охранилъ тебя и руководилъ тобою». (ib).

А какъ она его любила!

«...Прижимаю тебя крѣпко къ моему сердцу, ласково глажу твой лобъ, прижимаю губы къ твоимъ глазамъ и губамъ, цѣлую съ любовью эти дорогія руки, люблю тебя и желаю тебѣ добра, счастья и милости Божьей». (ib).

И, тѣмъ не менѣе, она побуждатъ своего обожаемаго мужа къ разъѣздамъ:

««...Только у меня такое сильное желаніе, чтобы ты всюду разъѣзжалъ, видѣлъ больше и самъ показывался». (8/X/1915; № 137, I, 270).

«...Я рада, что ты видѣлъ столько войскъ. Я не думала, что тебѣ это удастся въ Ревелѣ. Какъ хотѣлось бы знать, поѣдешь ли ты дальше въ Ригу и Двинскъ». (28/X/1915; № 141, I, 279).

«...Я такъ счастлива, что тебѣ удалось проѣхать дальше Риги. Это будетъ утѣшеніемъ для войскъ и успокоитъ жителей города... Какъ измѣнилась теперь твоя жизнь, слава Богу, теперь никто не можетъ тебѣ помѣшать разъѣзжать всюду и показываться солдатамъ... Джорджи (англійскій король) его (офицера Бѣляева, прикомандированнаго къ Китченеру) принималъ и говорилъ про тебя, именно про то, что ты при войскахъ, а Китченеръ не хочетъ позволить ему также ѣздить, что для него больной пунктъ. Бѣляевъ отвѣтилъ ему, что есть большая разница, что мы сражаемся на собственной территоріи, а онъ въ другомъ положеніи... Я была увѣрена, что это будетъ мучить Джорджи». (30/X/1915; № 143, I, 281).

Въ частности гвардія вызываетъ особую заботу Императрицы. Она хочетъ, чтобы Государь находился въ болѣе тѣсномъ общеніи со своею гвардіею и чтобы послѣднюю болѣе берегли. Если внимательно присмотрѣться къ тѣмъ лицамъ, которыя ближе другихъ стояли къ Государынѣ, въ частности изъ военной среды, то становится ясно, что гвардія интересовала Императрицу не какъ среда болѣе аристократическая въ своемъ офицерскомъ составѣ, а какъ оплотъ престола, буквально, какъ гвардія — la garde Царя. И какъ

права она была въ этомъ! Гвардія истреблялась и удалялась отъ Царя. Находись она въ столицѣ и даже оставайся она на фронтѣ въ прежнемъ своемъ составѣ, развѣ событія Марта 1917 года могли бы совершиться!

«...Когда ты поѣдешь въ гвардію?» Спрашиваетъ Императрица 27 апрѣля 1916 года. (№ 253).

На слѣдующій день, 28 апрѣля, она повторяетъ этотъ вопросъ:

«...Я не понимаю, почему ты еще не уѣхалъ, чтобы повидать гвардію; они всѣ такъ нетерпѣливо ожидаютъ, а теперь погода вдругъ измѣнилась». (№ 254).

Повидимому что-то помѣшало Царю осмотрѣть гвардію. По этому поводу Императрица пишетъ ему:

«Жалѣю насчетъ гвардіи, но у тебя, безъ сомнѣнія, основательныя причины». (№ 255). Черезъ день, 1-го мая, она вновь пишетъ: «Я также разочарована изъ-за тебя, изъ-за гвардіи, изъ-за Н. П.; они такъ хотѣли, чтобы ты пріѣхалъ». (№ 257). И опять, 24 мая:

«Мнѣ очень грустно, что ты, вѣроятно, не увидишь гвардію; почему тебѣ не дали посмотрѣть ее прежде, чѣмъ ее отправили?». (№ 266).

Гвардія постоянно озабочиваетъ Императрицу. 8-го августа, она пишетъ: «*Хотѣла бы знать*, что ты предпринялъ по поводу гвардіи,—будетъ ли она теперь нѣкоторое время отдыхать?» (№ 327).

9 сентября Императрица пишетъ: «Я въ отчаяніи, что гвардія опять понесла большія потери, — но по крайней мѣрѣ подвинулась ли она впередъ?». 13-го сентября, она добавляетъ:

«Павелъ (В. К. Павелъ Александровичъ) огорченъ потерями въ гвардіи, ихъ посылаютъ въ такія невозможныя мѣста». (№ 348).

15 сентября Императрица пишетъ: «*Необходимо* спасти и щадить гвардію». (№ 350).

Того же числа Императрица сообщаетъ Государю содержаніе писемъ, полученныхъ ею отъ Дрентельна и Родіонова:

«Три раза въ теченіи одного дня они всѣ должны были атаковать (кажется 4-го Сентября) и позиція была неприступна, нѣмцы были совершенно спрятаны, и ихъ тяжелыя орудія стрѣляли безъ перерыва. Плѣнный сказалъ имъ, что нѣмцы вырыли окопы на глубинѣ десяти метровъ и какимъ то образомъ, по мѣрѣ надобности, подымаютъ и опускаютъ свои орудія, такъ что наша артиллерія имъ не повредила; — они (нѣмцы) — всѣ знаютъ, что противъ нихъ наша гвардія, — они чувствуютъ, что ею безцѣльно жертвуютъ». (№ 351).

Государыня вѣритъ въ пользу общенія Царя не только со своею арміею, но и со всѣми слоями населенія.

«Богъ да благословитъ всѣ твои начинанія, твое появленіе, навѣрное, произведетъ чудеса, и Богъ тебя вдохновитъ нужными словами, но и просто *увидѣть* тебя, это уже такъ много. Ты самъ на половину не понимаешь силу твоей личности, которая трогаетъ всякое сердце, даже самое худшее». (5/II/1916, № 208, II, 13).

По поводу посѣщенія Царемъ Государственной Думы она пишетъ:

«...Я могу себѣ представить то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на Думу и на Государственный Совѣтъ твое посѣщеніе. Дай Богъ, чтобы это было побудительнымъ средствомъ, которое заставитъ всѣхъ работать усердно и въ единеніи для блага и величія нашей возлюбленной страны. Увидѣть тебя — это значитъ такъ много». (10/II/1916; № 210, II, 15).

Уже съ самаго начала войны вопросъ о топливѣ и продовольствіи озабочиваетъ Императрицу. 10 октября 1915 года она пишетъ Государю:

«...Нашъ Другъ, котораго мы видѣли вчера вечеромъ, въ общемъ спокоенъ насчетъ войны, но есть другой вопросъ, который его очень волнуетъ, и онъ въ теченіи двухъ часовъ почти ни о чемъ другомъ не говоритъ. Онъ говоритъ, что ты долженъ дать распоряженіе, чтобы вагоны съ мукой, масломъ и сахаромъ непремѣнно пропускались. Онъ ночью имѣлъ видѣніе, ему приснилась вся картина, города, желѣзнодорожныя линіи и т. д., трудно передать его разсказъ, но онъ говоритъ, что это очень серьезно и что тогда у насъ не будетъ забастовки. Только для такой организаціи надо тебѣ кого нибудь послать. Онъ хотѣлъ, чтобы я съ тобою объ этомъ переговорила очень, очень серьезно... Онъ считаетъ, что съ 40 старыми солдатами можно было бы въ одинъ часъ нагрузить поѣздъ и посылать одинъ за другимъ, но не всѣ въ одно мѣсто, а въ Петроградъ и Москву — и останавливать нѣкоторые вагоны въ разныхъ мѣстахъ и побочныхъ вѣткахъ, и постоянно ихъ доставлять — не всѣ въ одно мѣсто, такъ какъ это тоже было бы плохо, но къ разнымъ станціямъ, разнымъ строеніямъ — если разрѣшить только немного пассажирскихъ поѣздовъ и въ эти дни отмѣнить четвертый классъ, и вмѣсто этого прицѣплять вагоны съ мукой или масломъ изъ Сибири. Тамъ пути не такъ загромождены по направленію къ Западу; и неудовольствіе будетъ рости, если положеніе не измѣнится къ лучшему. Публика будетъ кричать и говорить, что это невозможно,

пугать тебя, но это можно сдѣлать, и хотя «будутъ лаять», какъ онъ говоритъ, но это необходимо, и несмотря на то, что есть рискъ — это существенно. Въ эти три дня можно было бы доставить количество, которое хватитъ на очень много мѣсяцевъ. Это можетъ казаться страннымъ въ моемъ изложеніи — но если вдуматься въ основную мысль, то видишь, что она правильна. Въ концѣ концовъ, что нибудь можно сдѣлать и нужно дать распоряженіе заблаговременно, насчетъ этихъ трехъ дней, какъ для лоттереи или сбора, такъ чтобы всѣ могли соотвѣтственно устроиться. Это слѣдуетъ сдѣлать теперь и быстро. Только ты долженъ былъ бы выбрать энергичнаго человѣка, который бы поѣхалъ въ Сибирь по главному пути, и въ его распоряженіи должны быть другіе, которые будутъ наблюдать на большихъ станціяхъ и развѣтвленіяхъ и, смотрѣть чтобы все шло, какъ слѣдуетъ, безъ ненужныхъ остановокъ... Также слѣдовало бы достать сахаръ изъ Кіева, а особенно муку и масло, которыя имѣются въ изобиліи въ Ялотурск. и другихъ уѣздахъ». (№ 139, I, 295/6).

Хотя техническая сторона соображеній Распутина и нѣсколько сумбурна, но какъ справедливы его основныя заботы о послѣдствіяхъ продовольственныхъ неурядицъ. Кстати сказать «товарная недѣля» была примѣнена впослѣдствіи.

«...Есть еще другой вопросъ, о которомъ надо серьезно подумать — топлива не будетъ и будетъ очень мало мяса, такъ что въ результатѣ могутъ произойти исторіи и безпорядки. Желѣзная дорога Мекка даетъ массу топлива городу Москвѣ, но это не достаточно и объ этомъ не думаютъ достаточно серьезно. Прости меня, что я тебѣ надоѣдаю, но я стараюсь собирать то, что можетъ быть полезно для тебя». (3/IX/1915; № 110, I, 194).

Императрица отлично предвидитъ тѣ безпорядки, которые могутъ возникнуть на почвѣ недостатка въ топливѣ и въ продовольствіи.

«...И это его (правительства) преступная ошибка, что оно, еще мѣсяцы тому назадъ, не озаботилось заготовкой большихъ запасовъ дровъ — у насъ изъ за этого могутъ быть безпорядки, это совершенно понятно, — такъ нужно проснуться и засадить людей за работу. Не твое дѣло входить въ эти детали — Щ(ербатовъ) долженъ былъ бы объ этомъ позаботиться съ Крив(ошеинымъ) и Рухловымъ, — но они занимаются политикой и стараются съѣсть старика*). (17/X 1915; № 126, I, 249).

---

*) Предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ.

«...Потомъ, такъ какъ нѣтъ достаточнаго количества вагоновъ въ движеніи, я думала, что будетъ хорошо, если бы ты могъ сейчасъ послать сенатора... чтобы обревизовать положеніе угля въ главномъ центрѣ. Тамъ накопились горы, которыя должны быть двинуты къ большимъ городамъ... 400 вагоновъ должны были бы ежедневно прибывать съ мукой, а на самомъ дѣлѣ прибываетъ только 200,— надо поскорѣе и энергичнѣе исправить это положеніе, — я нахожу, что идея ревизіи отлична, сенаторская ревизія для угля — если мы этого добьемся, населеніе не будетъ мерзнуть, и всѣ будутъ спокойны». (1/X/1915; № 145, I, 285).

«...Кстати, рѣшилъ ли ты что нибудь насчетъ сенатора для инспекціи желѣзныхъ дорогъ и угольныхъ депо и для того, чтобы все привести въ движеніе, потому что это въ самомъ дѣлѣ позоръ. Въ Москвѣ нѣтъ масла и здѣсь недостатокъ въ очень многихъ предметахъ и очень высокія цѣны, такъ что даже богатымъ людямъ становится трудно жить — все это извѣстно въ Германіи, и она радуется нашей дурной организаціи, что истинная правда». (10/X/1915; № 154, I, 302).

«...Многіе находятъ, что было бы хорошо, если бы ты хотя на время передалъ продовольственный вопросъ Алеку**), такъ какъ въ самомъ дѣлѣ въ городѣ происходитъ скандалъ и цѣны невозможныя; онъ бы всюду совалъ свой носъ, налеталъ бы на купцовъ, которые обманываютъ и спрашиваютъ невозможныя цѣны, и помогъ бы отдѣлаться отъ Оболенскаго, который на самомъ дѣлѣ никуда не годится и нисколько не помогаетъ. Нашъ Другъ (Распутинъ) боится, что, если такъ будетъ продолжаться еще два мѣсяца, у насъ будутъ непріятные безпорядки и исторіи въ городѣ, и я это понимаю, такъ какъ стыдно заставлять бѣдныхъ людей такъ страдать, — и какъ это унизительно въ глазахъ нашихъ союзниковъ... У насъ всего достаточно, но не хотятъ подвозить, а когда подвозятъ, то цѣны для всего неприступныя. Почему не попросить его на два мѣсяца все взять въ свои руки или даже на одинъ мѣсяцъ, онъ прекратитъ это надувательство. Онъ очень хорошъ на любомъ мѣстѣ, чтобы навести порядокъ, встряхнуть людей, но не на долго». (1/II/1916; № 204, II, 6).

Не правъ ли былъ въ данномъ случаѣ Распутинъ? Недочеты продовольствія не были устранены и на почвѣ ихъ разыгралась Мартовская революція, погубившая Россію.

**) Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, была ли права Императрица въ оцѣнкѣ дѣятельности градоначальника, князя Оболенскаго, который, при сложившейся обстановкѣ, дѣлалъ все, что могъ; здѣсь важно не лицо, а самое дѣло.

«...о смѣнѣ Оболенскаго, — почему не назначить его куда нибудь губернаторомъ? — но только есть ли у него настоящій преемникъ. Онъ никогда не шелъ противъ Гр(игорія), такъ что тому непріятно просить о его смѣнѣ, но онъ говоритъ, что Оболенскій на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаетъ — и надо серьезно начать торопиться со сборомъ продовольствія, — опять появились на улицахъ хвосты передъ магазинами». (9/VI/1916; № 283, II, 113).

Оставляя въ сторонѣ личности, Императрица переноситъ вопросъ о продовольствіи въ сферу широкой организаціи.

«...не было ли лучше передать весь этотъ вопросъ о продовольствіи и топливѣ министру внутреннихъ дѣлъ, котораго это касается въ большей степени чѣмъ министра земледѣлія. У министра внутреннихъ дѣлъ вездѣ свои люди, онъ можетъ давать приказанія и прямыя инструкціи губернаторамъ, въ концѣ концовъ, всѣ ему подчинены». (ib).

А пока что, Императрица настойчиво проводитъ свои мысли:

«...Вчера я видѣла Штюрмера и говорила съ нимъ какъ слѣдуетъ, — я просила его скорѣе смѣнить Оболенскаго, иначе у насъ могутъ произойти уличные безпорядки (изъ-за продовольствія) и онъ сразу потеряетъ голову, и всѣ противъ него». (15/IX/1916; № 349, II, 179).

«...(Распутинъ) проситъ, чтобы ты скорѣе смѣнилъ Оболенскаго и, когда будетъ назначенъ новый человѣкъ, пусть онъ отдастъ распоряженіе, чтобы въ булочныхъ у нихъ все было напередъ взвѣшено, такъ что, какъ только кто нибудь попроситъ, хлѣбъ былъ бы уже готовъ соотвѣтственно цѣнѣ и вѣсу, и тогда работа пойдетъ быстрѣе, и эти длинные хвосты на улицахъ скорѣе будутъ удовлетворены, — надо довѣриться честности продавцевъ, что они не будутъ обманывать бѣдный народъ — и надо установить полицейскій надзоръ за этими лавками, а градоначальникъ долженъ самъ первый всюду осматривать, чтобы убѣждаться въ томъ, что все быстро и добросовѣстно выполняется». (15/IX/1916; № 350, II, 180).

Какъ права была Императрица, выражая требованіе, чтобы начальство лично наблюдало за исполненіемъ своихъ распоряженій, а не ограничивалось кабинетною работою.

Императрица стремится освѣдомляться у наибольшаго числа лицъ по интересовавшему ее вопросу:

«...онъ (министръ промышленности и торговли, князь Шаховской) говоритъ, что крестьяне всегда быстро продавали хлѣбъ въ мирное время, боясь, что цѣны упадутъ, — теперь они знаютъ, что, чѣмъ дольше ждать, тѣмъ выше будутъ цѣны, и они не торопятся, тѣмъ болѣе, что у нихъ достаточно денегъ. Я ему сказала, что по моему слѣдовало бы разослать чиновниковъ разныхъ заинтересованныхъ въ этомъ министерствѣ въ наиболѣе важные пункты съ мукой и хлѣбомъ, и чтобы они говорили съ крестьянами и все бы имъ отчетливо объяснили. Если дурные люди хотятъ имѣть успѣхъ, они всегда говорятъ и къ нимъ прислушиваются. Если теперь хорошіе люди тоже постараются, понятно, крестьяне ихъ послушаютъ. Губернаторы, вице-губернаторы и всѣ служащіе должны принять участіе... Причину, почему у насъ нѣтъ достаточно сахара, ты знаешь. Теперь посылаютъ такія огромныя количества масла въ армію (ей нужно больше жировъ, такъ какъ у нея меньше мяса), что здѣсь уже не хватаетъ. Рыбы довольно, но не хватаетъ мяса. Меня интересуетъ поговорить съ новымъ человѣкомъ, и мы увидимъ какія у него идеи». (21/IX/1916; № 356, II, 191).

Нѣсколько дней спустя Императрица напоминаетъ Государю переговорить съ министромъ Протопоповымъ:

«...Насчетъ продовольствія *строго* сказать ему, что все должно быть сдѣлано, чтобы привести его въ порядокъ, ты такъ *приказываешь*». (17/IX/1916; № 362, II, 205).

Въ области дороговизны не одни только вопросы топлива и продовольствія безпокоютъ Императрицу. На всѣ, доходящіе до ея свѣдѣнія недочеты она обращаетъ вниманіе Царя, какъ входя въ интересы бѣдноты, такъ и въ сознаніи опасности неудовольствія народныхъ массъ.

«...Я забыла тебѣ сказать, что нашъ Другъ проситъ тебѣ передать, чтобы ты отдалъ приказаніе не увеличивать цѣны на поѣздки на трамваѣ въ городѣ, — вмѣсто 5 копѣекъ, теперь приходится платить 10 копѣекъ, и это несправедливо по отношенію къ нуждающимся, — пусть богатые будутъ обложены, но не другіе, которымъ приходится ежедневно часто по нѣсколько разъ ѣздить на трамваѣ». (16/VI/1916; № 289, II, 120.)

И далѣе: «...Пожалуйста, обрати вниманіе на то, что А. (Вырубова) написала по поводу повышенія *жалованія* всѣмъ бѣднымъ *чиновникамъ во всей странѣ*. Это должно исходить *непосредственно отъ*

тебя — всегда можно имѣть деньги отъ какихъ нибудь капиталовъ — это ударъ по всѣмъ революціоннымъ идеямъ». (25/IX/1916; № 350, II, 201).

По этому вопросу Императрица тоже напоминаетъ Государю переговорить съ Протопоповымъ:

«...4. Увеличить *жалованіе* чиновникамъ, какъ *милость* для нихъ отъ тебя». (25/IX/1916; № 362).

Императрица стремится всѣми средствами къ познанію Россіи:

«...Я рада, что Кустарный комитетъ теперь понялъ, что ему надо дѣлать... (Мы) распространимъ по всей Россіи это (кустарное) производство и для раненыхъ, также привьемъ и вкусъ, такъ же какъ это сдѣлано въ моей школѣ Народнаго Искусства. Ахъ, душа моя, какую массу можно сдѣлать, и мы женщины можемъ такъ много помогать. Наконецъ всѣ проснулись и готовы помогать и работать, — *такъ мы будемъ имѣть возможность узнать, страну крестьянъ, губерніи, все лучше и лучше и быть въ настоящей связи со всѣми*. Да поможетъ мнѣ Богъ такимъ путемъ быть тебѣ полезной, душа моя, и они рады работать со мною; ты помогъ и всѣхъ посадилъ за дѣло, давъ мнѣ Верховный Совѣтъ и младенчество и материнство, все идетъ вмѣстѣ, все для «народа», въ немъ наша сила, и тамъ есть преданныя Россіи сердца». (23/VI/1916; № 297, II, 126).

Желаетъ она, чтобы Государь узнавалъ правду изъ первоисточника.

«...Онъ (Горемыкинъ) находитъ, что чѣмъ больше ты покажешь свою энергію, тѣмъ лучше, съ чѣмъ я согласилась, и онъ также нашелъ удачной мысль (Императрицы), чтобы ты послалъ своихъ наблюдателей (въ подлинникѣ — свои глаза) на фабрики. Даже если свита не много понимаетъ, все же хорошо показать, что они посланы *Тобою* и что не только Дума за всѣмъ смотритъ». (23/VIII 1915; № 99, I, 164).

Весьма характерно здѣсь и постоянное ея стремленіе отмѣтить личное значеніе Государя и не лишено примѣчательности нѣсколько скептическое отношеніе къ свитѣ.

«...Пожалуйста, пошли лицъ своей свиты въ разные заводы и фабрики, чтобы ихъ осмотрѣть, — это твои глаза; — даже если они немного смыслятъ, все же люди будутъ знать, что ты за ними наблюдаешь — исполняютъ ли они добросовѣстно твои приказанія, — пожалуйста, милый...» (3/IX/1915; № 111, I, 195).

«...Я сказала М. Денъ, что ты думалъ посылать чиновъ свиты осматривать какъ можно больше фабрикъ и заводовъ, и онъ нашелъ,

что это блестящая мысль и какъ разъ то, что нужно, такъ какъ всѣ почувствуютъ *твой глазъ* повсюду. Пожалуйста, начни разсылать ихъ и прикажи имъ являться къ тебѣ съ докладами — это произведетъ великолѣпное впечатлѣніе и подбодритъ всѣхъ къ работѣ и пришпоритъ ихъ. Вели приготовить списокъ незанятыхъ чиновъ твоей свиты (безъ нѣмецкихъ именъ): Дм. Шереметьевъ (такъ какъ онъ свободенъ), Комаровъ (такъ какъ онъ говорилъ съ тобою), Вяземскій, Жилинскій, Силаевъ (— тѣ, кто менѣе «способные люди», должны ѣхать на болѣе спокойныя и безопасныя мѣста), Митя Денъ, Ник. Михайлов. (такъ какъ онъ хорошо настроенъ), Кириллъ, — Барановъ». (5/IX/1915; № 113, I, 199).

Это «безъ нѣмецкихъ именъ» весьма характерно. Свою мысль о командировкѣ чиновъ свиты въ качествѣ «глазъ Государя», она проводитъ съ обычною настойчивостью.

«...Не забудь хорошую мысль Георгія (В. К. Георгій Михайловичъ) установить для всѣхъ твоихъ адъютантовъ десятидневную службу — тогда ты услышишь свѣжія новости, а они могутъ отдыхать...». (12/XII/1915; № 171, I, 331).

Находя новый мотивъ къ осуществленію своей идеи, она, черезъ два дня спѣшитъ сообщить объ этомъ Государю:

«...Устроился ли ты насчетъ двухнедѣльной службы твоихъ адъютантовъ, по очереди, въ Ставкѣ. Теперь, пока дѣла тише, ты могъ бы даже вызвать полковыхъ командировъ, хотя такихъ, кажется почти не осталось. Но это было бы для тебя большимъ выигрышемъ, такъ какъ они могли бы сказать тебѣ много истинъ, которыхъ не знаютъ даже генералы, и я увѣрена, что они тебѣ были бы полезны. И всѣ постараются и будутъ работать усерднѣе, если будутъ знать, что одинъ изъ ихъ офицеровъ былъ въ Ставкѣ и долженъ былъ откровенно отвѣчать на всѣ твои вопросы. Они замѣчаютъ больше, чѣмъ другіе и, кромѣ того, это постоянная живая связь съ арміею». (14/II/1916; № 214, II, 20).

Повидимому намѣренія Императрицы достигаются и она въ послѣдній разъ объ этомъ упоминаетъ:

«...Да, это будетъ совсѣмъ хорошо, если у тебя будутъ два адъютанта, которые будутъ служить двѣ недѣли, и потомъ ты будешь ихъ мѣнять». (12/VII/1916; № 331, II, 159).

Сильно занята Императрица расцѣнкою людей, окружавшихъ Царя и она дѣлится съ нимъ своими впечатлѣніями. Нерѣдко прислушивается она и къ мнѣнію Распутина. О правильности этихъ расцѣнокъ предоставляю судить читателю.

«...Нашъ Другъ тоже не очень хочетъ Курлова...*) (16/IX/1916; № 370, II, 214).

«...Я такъ рада, что ты доволенъ Гурко.**) (18/VII/1916; № 337, II, 166).

«...Я надѣюсь, что Гурко окажется настоящимъ человѣкомъ; — лично я не судья, такъ какъ не помню, чтобы съ нимъ когда либо разговаривала. Умъ у него есть — Богъ дастъ душу». (8/XI/1916; № 386, II, 232).

«...Вчера я видѣла Воейкова... онъ полонъ своихъ милліоновъ и построекъ и, какъ всегда, самоувѣренъ... Онъ меня раздражаетъ... Глупо быть всегда такимъ легкомысленнымъ, самоувѣреннымъ, какъ онъ». (20/VII/1916; № 317, II, 145).

«...Я такъ рада, что ты окончательно назначилъ Наумова, и я полна надежды, что онъ будетъ подходящимъ человѣкомъ, — онъ мнѣ всегда нравился; мнѣ нравится открытое выраженіе его глазъ...» (14/XI/1915; № 158, I, 310).

«...У него (Протопопова) хитрое лицо Брусилова, когда онъ прищуриваетъ одинъ глазъ. Очень умный, вкрадчивый, великолѣпныя манеры, говоритъ также очень хорошо по французски и по англійски; видно, что онъ привыкъ говорить — онъ не будетъ спать, такъ онъ мнѣ обѣщалъ, но его необходимо держать въ рукахъ, по словамъ нашего друга, чтобы онъ не возгордился, это бы все испортило». (22/IX/1916; № 357, II, 193).

«...Онъ упомянулъ о Макаровѣ (на должность министра внутреннихъ дѣлъ), но онъ вовсе бы не годился, это маленькій неизвѣстный человѣкъ». (7/IX/1915; № 115, I, 20).

«...Я такъ много думаю о Шуваевѣ и спрашиваю себя, можетъ ли онъ быть на такомъ мѣстѣ, умѣетъ ли онъ говорить въ Думѣ?» (13/III/1916; № 228, II, 44).

«...Какъ газеты нападаютъ на Сазонова (послѣ увольненія его отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ), это ему должно быть непріятно послѣ того, что онъ воображалъ, что его такъ высоко цѣнятъ». (16/VII/1916; № 314, II, 144).

Сама Императрица обращаетъ вниманіе Царя на несостоятельность военнаго министра Сухомлинова.

«...Ярость офицеровъ противъ Сухомлинова прямо безмѣрна —

---

*) Въ качествѣ товарища министа внутреннихъ дѣлъ, Протопопова.

**) Временный замѣститель начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

бѣдняга — они ненавидятъ самое его имя и жаждутъ, чтобы его прогнали. Ну, въ его собственныхъ интересахъ, прежде чѣмъ подымется скандалъ, было бы лучше такъ и сдѣлать. Это его авантюристка жена совершенно разрушила его репутацію. Онъ страдаетъ изъ за ея взяточничества и т. д. Говорятъ, что его вина, что нѣтъ снарядовъ, — а теперь это наша гибель (проклятіе). Я тебѣ это говорю, чтобы показать тебѣ, какія впечатлѣнія она произвела». (12/VI/1915; № 83, I, 121).

Рѣшимость Государя привлечь къ отвѣтственности Сухомлинова встрѣчаетъ ея одобреніе:

«...Я видѣла въ газетахъ, что ты приказалъ судить Сухомлинова, это правильно. Прикажи снять съ него аксельбанты. Говорятъ, что выясняются скверныя вещи о немъ — что онъ бралъ взятки, — но это навѣрное она (жена Сухомлинова), — это такъ грустно». (3/III/1916; № 218, II, 28).

Но особую чуткость проявляетъ Императрица къ врагамъ монархіи:

«...Какъ я буду радоваться, когда ты отдѣлаешься отъ Бончъ-Бруевича*), но ему прежде всего слѣдовало бы дать понять какое онъ надѣлалъ зло и что оно отражается на тебѣ — ты слишкомъ добръ». (28/I/1916; № 200, II, 2).

«...Да, поскорѣе избавься отъ Бончъ-Бруевича, не давай ему дивизіи, если его такъ ненавидятъ...» (3/II/1916; № 206, II, 9).

«...Уволилъ ли, въ концѣ концовъ, Куропаткинъ Бончъ-Бруевича; заставь его поторопиться». (8/III/1916; № 223, II, 36).

Будущаго предсѣдателя комиссіи по пересмотру военныхъ уставовъ, утвердившаго «Права солдата» и дипломатическаго представителя большевиковъ въ Ригѣ, генерала Поливанова, Императрица разгадала уже давно.

«...Маклаковъ (быв. мин. внутр. дѣлъ) умоляетъ, чтобы я тебя умолила поскорѣе избавиться отъ Поливанова — что онъ просто революціонеръ подъ крылышкомъ Гучкова. Штюрмеръ проситъ того же самаго. Они говорятъ, что въ этомъ ненавистномъ Промышленномъ комитетѣ собираются наговорить ужасныхъ вещей; — они черезъ нѣсколько дней соберутся и Маклаковъ говоритъ, что надо было бы поэтому поскорѣе уволить Поливанова — всякій честный человѣкъ лучше его.

«Душа моя, не мѣшкай, рѣшись, это *слишкомъ* серьезно и, если

---

*) Членъ Высшаго военнаго Совѣта у большевиковъ.

ты сразу его смѣнишь, ты обрѣжешь крылья революціонной партіи, но не медли съ этимъ; ты *знаешь*, что ты и самъ давно собирался его смѣнить... Болѣе всего тебѣ нуженъ *честно преданный* человѣкъ и Бѣляевъ таковъ, если Ивановъ слишкомъ упрямъ. Пожалуйста, произведи эту перемѣну сейчасъ, тогда пропаганда и все прочее можетъ быть сразу и энергично остановлены... Обѣщай мнѣ, что ты сразу смѣнишь министра военнаго, ради самого себя, твоего сына и Россіи. Уже давно пора — иначе я бы не писала опять такъ скоро по этому вопросу. Ты мнѣ сказалъ, что ты скоро это сдѣлаешь, и кто знаетъ, не благословитъ ли Богъ скорѣе наши войска, если (онъ) сразу будетъ уволенъ.». (12/III/1916; № 227, II, 42).

Дѣятельность А. И. Гучкова, въ которомъ она чуетъ врага Государя и тѣмъ самымъ монархіи — а могла ли она, по всей справедливости, какъ любящая жена и супруга Монарха понимать это иначе — безпокоитъ Императрицу уже въ 1915 году:

«...Надо бы отдѣлаться отъ Гучкова, только какъ? вотъ въ чемъ вопросъ. Теперь *военное время*, нельзя ли было бы придраться къ чему нибудь, чтобы его запереть. Онъ стремится къ анархіи и противникъ нашей династіи... отвратительно видѣть его игру, его рѣчи и его скрытую работу». (30/VIII/1915; № 107, I, 183).

«...Подумалъ ли ты еще разъ о томъ, что члены Думы, такіе какъ Гучковъ, не должны имѣть больше разрѣшенія ѣздить на фронтъ и говорить съ войсками». (7/VIII/1915; № 107, I, 183).

«...Для начала посылаю тебѣ копію одного изъ писемъ Гучкова къ Алексѣеву — прочитай его — пожалуйста, и ты поймешь, что бѣдный генералъ выходитъ изъ себя, а Гучковъ говоритъ неправду, подстрекаемый Поливановымъ, съ которымъ онъ неразлученъ. Предостереги серьезно старика противъ этой переписки, ея цѣль энервировать его — и все это его не касается, потому что для арміи все будетъ сдѣлано и ни въ чемъ не будетъ недостатка». (22/IX/1916; № 357, II, 192).

«...Я ему (Штюрмеру) рѣзко высказала свое мнѣніе насчетъ Гучкова..., — всѣ и даже Думскіе знаютъ, что онъ переписывается съ Алексѣевымъ, и это въ глазахъ порядочныхъ людей набрасываетъ глубокую тѣнь на Алексѣева. Видно, какъ пауки Гучковъ и Поливановъ окутываютъ Алексѣева паутиною и хотѣлось бы раскрыть ему глаза и освободить его. Ты можешь его спасти — я очень надѣюсь, что ты говорилъ съ нимъ по поводу писемъ». (29/IX/1916; № 364, II, 207).

«...Гучковъ ушелъ со своего мѣста, потому что онъ хочетъ

итти вмѣстѣ съ Поливановымъ. Поливановъ стремится стать военнымъ министромъ и т. д. онъ опасенъ и не долженъ былъ бы участвовать ни въ какомъ комитетѣ». (8/XI/1916; № 386, II, 233).

«...Я бы спокойно и съ чистою совѣстью передъ всею Россіею отправила бы Львова въ Сибирь (это дѣлалось за гораздо меньшіе проступки); Милюкова, Гучкова, Поливанова — въ Сибирь. Идетъ *война*, и въ такое время *внутренняя война есть государственная измѣна*; почему ты на это не такъ смотришь, я право не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой умъ говорятъ мнѣ, что это было бы спасеніемъ Россіи — ихъ грѣхъ гораздо хуже, чѣмъ все, что только могли сдѣлать Сухомлиновы; запрети Брусилову и т. д., когда они пріѣдутъ, касаться какихъ нибудь политическихъ вопросовъ». (14/XII/1916; № 401, II, 262).

Дальнѣйшее сближеніе Гучкова съ Алексѣевымъ вселяетъ новыя тревоги въ Императрицу:

«...Гучковъ старается обойти Алексѣева, его подстрекаетъ Поливановъ, — жалуется ему на всѣхъ министровъ, Штюрмера, Трепова, Шаховского и это объясняетъ, почему Алексѣевъ такъ настроенъ противъ министровъ, тогда какъ они, въ самомъ дѣлѣ, лучше работаютъ и болѣе объединены, и все идетъ лучше и мы чувствуемъ, что не будетъ никакого настоящаго кризиса, если они такъ будутъ продолжать». (20/IX/1916; № 355, II, 186).

«...Пожалуйста, душа моя, не давай доброму Алексѣеву начать играть роль съ Гучковымъ. Родзянко и тотъ теперь образуютъ одно и стараются обойти Алексѣева, притворяясь будто никто, кромѣ нихъ, не можетъ работать. Онъ долженъ заниматься исключительно войною, — остальные отвѣчаютъ за то, что происходитъ въ тылу...». (20/IX/1916; № 355, II, 184).

«...Нужно вырвать Алексѣева у Гучкова съ его сквернымъ вліяніемъ... Родзянко, Гучковъ, Поливановъ и компанія интригуютъ гораздо больше, чѣмъ это наружу видно (я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы изъ рукъ министровъ». (21/IX 1916; № 356, II, 189).

Не менѣе чутко относится Императрица и къ организаціямъ, вредящимъ монархіи. Вотъ, что говоритъ она о Союзѣ Земствъ и Городовъ. Комментировать эти мысли Государыни не приходится онѣ такъ ясны и опредѣленны, что къ нимъ прибавить нечего.

«...Организація союза городовъ также образуетъ общество для той же цѣли (устройство быта нашихъ плѣнныхъ). Это выходитъ уже три, — мы должны быть съ ними въ контактѣ. Они берутъ

все въ свои руки для того, чтобы потомъ сказать, что правительство ничего не дѣлаетъ, а они — все; тоже самое для раненыхъ и бѣженцевъ. Они лѣзутъ и помогаютъ всюду, а за ихъ делегатами надо присматривать». (15/IX/1915; № 123, I, 236).

«...Земскій союзъ, который также, по моему, слишкомъ распространился и взялъ слишкомъ много дѣлъ въ свои руки, такъ чтобы впослѣдствіи можно было говорить, что правительство не достаточно заботилось о раненыхъ, бѣженцахъ, нашихъ плѣнныхъ въ Германіи, а Земство спасло ихъ, — слѣдовало бы Кривошеину, затѣявшему эту организацію, держать ее въ должныхъ предѣлахъ; — это была хорошая мысль, только нужно было зорко наблюдать, такъ какъ есть много скверныхъ типовъ на фронтѣ, въ лазаретахъ и питательныхъ пунктахъ». (17/IX/1915; № 126, I, 249).

«...Понятно *нельзя* санкціонировать союзъ городовъ въ качествѣ легальнаго и постояннаго учрежденія. У нихъ средства отъ правительства и они могутъ тратить какое угодно количество милліоновъ, а «народъ» даже не знаетъ, что это казенныя средства; объ этомъ слѣдуетъ сообщить оффиціально. Если бы они продолжали въ дальнѣйшемъ существовать, они неизбѣжно стали бы гнѣздомъ пропаганды и органами Думы на мѣстахъ». (15/III/1916; № 231, II, 51).

Далѣе Императрица пишетъ:

«...По поводу союза городовъ, — чтобы ты ихъ больше не благодарилъ. Слѣдуетъ найти способъ теперь же опубликовать все, что они дѣлаютъ, и особенно подчеркнуть, что деньги поступаютъ отъ тебя и отъ правительства, и что они широко расходуютъ — деньги твои, а не ихъ, Публика должна это знать, я нѣсколько разъ говорила объ этомъ со Штюрмеромъ, какъ бы объ этомъ освѣдомить, — твоимъ ли приказаніемъ Штюрмеру или бумагой отъ него къ тебѣ, — я съ нимъ объ этомъ переговорю; они стараются играть слишкомъ большую роль, это становится политическою опасностью, которая уже теперь должна быть принята во вниманіе, иначе сразу придется слишкомъ много возиться...» (9/VI/1916; № 282, II, 112).

«...Я опять сказала Штюрмеру, чтобы онъ приказалъ напечатать документы насчетъ денегъ, которыя были даны союзу, ты ему давно приказалъ — онъ говоритъ, что министры ихъ разсматриваютъ — напомни ему еще разъ». (7/IX/1916; № 343, II, 173).

«...Протопоповъ будетъ у меня завтра, и у меня къ нему масса вопросовъ и надо предложить нѣсколько идей, которыя появились въ моей старой головѣ, что бы сдѣлать контръ-пропаганду противъ

союза городовъ на фронтѣ, чтобы за ними наблюдали и чтобы тѣ, которые попадутся, сейчасъ же были выгнаны... Мы не имѣемъ права позволить имъ наполнять уши (солдатъ) вредными идеями, — ихъ доктора и сестры ужасны». (20/IX/1915; № 355, II, 187).

«...Онъ (министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ) тотчасъ же распорядился напечатать эти свѣдѣнія о тѣхъ милліонахъ, которые получилъ союзъ, пока другіе мѣшкали. Но только это не то, что я хотѣла, — я не хотѣла только голыхъ фактовъ — они достаточно плохи, — но надо было умно написать, — это на мой вкусъ слишкомъ «обнаженно». Плакать хочется при мысли о томъ, что союзомъ было выброшено полъ милліарда — тогда, когда существующія организаціи могли бы сдѣлать чудеса на четверть этой суммы». (26/IX 1916; № 361, II, 202).

«...Я такъ хотѣла бы, что бы ты могъ закрыть этотъ гнусный *промышленный комитетъ*, тамъ они для своего съѣзда готовятъ просто антидинастическіе вопросы». (14/III/1916; № 229, II, 48).

Наиболѣе важнымъ однако, является отношеніе Императрицы къ Государствънной Думѣ. Надо полагать, что нынѣ не найдется ни одного сколько нибудь государственно мыслящаго человѣка, который не признавалъ бы революцію 1917 года явленіемъ глубоко отрицательнымъ и пагубнымъ; отсюда выводъ, что всѣ лица и учрежденія ей, революціи, способствовавшія, должны быть признаны вредными. Относительно дѣятельности Думы во время войны мнѣнія различны: одни признаютъ ее отрицательною, другіе видятъ въ ней спасеніе отечества. Вышеприведенные силлогизмы приводятъ къ первому выводу, если установить, что Дума способствовала революціи. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса П. Н. Милюкову, который въ Т. I. своей «Исторіи Русской революціи» пишетъ:

«Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбѣжность котораго сознавалась, какъ мы видѣли и ранѣе, *и сознаюсь, что для успѣха этого движенія Г. Дума уже много сдѣлала своею дѣятельностью во врнмя войны и спеціально со времени образованія прогрессивнаго блока*». Думается мнѣ, что въ данномъ вопросѣ г. Милюковъ достаточно компетентенъ: слѣдовательно, дѣятельность Государственной Думы слѣдуетъ признать вредной. Какъ думала объ этомъ Императрица?

«...Пожалуйста, скажи ему (Родзянко), что ты желаешь и настаиваешь на томъ, чтобы Дума кончила свою работу въ одинъ мѣсяцъ и что его настоящее мѣсто, также какъ и всѣхъ остальныхъ, —

въ деревнѣ, чтобы заботиться о своихъ поляхъ». (2/V/1916; № 258, II, 91).

«...Не прикажешь ли ты Штюрмеру послать за Родзянко (мерзавцемъ) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджетъ былъ оконченъ до Пасхи, такъ какъ въ такомъ случаѣ не придется ихъ всѣхъ сзывать до тѣхъ поръ, пока, съ Божьей помощью, все не станетъ лучше — осенью послѣ войны. Они хотятъ все тянуть, чтобы вернуться лѣтомъ со всѣми своими отвратительными либеральными предложеніями. Многіе того же мнѣнія и просятъ тебя настоять, чтобы они теперь закончили. И ты не долженъ дѣлать послабленій, отвѣтственнаго министерства и т. д. — всего, что они хотятъ» (17/III/1916; № 232, II, 53).

Всѣ очередные вопросы находятъ откликъ у Государыни; вотъ, что она пишетъ о генералахъ:

«...Да, увы, наши генералы никогда не отличались — въ чемъ дѣло? Выгони ихъ и выдвинь какихъ-нибудь молодыхъ, энергичныхъ людей, какъ напр. Арсеньева. Во время войны выбираютъ способныхъ людей, по моему, а не руководствуются возрастомъ и чиномъ, — это вѣдь ради всей арміи, и нельзя допустить, чтобы жизнь солдатъ приносилась въ жертву понапрасну путанниками генералами». (15/III/1916; № 231, II, 51).

О Государственномъ Совѣтѣ:

«...Нельзя ли быть болѣе осторожнымъ въ вопросѣ о томъ, кого назначать въ Государственный Совѣтъ? По словамъ Маклакова, теперь всѣ хорошіе члены Государственнаго Совѣта говорятъ, что тѣ, которыми недовольны, находятъ себѣ тамъ пристанище. Тамъ нужны хорошіе люди, а не первые попавшіеся..........., а на самомъ дѣлѣ тамъ должны быть только лояльные правые». (17/III, 1917; № 232, II, 53).

О Митрополитахъ:

«...Останови этотъ проектъ назначенія цѣлаго ряда новыхъ митрополитовъ, онъ теперь обсуждается въ Синодѣ; — повѣрь мнѣ, это не хорошо, у насъ нѣтъ подходящихъ людей и это только повредитъ церкви. Сперва надо, чтобы наши епископы стали лучшими людьми и тогда только мы можемъ думать о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ митрополитовъ, — теперь слишкомъ рано, это надѣлаетъ много вреда и приведетъ еще къ большимъ треніямъ въ церкви». (29/II/1916; № 236, II, 59).

Предоставляю читателю рѣшить насколько она права въ этихъ сужденіяхъ.

Вотъ нѣсколько соображеній ея, болѣе общаго характера:

«...Онъ (министръ торговли и промышленности, князь Шаховской) находитъ, что ты долженъ былъ бы приказать фабрикамъ дѣлать снаряды, просто чтобы ты даже выбралъ бы фабрику, если тебѣ покажутъ ихъ списокъ, вмѣсто того, чтобы отдавать приказанія черезъ разныя комиссіи, которыя недѣлями разговариваютъ и никогда не могутъ рѣшиться». (14/VI/1915; № 86, I, 129).

«...Меня всегда огорчаетъ, когда я вижу, какъ плохо то, что здѣсь выдѣлывается, все приходитъ изъ за границы, самыя простыя вещи, какъ напр. гвозди, шерсть для вязанія, металлическія вязальныя спицы и всякаго рода необходимыя вещи. Дай Богъ, чтобы послѣ того, какъ кончится эта страшная война, можно было добиться, чтобы фабрики производили кожаныя издѣлія и сами бы выдѣлывали мѣха. Такая огромная страна, и зависитъ отъ другихъ». (2/IX/1915; № 110, I, 189).

Читатель, вѣроятно, еще болѣе удивится, ознакомившись съ мыслями Императрицы по еврейскому вопросу.

«...Позаботься, чтобы еврейскія исторіи, были внимательно выяснены безъ излишнихъ скандаловъ, чтобы не вызывать смутъ въ этой области». (4/VI/1915; № 73, I, 108).*)

«Посылаю тебѣ прошеніе одного изъ раненыхъ.... Онъ еврей, живетъ уже десять лѣтъ въ Америкѣ. Онъ былъ раненъ и потерялъ лѣвую руку въ Карпатахъ. Рана хорошо зажила, но нравственно онъ страшно страдаетъ, такъ какъ въ августѣ онъ долженъ выписаться и теряетъ право жить въ столицахъ или другихъ большихъ городахъ. Онъ живетъ въ городѣ только въ силу спеціальнаго разрѣшенія, которое далъ ему одинъ изъ предшествующихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, на одинъ годъ. И онъ могъ бы найти работу въ большомъ городѣ. Онъ прекрасно знаетъ англійскій языкъ.... и онъ человѣкъ, получившій, такъ сказать, хорошее воспитаніе. Десять лѣтъ тому назадъ онъ уѣхалъ въ Америку, чтобы найти возможность стать полезнымъ членомъ общества въ полномъ объемѣ своихъ способностей, такъ какъ здѣсь это трудно для еврея, который всегда стѣсненъ законодательными ограниченіями. Хотя онъ былъ въ Америкѣ, онъ никогда не забывалъ Россію и очень страдалъ тоскою по родинѣ. И какъ только началась война, онъ прилетѣлъ сюда, чтобы

*) Въ газетахъ сообщалось о выселеніи евреевъ изъ прифронтовыхъ губерній. Черезъ нѣсколько дней сообщено было о пріостановленіи выселеній. Прим. редакціи «Писемъ».

вступить въ ряды солдатъ и защищать свою родину. Теперь онъ потерялъ руку, служа въ нашей арміи, и получилъ Георгіевскую медаль; онъ можетъ остаться здѣсь и получить право жить повсюду, гдѣ ему захочется жить въ Россіи, — право которымъ евреи не обладаютъ. Какъ *только его уволятъ изъ арміи*, какъ увѣчнаго, онъ оказывается въ такомъ же положеніи, какъ раньше, и ему не помогутъ его поспѣшное возвращеніе домой—на войну и потеря руки. Ты понимаешь, какъ это горько, я это вполнѣ сознаю; — въ самомъ дѣлѣ,такой человѣкъ долженъ былъ бы быть въ томъ же положеніи, какъ всякій другой солдатъ, получившій такую рану. Онъ не былъ обязанъ сейчасъ же прилетѣть сюда. Хотя онъ еврей, хотѣлось бы, чтобы съ нимъ поступили справедливо и не иначе, чѣмъ съ другими, которые также изувѣчены... не слѣдовало бы возбуждать въ немъ горькія чувства и давать ему чувствовать жестокость своей старой родины. Мнѣ кажется, что всегда слѣдовало бы дѣлать выборъ между хорошими и дурными евреями и не быть одинаково суровымъ по отношенію ко всѣмъ, — по моему это такъ жестоко». (2/IX/1915; № 110, I, 189).

Вообще всякія излишнія стѣсненія возмущаютъ Императрицу; вотъ что она пишетъ о военно-плѣнныхъ:

«...И когда окончится эта безобразная война и смягчится ненависть, мнѣ хотѣлось бы, чтобы говорили, что мы поступали благородно. Ужасъ быть въ плѣну уже достаточенъ для офицера, они не забудутъ жестокостей или униженія, — пусть они унесутъ съ собою воспоминанія о христіанскомъ обращеніи и благородствѣ». (7/IX/1915; № 115, I, 206).

Возмущаетъ ее и безцеремонное обращеніе съ населеніемъ:

«...Потомъ очень много женщинъ было отведено для работъ возлѣ озеръ, но имъ не сказано на какой срокъ, такъ что у нихъ не было времени захватить теплую одежду. Онѣ получили суточныя деньги на дорогу, 30 копѣекъ, а дорога продолжалась пять дней — развѣ губернаторы сошли съ ума. Здѣсь *никогда* нѣтъ порядка, это приводитъ меня въ отчаяніе — *этотъ урокъ* мы должны были бы выучить, у нѣмцевъ. — Мнѣ хочется всюду совать свой носъ, что бы будить людей, наводить всюду порядокъ и объединить всѣ силы...». (9/IX/1915; № 117, I, 217).

Не менѣе интересно сужденіе Императрицы по слѣдующему вопросу:

«...Говорятъ, Синодъ издалъ указъ, что не должно быть рождественскихъ елокъ. Я хочу выяснить, правда ли это и тогда по-

дыму скандалъ. Это не ихъ дѣло и не касается церкви. Зачѣмъ же отнимать удовольствіе у раненыхъ и дѣтей на томъ основаніи, что елка была первоначально перенята изъ Германіи! Эта узость взглядовъ прямо чудовищна!» (14/XII/1914; № 30, I, 51).*)

Можно было бы предположить, что Императрица интересуется только «злобами дня». — Это было бы только дѣломъ нервовъ, — нѣтъ, она вдумчиво заглядываетъ въ будущее — это уже дѣло ума.

«...Есть одна вещь, о которой я этотъ разъ забыла ему (Штюрмеру) напомнить... это *очень* существенно, — уже *теперь* надо подобрать людей, которые изучили бы и выработали принципы для будущаго конгресса, когда война кончится; они уже теперь должны основательно подготовить и обдумать все это, пожалуйста, переговори объ этомъ, это такъ настоятельно». (20/VI/1916; № 293, II, 124).

Подысканіе преемника Сазонову, тревожитъ Императрицу; предчувствуетъ она и коварство Англіи.

«...Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты придумалъ хорошаго преемника для Сазонова. Это не долженъ быть непремѣнно дипломатъ. Такъ что бы онъ могъ теперь же взяться за дѣло и принять мѣры для того, чтобы позже на насъ не насѣла Англія, чтобы мы были тверды, когда поставленъ будетъ вопросъ о конечномъ мирѣ... Ради Бэби (Наслѣдника) мы должны быть тверды, такъ какъ иначе онъ получитъ страшное наслѣдіе». (17/III/1916; № 232, II, 53).

О тѣхъ же мысляхъ, пришедшихъ Распутину, она спѣшитъ сообщить своему Супругу:

«...Нашъ Другъ, который говоритъ, что для насъ хорошо, что Китченеръ погибъ, такъ какъ позже онъ бы надѣлалъ Россіи вреда, и что не жалко, что съ нимъ погибли документы. Видишь ли онъ всегда боялся роли Англіи послѣ окончанія войны, когда начнутся мирные переговоры». (5/VI/1916; № 278, II, 109).

Озабочиваясь пріисканіемъ преемника Сазонову, она понимаетъ, все несоотвѣтствіе для этой роли Штюрмера.

«...онъ (Распутинъ) сказалъ Штюрмеру, что онъ не долженъ былъ принять назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ, что это его погубитъ — нѣмецкое имя и станутъ говорить, что это все я дѣлаю». (10/XI/1916; № 389, II, 237).

---

*) Въ засѣданіи училищнаго совѣта при Св. Синодѣ было принято постановленіе объ отмѣнѣ елокъ, устраиваемыхъ на Рождество въ церковно-приходскихъ школахъ, ввиду того, что этотъ обычай воспринятъ у нѣмцевъ. Примѣч. редакціи «Писемъ».

Общіе взгляды на политику Императрицы не лишены реальнаго значенія:

«...Ахъ, провались они, всѣ эти Балканскія государства. Россія всегда была для нихъ вселюбящей, помогающей матерью, а потомъ они предательски отворачиваются и ведутъ противъ нея войну». (1/XI/1915; № 145, I, 283).

И опять:

«...Я предвижу страшныя осложненія, когда кончится война и придется разрѣшить вопросъ о балканскихъ государствахъ; — тогда я боюсь, что эгоистическая политика Англіи рѣзко столкнется съ нашей, — только тогда надо все хорошенько заранѣе подготовить, чтобы не имѣть непріятныхъ сюрпризовъ. Теперь, пока у нихъ большія затрудненія, ихъ надо забрать въ руки». (2/XI/1915; № 146, I, 287).

Особенно знаменательны взгляды Государыни на польскій вопросъ:

«...Только... пожалуйста, умоляю тебя не спѣшить съ польскимъ вопросомъ, — не давай другимъ толкать себя на то, чтобы сдѣлать это прежде, чѣмъ мы перейдемъ границу; — я вполнѣ довѣряю мудрости нашего друга, который владѣетъ Божьимъ даромъ — давать совѣты полезные для тебя и для нашей страны. Онъ умѣетъ всматриваться въ далекое будущее, а потому можно положиться на его сужденіе...» (4/IX/1916; № 340, II, 168).

«...Я читала то, что говорятъ нѣмецкія газеты по польскому вопросу и какъ они недовольны, что Уильямъ (Вильгельмъ) это сдѣлалъ*); не спрашивая мнѣнія страны, и они чувствуютъ, что это будетъ навсегда поводомъ для вражды между нашими двумя государствами и т. д.; другіе смотрятъ на это, какъ на нѣчто совсѣмъ не серьезное и очень туманное — и я думаю, что Вильгельмъ сдѣлалъ громадную гаффу и очень за это пострадаетъ. Поляки не станутъ повиноваться германскому принцу и желѣзному режиму подъ маскою свободы. Сколько благоразумныхъ русскихъ... благословляютъ тебя за то, что ты не послушался тѣхъ, которые просили тебя дать Польшѣ свободу, когда она намъ больше не принадлежала,

---

*) 23 Октября германскій генералъ-губернаторъ въ Варшавѣ, Безелеръ и австрійскій въ Люблинѣ — Кукъ, опубликовали воззваніе къ польскому народу объ образованіи польскаго государства съ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ. Примѣч. редакціи «Писемъ».

такъ что это было просто смѣшно — и они совершенно правы». (29/X/1916; № 375, II, 218).

Тревога о будущемъ захватываетъ Императрицу не только въ дѣлахъ внѣшней, но и внутренней политики:

«...правительство должно смотрѣть впередъ и готовиться къ послѣвоенному времени... Когда кончится война, всѣ эти тысячи людей, работающіе на фабрикахъ на армію, останутся безъ работы и, конечно, это будетъ недовольная масса, поэтому уже теперь обо всемъ этомъ надо подумать, всѣ мѣста, фабрики должны быть переписаны, количество рабочихъ рукъ и т. д. и должно быть рѣшено, что имъ дадутъ дѣлать, чтобы они не остались на улицѣ, — и это возьметъ много времени для подготовки и всесторонняго обдумыванія, и имѣетъ огромную важность; все это, конечно, абсолютно вѣрно. Потомъ будетъ такъ много недовольнаго элемента; теперь у нихъ есть деньги, потомъ войска вернутся въ деревню, многіе больные и увѣчные; многіе, которыхъ теперь поддерживаютъ ихъ патріотизмъ и духъ, тогда падутъ духомъ и будутъ недовольны, и будутъ дурно вліять на рабочихъ, поэтому надо о нихъ подумать». (17/IX/1915; № 125, I, 244).

«...Ты знаешь, мой комитетъ долженъ будетъ испросить у правительства крупныя суммы для нашихъ плѣнныхъ, у насъ никогда не будетъ достаточно денегъ и расходы, увы, дойдутъ до нѣсколькихъ милліоновъ; это крайне необходимо, ибо иначе дурные элементы этимъ воспользуются и скажутъ, что мы о нихъ не думаемъ, что они забыты, и ихъ заразятъ разными гадостями, такъ какъ среди нашихъ плѣнныхъ, навѣрное есть много испорченной красной дряни». (15/IX/1915; № 123, I, 236).

Предусматривала Императрица и политическое значеніе нѣкоторыхъ шаговъ Государя и предостерегала его отъ возможныхъ ошибокъ:

«...Слава Богу, Перемышль взятъ, поздравляю всѣхъ моимъ любящимъ сердцемъ. Это такъ хорошо. Какая радость для нашихъ любимыхъ войскъ. Это продолжалось такъ долго и, по совѣсти говоря, я рада за бѣдный гарнизонъ и населеніе, которое навѣрное, почти умирало отъ голода. Теперь мы можемъ освободить нѣсколько корпусовъ, чтобы перебросить ихъ на болѣе слабыя мѣста. Я такъ счастлива за тебя». (9/III/1915; № 54 а, I, 83).

«...Онъ (Распутинъ) — (это довольно любопытно) сказалъ тоже самое, что я, что въ общемъ это ему не нравится*) *Господь пронесетъ*,

*) Рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ Львовъ и Перемышль.

но безвременно (слишкомъ рано) теперь ѣхать, никого не замѣтить, народа своего не увидѣть, конечно, интересно, но лучше послѣ войны». (7/IX/15; № 59, I, 90).

«...Онъ (Распутинъ) знаетъ, что онъ говоритъ, когда онъ говоритъ такъ серьезно. Онъ былъ очень противъ твоей поѣздки въ Львовъ и Перемышль — она была преждевременна, теперь мы это видимъ». (12/IV/1915; № 84, II, 123).

«...Дай Богъ, чтобы мы и оттуда (Ровно) не должны были бы уйти. Что мы должны были оставить этотъ городъ (Львовъ) — тяжело, но все же онъ еще не былъ вполнѣ нашимъ. Однако, грустно, что онъ попалъ въ другія руки. Теперь Вильямъ (Императоръ Вильгельмъ) навѣрное спитъ въ кровати стараго Франца Іосифа, на которой ты одну ночь проспалъ. Мнѣ это не нравится, это унизительно, но это еще можно перенести. Но подумать, что придется еще разъ дать такое же сраженіе, и поля будутъ усѣяны трупами нашихъ храбрыхъ солдатъ, — это разрываетъ сердце». (12/VI/1915; № 84, II, 123).

«...Поѣзжай, принеси имъ (войскамъ) радость твоего присутствія — не говори, что ты приносишь несчастіе. Въ Львовѣ и Перемышлѣ это случилось потому, что нашъ Другъ зналъ и говорилъ тебѣ, что слишкомъ рано это дѣлать». (24/VI/1915; № 95, I, 151).

Но наиболѣе важнымъ вопросомъ, сыгравшимъ рѣшающую роль въ судьбахъ Россіи, Царя и Династіи, несомнѣнно слѣдуетъ признать отношеніе Императрицы къ самодержавнымъ правамъ ея Царственнаго Супруга.

Изъ ряда писемъ видно, что Императрица ревниво оберегала начала Царскаго самодержавія. Нѣтъ надобности на страницахъ «Русской Лѣтописи» защищать эти начала, но нельзя не отмѣтить, что изо всѣхъ современниковъ послѣдняго Русскаго Вѣнценосца, она наиболѣе пламенно имъ служила, и не потому ли она и была такъ ненавистна и оклеветана? Такъ, во всякомъ случаѣ, думала она и въ этомъ убѣжденіи ее поддерживали:

«...Бобринскій былъ радъ меня увидѣть и говорилъ, что меня потому ненавидятъ, что чувствуютъ (лѣвая клика), что я стою за твое дѣло, за Бэби и Россію». (20/IX/1916; № 255, II, 187).

«...Никогда не забывай, что ты есть и долженъ оставаться самодержавнымъ Императоромъ. Мы не подготовлены къ конституціонному правленію». (17/VI/1915; № 89, I, 138).

«...Слава Богу, нашъ Императоръ-Самодержецъ и долженъ крѣпко держаться этого, какъ ты и дѣлаешь. Только ты долженъ

высказать больше силы и рѣшимости». (17/IX/1915; № 115, I, 213).

Вездѣ и всегда она призываетъ своего державнаго Супруга къ твердости и проявленію своей воли:

«...Какъ имъ всѣмъ нужно почувствовать *желѣзную волю и руку;* — до сихъ поръ твое царствованіе было царствованіе мягкости, а теперь оно должно быть царствованіемъ власти и твердости; — ты повелитель и хозяинъ Россіи, и Всемогущій Господь тебя тамъ поставилъ, и они должны преклониться передъ твоею *мудростью и твердостью.* Довольно доброты, разъ они недостойны и думали, что могутъ обернуть тебя вокругъ пальца». (9/IX/1915; № 117, I, 213).

«Ты слишкомъ добръ, будь тверже, и когда ты наказываешь, то не прощай тотчасъ и давай хорошихъ назначеній; — тебя не боятся достаточно — покажи свою власть; они пользуются твоей чудесной добротой и мягкостью» (28/I/1916; № 200, II, 2).

«...Уволилъ ли, въ концѣ концовъ, Куропаткинъ Бончъ-Бруевича?, если нѣтъ — заставь его поторопиться. Будь тверже и авторитетнѣе, душа моя, покажи кулакъ, когда это необходимо. Какъ сказалъ старикъ Горемыкинъ въ послѣдній разъ, когда былъ у меня: «Государь долженъ быть тверже, надо чувствовать его силу», и это правда. Твоя ангельская доброта, всепрощеніе и терпѣніе всѣмъ извѣстны и этимъ пользуются». (8/III/1916; № 223, II, 36).

И хочетъ она подлиннаго самодержавія Царя, а не самодержавія министровъ:

«...И всѣ эти министры, которые между собою ссорятся, тогда какъ всѣ должны были бы въ такое время дружно работать и забывать свои личныя обиды, — имѣть цѣлью благо своего Царя и народа; — это приводитъ меня въ бѣшенство. Попросту говоря, это предательство, потому что народъ объ этомъ знаетъ, народъ чувствуетъ, что въ правительствѣ раздоры, и лѣвые этимъ пользуются. Если бы только ты могъ бы быть строгимъ, мой дорогой, это необходимо. Они должны *слышать* твой голосъ и видѣть неудовольствіе въ твоихъ глазахъ. Они слишкомъ привыкли къ твоей мягкой, всепрощающей добротѣ. Иногда даже тихо сказанное слово далеко доходитъ, но въ такое время, какъ мы сейчасъ переживаемъ, необходимо чтобы послушался твой голосъ, громко звучащій протестомъ и упрекомъ, когда они продолжаютъ неповиноваться твоимъ приказаніямъ. когда они медлятъ въ ихъ исполненіи... Ты долженъ просто приказать, чтобы то или другое было выполнено, не спрашивая возможно ли это (ты, вѣдь, никогда не по требуешь ничего нелѣпаго или безумнаго)». (10/VI/1915; № 81, I, 117).

Какіе выводы, однако, вытекаютъ изъ всѣхъ приведенныхъ выписокъ изъ писемъ Императрицы? Была ли она права или нѣтъ во всѣхъ своихъ взглядахъ на людей и обстоятельства? Отвѣтъ, во всякомъ случаѣ, вытекаетъ односторонній, такъ какъ я исключительно приводилъ лишь то, въ чемъ, по моему мнѣнію, она была права, главнымъ образомъ какъ человѣкъ, а не какъ государственный дѣятель. Если въ послѣднемъ опредѣленіи есть нѣкоторое преувеличеніе въ субъективномъ смыслѣ, то его нѣтъ въ объективномъ. На поставленный же вопросъ, была ли она права, какъ человѣкъ, я отвѣчу съ полною опредѣленностью и съ непоколебимымъ убѣжденіемъ — да, была права.

Права она была не только въ томъ, что я выписалъ изъ ея писемъ, но и во многомъ другомъ, что кажется намъ неправильнымъ. Поясню свою мысль. Идеи ея почти всегда были вѣрны, но часто не отвѣчали ни времени, ни обстановкѣ, почему были непримѣнимы на практикѣ. Какая же цѣнность такимъ идеямъ? — спросятъ меня. И я отвѣчу на это: практическая примѣнимость не всегла правильный критерій для оцѣнки справедливости идеи. Когда непримѣнимыя на практикѣ идеи овладѣваютъ правителями, послѣдніе чаще всего сами дѣлаются ихъ жертвами; когда же, правители, ими — идеями, безудержно жертвуютъ, то докатываются до самаго презрѣннаго оппортунизма. Къ числу оппортунистовъ Императрица несомнѣнно не принадлежала. Она имѣла свои идеи или воспринимала ихъ отъ другихъ — правильны они были или нѣтъ, дѣло сужденія каждаго —- и проводила ихъ со страстностью и упорствомъ. При нормальныхъ условіяхъ идеи тянутъ въ одну сторону, а утилитарныя побужденія въ другую, а общественная жизнь проходитъ по равнодѣйствующей. У Императрицы были свои идеи, неприложимыя, быть можетъ въ дѣйствительности, у оппозиціи — другія, какъ оказалось, столь же неприложимыя. Увы жизнь шла не нормальнымъ порядкомъ, а революціоннымъ безпорядкомъ. Равнодѣйствующая не слагалась въ прямую, а напоминала изломанную линію на графикѣ, изображающемъ температуру тифознаго больного. Вечеромъ 41%, утромъ—35%. Больной не выдержалъ такихъ колебаній. Ломанная линія унесла Императрицу за предѣлы графика въ высь, къ престолу Всевышняго, а оппозицію, а за нею и несчастную Россію, тоже за предѣлы графика, въ бездну большевистскаго ада.

Лютеранская принцесса по рожденію, Императрица восприняла православіе съ глубиною совершенно исключительною для нашего

времени. Въ этомъ отношенiи свой долгъ супруги православнаго монарха она исполнила. Монархическую идею, въ самодержавномъ ея пониманiи, она приняла всѣмъ своимъ существомъ; правильна ли эта идея или нѣтъ, дѣло личнаго мнѣнiя каждаго, но эту идею она приняла, какъ веленiе Божiе со дня священнаго коронованiя и пронесла ее черезъ всѣ испытанiя, борясь и страдая до послѣдняго дня своей земной жизни, увѣнчанной мученической кончиною.

Мужа и дѣтей своихъ она любила безумно и отдавала имъ всю себя.

Россiю, простой народъ, солдатъ возлюбила всѣмъ сердцемъ.

Новую свою родину стремилась изучить и принести ей посильную пользу.

Враговъ своего народа ненавидѣла, солдату служила, какъ простая сестра милосердiя.

Друзей своихъ любила настойчиво и неизмѣнно.

Когда девятый валъ накатился на монархiю, она не пряталась, а приняла ударъ полною грудью. Что еще можно требовать отъ человѣка?

Была ли она права, какъ государственный человѣкъ?

Коснусь этого вопроса только условно; для исчерпывающаго его разсмотрѣнiя еще не наступило время. Понимала ли она дѣйствительно нужды Россiи, правильно ли она оцѣнивала людей, влiяя своими взглядами на своего державнаго Супруга?

Уступая вѣянiямъ вермени, — допустимъ даже, что была неправа. Но были ли правы другiе ея современники? Было ли право высшее русское общество, не поддержавшее монархiи въ самый критическiй моментъ ея существованiя и принявшее переворотъ съ хладнокровiемъ, граничащимъ съ предательствомъ, была ли права интеллигенцiя, использовавшая затрудненiя власти, чтобы совершить государственный переворотъ въ перiодъ тягчайшей мiровой войны, было ли право высшее командованiе армiи, пожертвовавшее Государемъ? Если этотъ образъ дѣйствiй названныхъ элементовъ населенiя имѣлъ основанiемъ только непониманiе Россiи и ея народа, то насколько это непониманiе съ ихъ стороны было болѣе удивительномъ, чѣмъ со стороны иностранки по рожденiю, жившей въ обстановкѣ гораздо болѣе неблагопрiятной для познанiя своей новой родины.

Лучше ли понялъ Россiю Колчакъ, опиравшiйся на социалистовъ, Деникинъ — на кадетъ и Юденичъ — на какое то уже совершенно несуразное mixtum compositum?

А люди? — Пусть ея ставленники были плохи, но лучше ли были ставленники ея противниковъ? Раевъ былъ ничтожествомъ — но вѣдь Львовъ сумасшедшій и негодяй; Бѣляевъ, во всякомъ случаѣ, не Поливановъ, подписавшій «права солдата»; чѣмъ Штюрмеръ и князь Голицынъ хуже князя Львова?... Протопоповъ же не принадлежалъ ей, а общественности...

Да, повторю я, во многомъ была права Императрица, и исторія скажетъ это въ свое время, но гораздо раньше сотворится легенда о ней, и я убѣжденъ, что она творится уже въ нѣдрахъ народной души...

Цѣлые вѣка Орлеанская Дѣва была для многихъ колдуньей, а потомъ въ глазахъ образованныхъ людей стала простою истеричкой Теперь свѣтскіе люди ставятъ ей памятники, а религіозные ее канонизируютъ. Памятниковъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ ставить не будутъ — она никого не побѣдила; безпристрастная исторія только отведетъ ей достойное мѣсто, но народная душа забудетъ все дурное, что о ней говорилось и сохранитъ о ней память, какъ объ образѣ величайшей христіанской любви, смиренія и самоотверженія, завершенномъ мученическою кончиною, озаренной необычайнымъ величіемъ смиренія и вѣры и если не мы, то во всякомъ случаѣ наши дѣти и внуки, еще услышатъ канонъ:

«Царица Александра, моли Бога о насъ!»

Меня быть можетъ, упрекнутъ въ предвзятости, такъ какъ мое изображеніе Императрицы слишкомъ расходится съ тѣмъ представленіемъ, которое составилось о ней въ широкихъ слояхъ общества. Повторяю, я здѣсь привелъ лишь то, что могъ сказать въ ея пользу. Я не виноватъ въ томъ, что это заняло столько страницъ. Обвинителей много, защитниковъ мало. Мое дѣло — одна чаша вѣсовъ, и не моя задача отягощать другую.

Однако, въ подтвержденіе того, что я не такъ уже неправъ, приведу свидѣтельство двухъ иностранцевъ, далеко къ Императрицѣ неблаговолившихъ. Вотъ, что пишетъ о ней бывшій Французскій посолъ при Русскомъ Дворѣ Морисъ Палеологъ:

«Ея идея спасенія Россіи путемъ возвращенія къ теократическому абсолютизму — безуміе, но гордое упорство, которое она въ осуществленіи этой идеи проявляетъ, не лишена величія... Когда она предстанетъ въ «грозную долину Іосафата» она въ состояніи

---

*) «La Russie des Tsars pendant la grande guerre», M. Paleologue. Revue des Deux Mondes. 1 Mars 1922. p. 177.

будетъ предъявить не только безукоризненную прямоту своихъ намѣреній, но и полное соотвѣтствіе своихъ поступковъ съ божественнымъ прабомъ, на которомъ основано Русское самодержавіе».

Англійскій посолъ сэръ Бьюкененъ идетъ еще дальше, оцѣнивая ее не только какъ человѣка, но и какъ государственнаго дѣятеля:

«...Образъ дѣйствій Императрицы былъ вдохновленъ самыми благородными побужденіями — любовью къ мужу и къ второй родинѣ, которая ее усыновила...»

«...Она (Императрица) полагала — и развернувшіяся впослѣдствіи событія показали, что она не вполнѣ была неправа — что *самодержавіе принціпіально было единственнымъ образомъ правленія способнымъ охранить существованіе* **) *Россіи*».***)

Для полноты моего изслѣдованія, хочу привести здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ писемъ Императрицы къ А. А. Вырубовой изъ Тобольскаго заключенія. Хотя письма эти и напечатаны цѣликомъ въ книгѣ IV «Русской Лѣтописи», но мнѣ кажется, что нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, приведенныхъ въ систематическій порядокъ, наиболѣе ярко охарактеризуютъ Императрицу.

Какъ относится Александра Ѳеодоровна къ Россіи, предавшей ее?.

До Тобольска дошли слухи о Брестскомъ мирѣ.

«О Боже, спаси Россію! Это крикъ души и днемъ и ночью — все въ этомъ для меня — только не этотъ постыдный, ужасный миръ!» (10/XII/1917, № 8).

«...Бѣдная родина, измучили внутри, а нѣмцы искалѣчили снаружи, отдали громадный кусокъ, какъ во времена Алексѣя Михайловича, и безъ боя во время революціи. Если они будутъ дѣлать порядокъ въ странѣ, что можетъ быть обиднѣе и унизительнѣе, чѣмъ быть обязаннымъ врагу! Боже спаси». (2/15 марта 1918, № 16).

«...Умилосердись надъ родиной многострадальной, Боже, какъ молюсь за ея спасеніе!» (5 февраля 1918, № 15).

«...Такой кошмаръ, что нѣмцы должны спасти всѣхъ и порядокъ наводить. Что можетъ быть хуже и болѣе унизительно, чѣмъ это. Принимаемъ порядокъ изъ одной руки, пока другой они все отнимаютъ. Боже, спаси и помоги Россіи. Одинъ позоръ и ужасъ! Богу угодно эти оскорбленія Россіи перенести; но вотъ это меня убиваетъ,

---

**) «Cohesion» — буквально «сцѣпленіе», «связь».

***) Mon embassade en Russie» Sir George Buchanan. La Revue de Paris 1 Juillet 1923 p. 68.69.

что именно нѣмцы — не въ бояхъ (что понятно), а во время революціи, спокойно подвинулись впередъ и взяли Батумъ и т. д. Совершенно нашу горячо любимую родину общипали... Не могу мириться, т. е. не могу безъ страшной боли въ сердцѣ это вспомнить. Только бы не больше униженія отъ нихъ, только бы они поскорѣе ушли... Но Богъ не оставитъ такъ. Онъ еще умудритъ и спасетъ, помимо людей...» (3 марта № 17).

«...Боже, что нѣмцы дѣлаютъ! Наводятъ порядокъ въ городахъ, но все берутъ; — голодъ будетъ хуже, — весь хлѣбъ въ ихъ рукахъ. Когда говорятъ, что для пользы пришли, то это только лицемѣріе, и бывшихъ солдатъ берутъ. Уголь, сѣмена, все! Теперь они въ Біорки. Турки въ Батумѣ. Нѣмцы въ Полтавской губерніи, близко отъ Курска. Какъ ползущій, все съѣдающій ракъ». (6/19 апрѣля, 1918, № 21).

«...Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, какъ за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на всѣ ужасы теперь и всѣ согрѣшенія. Ты знаещь, что нельзя вырвать любовь изъ моего сердца и Россію тоже, несмотря на черную неблагодарность къ Государю, которая разрываетъ мое сердце, — но вѣдь это не вся страна. Болѣзнь, послѣ которой она окрѣпнетъ. Господь смилуйся и спаси Россію!». (10 Декабря 1917, № 8).

Несмотря на всѣ, претерпѣваемыя въ Тобольскѣ, униженія и оскорбленія, она пишетъ:

«...Благодарю день и ночь за то... а главное (за то), что мы еще въ Россіи (это главное)» (23 Января 1918, № 14).

«...Живемъ хорошо...», сообщаетъ она своему другу въ другомъ письмѣ (9 Декабря 1917, № 6).

И пишетъ это Императрица въ то самое время, когда единственному ея утѣшенію — удовлетворенію религіозныхъ потребностей, не даютъ свободы...

«...Такъ хотѣлось бы пріобщиться Св. Тайнъ, но такъ неудобно все теперь, на все надо просить позволеніе...» (15 Декабря 1917).

И когда это ей, очевидно не безъ долгихъ мытарствъ, удается, она восторженно пишетъ:

«...Господь Богъ далъ намъ неожиданную радость и утѣшеніе, допустивъ насъ пріобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ, для очищенія грѣховъ и жизни вѣчной. Свѣтлое ликованіе и любовь наполняютъ душу». (14/26 Марта 1918, № 19).

Съ каждымъ днемъ религіозное чувство Императрицы все поднимается и достигаетъ необычайной христіанской высоты.

«...Чѣмъ больше здѣсь страданія, тѣмъ ярче будетъ тамъ на

Государыня Императрица Александра Федоровна

(Съ портрета Каульбаха).

томъ свѣтломъ берегу, гдѣ такъ много дорогихъ насъ ждетъ». (21 Октября 1917, № 3).

«...Все мнѣ такъ ясно и легко, и быть безъ воздуха и часто почти не сплю, тѣло мнѣ не мѣшаетъ, сердце лучше, такъ какъ очень спокойно живу и безъ движеній... Духъ у всѣхъ семи бодръ. Господь такъ близокъ, чувствуещь его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которыя раньше убили бы. Мирно на душѣ, хотя страдаешь сильно, сильно за родину и за тебя, но знаешь, что, въ концѣ концовъ, все къ лучшему». (9 Декабря 1917, № 5).

«Теперь я все иначе понимаю и чувствую — душа такъ мирна, все переношу, всѣхъ своихъ дорогихъ Богу отдала и Святой Божіей Матери». (9 Января 1918, № 10).

«...Господь помощникъ мой и защита моя. На Него уповаетъ сердце мое и поможетъ мнѣ». (16 Января 1918, № 11).

«...Вѣра крѣпка, духъ бодръ. Чувствую близость Бога». (5 Февраля 1918, № 16).

«...Жизнь — суета, всѣ готовимся въ царство небесное, тогда ничего страшнаго нѣтъ. Все можно у человѣка отнять, но душу никто не можетъ... Вся жизнь борьба, а то не было бы подвига и награды. Вѣдь всѣ испытанія, Имъ посланныя, попущены все къ лучшему; вездѣ видишь Его руку. Дѣлаютъ люди тебѣ зло, а ты принимай безъ ропота: Онъ и пошлетъ ангела хранителя, утѣшителя своего... Господи, помоги тѣмъ, кто не вмѣщаетъ любви Божіей въ ожесточенныхъ сердцахъ, которые видятъ только все плохое и не стараются понять, что пройдетъ все это; не можетъ быть иначе. Спаситель пришелъ, показалъ намъ примѣръ. Кто по его пути, слѣдомъ любви и страданія идетъ, понимаетъ все величіе царства небеснаго». (2/15 Марта, № 16).

«...Приготовимся къ встрѣчѣ небеснаго жениха. Онъ вѣчно страдаетъ за насъ и съ нами и черезъ насъ; какъ Онъ намъ подаетъ руку помощи, то и мы подѣлимъ съ Нимъ, перенося безъ ропота всѣ страданія, Богомъ намъ ниспосланныя. Зачѣмъ намъ не страдать, разъ Онъ, невинный, безгрѣшный вольно страдалъ!». (13/26 Марта 1918, № 19).

Я кончаю.

«...Промыслъ Божій недостижимъ человѣческому уму. Да осѣнитъ насъ Премудрость, да войдетъ и воцарится въ душахъ нашихъ и да научимся черезъ нее понимать, хотя говоримъ на разныхъ языкахъ, но однимъ Духомъ. Духъ свободенъ. Господь ему хозяинъ; душа такъ полна, такъ живо трепещетъ отъ близости

Бога, который невидимо окружаетъ Своимъ Присутствіемъ. Какъ будто всѣ святые угодники Божіи особенно близки, и незримо готовятъ душу къ встрѣчѣ Спасителя Міра. Женихъ грядетъ, приготовимся его встрѣтить: отбросимъ грязныя одежды и мірскую пыль, очистимъ тѣло и душу. Подальше отъ суеты въ мірѣ. Откроемъ двери души для принятія Жениха. Попросимъ помощи у Святыхъ Угодниковъ, не въ силахъ мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему на встрѣчу. Онъ за насъ грѣшныхъ страдаетъ, принесемъ Ему нашу любовь, вѣру, надежду, души наши. Упадемъ ницъ передъ Его пречистымъ образомъ; поклонимся Ему и попросимъ за насъ и за весь міръ прощенье, за тѣхъ, кто забываетъ молиться, и за всѣхъ. Да услышитъ и помилуетъ. И да согрѣемъ мы Его нашей любовью и довѣріемъ. Облекшись въ бѣлыя ризы, побѣжимъ Ему на встрѣчу, радостно откроемъ наши души. Грядетъ Онъ, Царь Славы, поклонимся Его кресту, и понесемъ съ Нимъ тяжесть креста. Не чувствуешь ли Его помощь поддержки несенія твоего креста. Невидимо Его рука поддерживаетъ твой крестъ, на все у него силы хватаетъ; наши кресты только тѣнь Его креста. Онъ воскреснетъ скоро, скоро и соберетъ своихъ вокругъ себя, и спасетъ родину, яркимъ солнцемъ озаритъ ее. Онъ щедръ и милостивъ. Какъ тебѣ дать почувствовать, чѣмъ озарена душа моя? Непонятной, необъяснимой радостью — объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и духъ Богу принадлежатъ. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала послѣ причастія или у св. иконъ. Какъ Тебя, Боже, благодарить! Я не достойна такой милости. О Боже, помоги мнѣ не потерять, что Ты даешь. Душа ликуетъ, чувствуетъ приближеніе Жениха: грядетъ Онъ, скоро будетъ Его славить и пѣть Христосъ Воскресе!». (20 Марта 1918, № 20).

И дѣйствительно Божественный Женихъ приближался уже къ царственной страдалицѣ, чтобы воспринять ее въ свое лоно.

Такъ страдали, чувствовали и говорили христіанскія мученицы, готовясь выйти на арену Колизея.

Россійскіе тираны уже готовили казнь, но у нихъ не хватило даже мужества Нерона вынести ее на арену, а она совершилась при тускломъ свѣтѣ фонаря въ смрадной обстановкѣ Екатеринбургскаго застѣнка...

«Царица Александра, моли Бога о насъ!»

Петръ Стремоуховъ.

Парижъ
Іюнь-Іюль 1923.

Настоящій мой очеркъ былъ написанъ въ Іюнѣ-Іюлѣ минувшаго года и сданъ въ редакцію «Русской Лѣтописи» въ началѣ Августа. 24 минувшаго Декабря въ издающейся въ Парижѣ «Русской Газетѣ» помѣщена статья А. Куприна подъ заглавіемъ «Дневники и письма», тоже трактующая о письмахъ Императрицы. Ни г. Купринъ, съ которымъ я не имѣю чести быть знакомымъ, очевидно не зналъ ничего о готовящейся къ печати моей статьѣ, ни я о томъ, что онъ затронетъ ту же тему. А между тѣмъ мысли наши во всемъ совпали. Привожу ниже выписки изъ его статьи, нѣкоторыя фразы курсивомъ, такъ какъ онѣ почти тождественны съ моими. Замѣчательно то, что мы оба, не сговорившись, заканчиваемъ наши статьи образомъ Христіанскихъ мучениковъ, образомъ, который талантливый писатель облекаетъ, конечно, въ болѣе красивую форму, нежели я.

Какое заключеніе слѣдуетъ изъ этого сдѣлать? А только то, что *лица, хотя бы въ многомъ различно думающія, добросовѣстно и вдумчиво отнесшіяся къ письмамъ Императрицы Александры Феодоровны, не могутъ не придти къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ я.*

Хотя медленно, но вѣрными шагами, историческая правда дѣлаетъ свое дѣло и отводитъ Царицѣ-Мученицѣ Ея мѣсто.

Если Императрицу оклеветали, то тоже сдѣлали и съ Государемъ. Здѣсь клевета носила менѣе острый характеръ, она была какъ то тягучѣе, безцвѣтнѣе въ своей безпощадности. Въ Нее бросали видимыя, отравленныя стрѣлы, Его окружали невидимымъ ядовитымъ газомъ. Обязанность исторіи ихъ разсѣять..... Былъ бы счастливъ, если бы обстоятельства позволили мнѣ въ это внести и свою лепту.

Вотъ, что пишетъ, между прочимъ, А. И. Купринъ:

«Не знаю, да и не хочу знать, какимъ путемъ были украдены (другого глагола нѣтъ) письма Государыни Александры Федоровны къ Императору Николаю II, гдѣ ихъ переписывали, на какихъ условіяхъ ихъ продали заграницу и кто ихъ печаталъ. *Знаю только, что это было темное и подлое дѣло, но совсѣмъ ему не удивляюсь.*

...«Едва только вышли изъ типографскаго станка письма Государыни, какъ о нихъ шумно загалдѣла толпа. Многіе ждали ужасающихъ, компрометантныхъ разоблаченій. Другіе радостно потирали руки: «понимаете, самыя интимныя семейныя подробности. Говорятъ, весьма пикантная книга.» Третьи лицемѣрно покачивали головами: «вѣдь это же безобразіе такъ вторгаться въ личную семейную жизнь, «хотя бы даже и Царскую, удовлетворяя нездоровому любопытству

толпы». И тутъ же прибавляли: «а кстати, прошу не забыть: когда окончите читать книжку, то моя первая очередь.»

Вотъ почему съ тяжелымъ сердцемъ я раскрылъ эту книгу.

...«Такъ и я не рѣшился бы прочитать письма покойной Государыни, если бы не авторитетное мнѣніе моего стараго друга, профессора М. И. Р., примѣчательнаго русскаго ученаго.

«Тому, *кто* не зараженъ празднымъ любопытствомъ, — сказалъ онъ — а *ищетъ только правды, тому надо прочитать эти письма.* Да, въ нихъ есть много суетнаго, мелочнаго, женскаго и временнаго, но и есть польза. *Сколько комьевъ умышленной и невинной лжи отпадаетъ отъ чистаго имени Императрицы, когда читаешь Ея письма.* Здѣсь — увидите — сказалась старая русская поговорка: «нѣтъ худа безъ добра.»

«Онъ былъ правъ, этотъ мудрый человѣкъ, умѣющій воскресить въ наши дни бытіе отдаленныхъ временъ и народовъ. *Письма Государыни, если вчитаться въ нихъ пристально, обращаются не въ хулу Ея имени, а въ подвигъ.*

...«Какъ бы подъ двумя враждующими созвѣздіями протекаетъ ея жизнь. Съ одной стороны теоретическій умъ, теоретическая душа, теоретическій характеръ. *Съ другой — полное, абсолютное, баснословное одиночество, на которое была осуждена вся Царская семья.*

«Вышла замужъ Государыня по нѣжной и до гроба вѣрной любви. Это большое счастье, которое равняетъ вѣнценосцевъ съ обычными смертными. Дай Богъ, намъ и нашимъ сыновьямъ быть любимыми хоть въ сотую долю того, какъ любила Императрица своего мужа. Напрасно искать въ Ея письмахъ утѣшительныхъ, интимныхъ подробностей. Нѣтъ ихъ..... Но не даромъ Государыня была докторомъ философіи Геттингенскаго (кажется) университета и недаромъ выросла въ узкомъ ярмѣ послушности долгу. Теоретически ей нуженъ былъ наслѣдникъ престола. *Теоретически она стала крайней абсолютистской. Теоретически она — принцесса маленькаго нѣмецкаго княжества — стала православной болѣе, чѣмъ всѣ архиправославные.* Теоретически она ревновала за супруга ко всякой власти и къ каждому вліянію.... Но неосмотрительно было бы осуждать людей теоріи. Такіе теоретики шли нѣкогда безбоязненно на костры и съ пѣніемъ псалмовъ принимали радостно мучительную смерть отъ звѣриныхъ когтей и зубовъ. *И послѣдніе земные дни Государыни свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ величіемъ духа было озарено Ея уже немощное тѣло.............*

... «*Какимъ глубокимъ, тихимъ, христіанскимъ свѣтомъ свѣтитъ изъ ея послѣднихъ писемъ къ Вырубовой.*

«Съ волненіемъ читаемъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ тому времени, когда большевики намѣревались соблазномъ свободы понудить Государя подписать Брестъ-Литовскій договоръ. Очевидно, почва для этого гадкаго дѣла подготовлялась давно. Государыню задолго томитъ ожиданіе часа, когда придутъ уговаривать и обѣщать. *И безъ слезъ нельзя читать ея страстной мольбы: только бы устоять передъ соблазномъ, только бы не дрогнуть духомъ, только бы сохранить сердце чистое и крѣпкое. И тутъ уже Она не бывшая нѣмецкая принцесса*, не докторъ философіи, не воинственная и деспотическая политикантка, *а русская женщина и русская Царица въ трагическомъ и героическомъ простомъ освѣщеніи........*»

П. С.

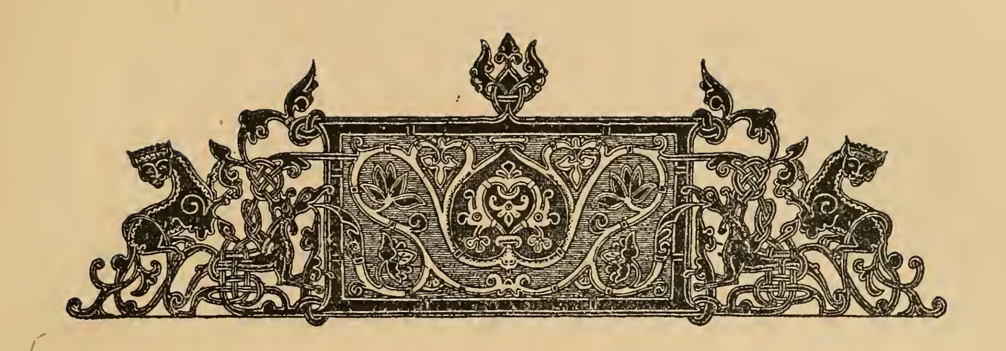
Отрывки

из

Воспоминаній

А. А. МОРДВИНОВА.

См. «Русская Лѣтопись» кн. V.

Осень 1917 года застала меня въ Ставкѣ, въ Могилевѣ, гдѣ я состоялъ при союзныхъ иностранныхъ представителяхъ.

Жизнь не останавливалась. Она шла своимъ, ей одной извѣстнымъ ходомъ, но для меня, какъ и для многихъ, съ Государемъ ушла и Россія и могла вернуться только съ нимъ.

Начальникомъ Штаба въ осенніе мѣсяцы былъ генералъ Духонинъ,вскорѣ звѣрски убитый большевиками. До него, послѣ Корнилова — главнымъ лицомъ въ Ставкѣ былъ генералъ Алексѣевъ, исполнявшій должность начальника штаба при Керенскомъ. Онъ прибылъ въ Могилевъ 1-го сентября, тамъ оставался недолго и вскорѣ ушелъ. Къ чести Алексѣева надо отнести то, что онъ былъ единственный изъ смѣнявшихся въ то время руководителей Ставки, который рѣшительно отказался жить въ комнатахъ, которыя ранѣе занималъ Государь и выбралъ себѣ внизу губернаторскаго дома скромное помѣщеніе прежней военно- походной канцеляріи.

По его словамъ, переданнымъ мнѣ другими, онъ считалъ для себя «святотатствомъ» пользоваться обстановкой, которая живо напоминала ему «ушедшаго» Императора. Какъ бы иронически ни воспринимались многими эти слова, сказанныя человѣкомъ, столь способствовавшимъ этому уходу, въ искренности ихъ я не сомнѣваюсь. При многихъ недостаткахъ характера, Алексѣевъ все же обладалъ русской душой и былъ далекъ отъ всего показного и не любилъ громкихъ фразъ. Я убѣжденъ, чть онъ не переставалъ мучиться своей, ясно имъ сознаваемой, виной. Но продолжалъ ли бы онъ мучиться ею, если бы переворотъ оказался «удачнымъ» — я

не знаю. Хочется думать, что его простая, чисто народная религіозность дѣлаетъ и такое предположеніе весьма вѣроятнымъ.

Послѣ отреченія, я съ Алексѣевымъ говорилъ мало. Въ самый послѣдній день передъ его отъѣздомъ, желая получить на всякій случай отпускной билетъ, спросилъ его: «Кто же теперь будетъ начальникомъ штаба вмѣсто Васъ и что будетъ дальше?» — «Что будетъ? Будетъ конецъ.... отвѣтилъ мнѣ безнадежно Алексѣевъ. — Называютъ Духонина, но идетъ вопросъ и о назначеніи Черемисова.. ну, если этотъ, почти явный большевикъ, будетъ назначенъ, то никому нельзя оставаться въ Ставкѣ и надо придумывать что либо другое — ».......

Но назначенъ былъ Духонинъ. Я видѣлъ его одинъ лишь разъ. На меня онъ произвелъ своимъ внѣшнимъ видомъ и чувствуемой внутренней порядочностью, очень хорошее впечатлѣніе.

Я продолжалъ жить въ гостинницѣ «Франція», отводимой ранѣе для, смѣнявшихся по очереди дежурныхъ флигель-адъютантовъ. Служилъ мнѣ бывшій корридорный нестроевой солдатъ, Артемъ, до болѣзненности преданный Государю. Онъ и его жена, Анна Ивановна, не могли безъ слезъ вспоминать о всемъ происшедшемъ и проклинали измѣнниковъ. Первое время гостинница была почти пуста, въ ней жили только генералъ-адъютантъ Ивановъ и генералъ Борисовъ, другъ генерала Алексѣева. Въ Ноябрьскіе дни моимъ сосѣдомъ по комнатѣ оказался генералъ Бончъ-Бруевичъ, бывшій начальникъ штаба генерала Рузскаго. Бончъ-Бруевичъ, кажется, исполнялъ въ тѣ дни должность коменданта Ставки, завелъ у себя телефонъ и не давалъ мнѣ спать своими постоянными ночными переговорами. Вспоминаю одинъ характерный его разговоръ по телефону, который мнѣ однажды ночью невольно пришлось услышать сквозь тонкую перегородку, отдѣлявшую наши комнаты. «Вы знаете», — говорилъ кому то Бончъ Бруевичъ, — «мнѣ сейчасъ передали по телефону, — къ Могилеву подходитъ поѣздъ, въ которомъ ѣдетъ большая команда большевиковъ. Большевики эти, надо предполагать, намъ враждебны и ѣдутъ врядъ ли съ хорошими намѣреніями. Не правда ли?» (странный вопросъ послѣ большевистскаго возстанія, подумалъ я) «Ну, такъ вотъ. Постарайтесь осторожно принять мѣры, чтобы ихъ какимъ либо способомъ обезвредить, а насъ обезопасить.... но дѣйствуйте обдуманно... чтобы не вызвать излишняго возбужденія и у здѣшнихъ»

Большевистскій переворотъ не прозвелъ на меня рѣшительно никакого впечатлѣнія. Лишь одинъ случай вывелъ меня, и то не на долго, изъ безразличнаго состоянія. Это было во время моего

ночного дежурства по генералъ квартирмейстерской части. Я пришелъ поздно ночью въ дежурную комнату штаба ,гдѣ на столѣ уже находились обычныя вечернія сводки.... Довольно длинная скомканная въ путанный клубокъ и брошенная кѣмъ то подъ однимъ изъ столовъ, телеграфная лента привлекла мое вниманіе. Я поднялъ ее, расправилъ и началъ читать. Первыя же слова меня поразили на столько, что я всѣ ихъ почти точно запомнилъ: — «Спасите насъ скорѣе...» — стояло тамъ — «я, телеграфистъ, и двое юнкеровъ заперлись въ помѣщеніи телеграфа въ Кремлѣ... всѣ остальные перебиты... мы окружены большевиками... одинъ снарядъ уже разорвался въ нашей комнатѣ...патроновъ у юнкеровъ нѣтъ... къ намъ сейчасъ ворвутся... спасите.... спасите...» Потомъ шло длинное пустое мѣсто... «Сейчасъ одинъ юнкеръ убитъ, насъ только двое...» — еще длинный пробѣлъ, и изрѣдка прерываемый повтореніемъ все одной какой то буквы и въ концѣ ленты лишь слова «и этотъ юнкеръ.... помогите...»

Телеграмма была видимо изъ Москвы, изъ Кремля, числа и подписи не было.

Таково было первое донесеніе съ вновь образовавшагося «внутренняго» фронта, такъ случайно дошедшее до меня въ Ставкѣ. Послѣдующія извѣстія вплоть до сегодняшняго дня повторяли разными словами то же самое, что и эта памятная телеграмма.

Однажды вечеромъ, во второй половинѣ Ноября (кажется это было 17-го ст. стиля) одинъ изъ штабныхъ офицеровъ таинственно предупредилъ меня: «Завтра рано утромъ будетъ поданъ поѣздъ... Духонинъ, часть штаба и всѣ иностранцы рѣшили покинуть потихоньку Ставку. Вы ѣдете также съ нами... никому пока не говорите объ этомъ и завтра же, около 8 часовъ утра, отправляйтесь на вокзалъ и, пожалуйста, распредѣлите по вагонамъ весь составъ миссій...» Дѣйствительно, давно была пора, или что нибудь предпринять, или уѣзжать, а не сидѣть въ Могилевѣ и спокойно ждать неудержимо развивавшихся событій. Большевики уже давно господствовали въ Петроградѣ, и давно грозились стереть съ лица земли контръреволюціонную Ставку, не желавшую заключать сепаратнаго мира. Все чаще и настойчивѣе приходили свѣдѣнія, объ организуемомъ большевиками походѣ на Могилевъ, защищаемый лишь небольшимъ ударнымъ отрядомъ, да ненадежными «Георгіевцами». Самъ городъ также давно находился почти весь въ рукахъ Могилевскаго совѣта

рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, гдѣ нѣкій Гольдманъ игралъ выдаюшуюся роль. Помѣщеніе этого совдепа было недалеко отъ штаба и съ его балкона, уже съ начала лѣта, свѣшивался на главную улицу громадный плакатъ: «Вся власть совѣтамъ.» Значеніе начальника штаба, Духонина, замѣнявшаго исчезнувшаго Главнокомандующаго Керенскаго, давно сводилось къ нулю и онъ самъ зависѣлъ отъ собранія писарей и разныхъ командъ штаба. Существованіе безполезной Ставки явно близилось къ концу, всѣ мы были подъ подозрѣніемъ, вѣроятно, въ особенности я; нашъ бывшій военный агентъ въ Берлинѣ, полковникъ Базаровъ, близко соприкасавшійся съ командами штаба, неоднократно доброжелательно предупреждалъ, что на меня,какъ на приверженца «стараго режима», особенно точатъ зубы. Я это чувствовалъ и самъ по тѣмъ краснорѣчивымъ взглядамъ, которые изъ подлобія бросало большинство писарей штаба и въ особенности по злобному, весьма недвусмысленному поведенію матроса вѣстового какого то адмирала,прибывшаго еще лѣтомъ въ Ставку и поселившагося въ гостинницѣ, въ которой я жилъ. Это былъ тотъ адмиралъ — фамилію не припомню—коего Кронштадтскія флотскія команды, звѣрски перебившія своихъ офицеровъ, — выбрали единогласно своимъ главнымъ начальникомъ.

«Уѣзжайте Вы поскорѣе изъ Ставки куда угодно, лучше всего заграницу». — продолжалъ настойчиво совѣтовать Базаровъ, — а то будетъ поздно. «Но какъ уѣзжать заграницу, когда Государь съ Семьей оставались еще въ Россіи,шла война, и Онъ самъ призывалъ, на время ея, повиноваться Временному правительству»....?

Рано утромъ, 18 ноября, я поѣхалъ на вокзалъ. Поѣздъ, предназначенный для иностранцевъ и части штаба, былъ уже поданъ. На вокзалѣ толпилось много народа. Тамъ же около вагоновъ была собрана небольшая команда ударнаго батальона, которая должна была сопровождать поѣздъ. Ея начальникъ торопливо отдавалъ какія то приказанія и видимо былъ очень озабоченъ, что никто изъ уѣзжающихъ штабныхъ еще не появлялся на вокзалѣ, такъ какъ стало извѣстно, что большевистскіе отряды уже выступили изъ Петрограда и изъ другихъ мѣстъ и двигаются по желѣзнодорожнымъ путямъ на Ставку.

На вокзалѣ находилось много военныхъ, удивившихъ меня страннымъ видомъ своего обмундированія: у всѣхъ были въ петли-

цахъ разноцвѣтныя ленты, особыя повязки на рукавахъ, какіе то значки на фуражкахъ... иногда цѣлый пукъ развѣвающихся пестрыхъ лентъ свѣшивался у нѣкоторыхъ съ плеча...

Я догадался, что это были представители тѣхъ «національныхъ» войскъ, которыя образовались почти сейчасъ же послѣ отреченія Государя изъ частей русской арміи, не желая себя смѣшивать съ нею. Больше всего было малиновыхъ съ бѣлымъ — польскихъ цвѣтовъ и сине-желтыхъ — украинскихъ лентъ.

Они всѣ принадлежали къ единой великой славянской націи, но они уже не считали ее своей. Исчезло священное, соединяющее Россію начало и ничто уже не могло ихъ удержать.

Я вошелъ въ поѣздъ и убѣдился, что подробное распредѣленіе мѣстъ было уже кѣмъ то сдѣлано до меня. На всѣхъ отдѣленіяхъ были прикрѣплены соотвѣтствующіе билетики. Дѣлать было нечего, было уже около десяти часовъ утра, и я снова вышелъ на платформу, посмотрѣть, не подъѣхалъ ли кто нибудь изъ моихъ иностранцевъ, но никого изъ нихъ еще не было. Я увидѣлъ лишь двухъ молодыхъ, энергичныхъ, знакомыхъ мнѣ, офицеровъ изъ штаба, суетливо осматривавшихся и озабоченно совѣщавшихся между собою. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ: «Вы навѣрно съ нами? Что же другіе такъ запаздываютъ». — «Нѣтъ, мы потомъ къ Вамъ присоединимся» — отвѣтили они — «а сейчасъ ѣдемъ въ Быховъ, освобождать изъ тюрьмы Корнилова, Деникина и другихъ»... «Какъ только вдвоемъ?» изумленно спросилъ я. Они разсмѣялись и показали мнѣ многозначительно какую-то бумагу. «Нѣтъ, мы веземъ приказъ начальника штаба объ ихъ немедленномъ освобожденіи». — «А Васъ послушаютъ?» — Все равно... терять времени нечего... имъ необходимо такъ или иначе бѣжать, самое позднее, завтра, Ставка будетъ уже занята большевиками. — «Какъ? Безъ сопротивленія?» — спросилъ я. «Какое тутъ сопротивленіе» — ...и они безнадежно махнули рукою. «Что же въ штабѣ такъ копаются? Не вышло ли отмѣны?» — «Нѣтъ, — отвѣтили мнѣ, «уже укладываютъ вещи и бумаги на автомобили... вѣрно скоро пріѣдутъ» — и затѣмъ торопливо отошли, увидя какой то подходившій поѣздъ.

Я снова вошелъ въ свой поѣздъ, къ которому былъ уже поданъ локомотивъ, отыскалъ свое купэ, распредѣлилъ вещи и сталъ ожидать. Вскорѣ пріѣхала румынская миссія, затѣмъ сербы, итальянцы, японецъ и часть французовъ и англичанъ. Привезли и тяжелый багажъ. Было около двѣнадцати часовъ дня; а остальные все не появлялись. Такое опозданіе уже начинало меня и начальника

ударнаго отряда заботить, а находившіеся въ поѣздѣ иностранцы не могли объяснить причины задержки, увѣряя только, что перѣмѣны нѣтъ и что рѣшено непремѣнно сегодня же уѣхать изъ Могилева. Былъ часъ дня. Крыленко, по слухамъ, подъѣзжалъ уже къ Витебску и, чтобы узнать на мѣстѣ причину замедленія, я поѣхалъ на автомобилѣ въ гостинницу, гдѣ жили наши союзные представители. Внизу были нагромождены ручные чемоданы; все было, видимо, готово къ отъѣзду; но, войдя на верхъ въ столовую, я, къ моему изумленію, засталъ всѣхъ спокойно сидящими за завтракомъ. «Что такое?» упрекнулъ я полусерьезно, полушутливо барона Риккеля. «Я съ семи часовъ утра жду Васъ на вокзалѣ, локомотивъ давно подъ парами, а Вы спокойно завтракаете и не думаете уѣзжать, даже не предупредили меня, что вышла перемѣна...». — «Успокойтесь, — сказалъ мнѣ, по обыкновенію весело, Риккель — перемѣны никакой нѣтъ, мы все таки уѣзжаемъ... но объ отъѣздѣ Духонина узнали писаря и разныя команды и не отпускаютъ его изъ штаба... говорятъ, даже выбросили всѣ уложенныя уже дѣла изъ автомобиля и заперли ворота... а безъ Духонина мы рѣшили не уѣзжать... теперь идутъ тамъ какіе то переговоры, а пока садитесь и завтракайте... быть можетъ, долго не придется завтракать въ такихъ приличныхъ условіяхъ...» — «Хороши приличныя условія» — невольно подумалъ я, но сѣлъ за столъ, такъ какъ былъ очень голоденъ.

Завтракъ кончился. Прошло еще часа два-три. «Переговоры», видимо, все продолжались. О нихъ неоднократно справлялись по телефону, посылались офицеры разузнавать, но результатъ все былъ неопредѣленный. То Духонинъ рѣшалъ оставаться, то рѣшалъ уѣзжать и только ждалъ для этого удобнаго момента. Наступило время обѣда, который былъ поданъ въ положенное время и за которымъ опредѣлилось, что врядъ ли что либо можетъ выясниться въ этотъ день, и большинство изъ союзныхъ миссій рѣшило переночевать у себя въ городѣ и отдали распоряженіе, чтобы ихъ вещи, необходимыя для ночлега, были привезены обратно изъ поѣзда.

Меня уже ничего не связывало съ гостинницей и я, чтобы опять не вставать рано и искать извощика, рѣшилъ ночевать въ вагонѣ. Проснулся я утромъ, 19 ноября, довольно поздно. Никакихъ распоряженій къ отправленію поѣзда сдѣлано не было; ничего не передавали и объ отмѣнѣ. Я попросилъ кого то изъ ночевавшихъ въ поѣздѣ иностранныхъ офицеровъ, ѣхавшихъ за новостями въ городъ, сказать мнѣ по телефону, что, наконецъ, рѣшено и предупредить, что каждый часъ дорогъ. Прошелъ часъ, другой, — распоря-

женій объ отъѣздѣ все нѣтъ. Пріѣхалъ изъ штаба какой то иностранный офицеръ, но и онъ не зналъ, на чемъ порѣшили. Слухи о скоромъ прибытіи Крыленко становились все настойчивѣе и настойчивѣе, называли уже разныя станціи, мимо которыхъ онъ прошелъ. Упоминали и о какомъ то генералѣ Одинцовѣ, перешедшемъ на службу къ большевикамъ, и также двигавшемся откуда то на Ставку. Возможности выбраться изъ осаждаемаго и на три четверти враждебнаго Могилева становилось все меньше и меньше.

Было уже 11 часовъ, когда съ Юга, со стороны Кіева, подошелъ какой то длинный пассажирскій поѣздъ. Я подошелъ, чтобы узнать, кто ѣдетъ и столкнулся со знакомымъ кавалергардскимъ офицеромъ, графомъ Медемомъ, сыномъ б. Новгородскаго губернатора. Онъ сказалъ, что ѣдетъ къ отцу въ Петроградъ и что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, это послѣдній поѣздъ, который будетъ туда пропущенъ. «А Вы что тутъ дѣлаете?» — спросилъ онъ меня. Въ краткихъ словахъ я разсказалъ ему въ чемъ дѣло. «Да чего же ждать? пользуйтесь этимъ случаемъ, поѣдемъ вмѣстѣ, нашъ поѣздъ совсѣмъ не переполненъ и я сижу въ пустомъ купэ».

Я спросилъ у начальника станціи. Онъ отвѣтилъ второпяхъ, что поѣздъ скоро отправится, такъ какъ путь до Орши еще свободенъ, но что онъ не ручается, удастся ли проскочить черезъ эту станцію, гдѣ вскорѣ ожидаются большевики. Я рѣшилъ, что надо ѣхать.

До Орши мы доѣхали безпрепятственно. Станція тамъ была пустынна. На слѣдующихъ станціяхъ также ничего особеннаго не было замѣтно. Уже темнѣло, когда мы подошли къ Витебску. Я съ утра ничего не ѣлъ и направился на вокзалъ, чтобы купить провизіи. Второпяхъ я не обратилъ вниманія на то, что вся платформа была наполнена густой толпой какихъ то вооруженныхъ людей. Мнѣ удалось купить пирожковъ, и я направился уже къ выходу, когда какой то пьяный, въ громадной сѣрой папахѣ, заступилъ мнѣ дорогу и закричалъ: «Ты какъ сюда затесался?... ишь какой гусь... въ погонахъ... Навѣрно изъ Ставки... Не выпускай его, давай сюда... мы ему покажемъ».

Толпа — большинство были матросы и какіе то вооруженные рабочіе — загалдѣла и обернулась въ мою сторону. Я былъ безоруженъ. Но я находился уже около выходной двери и мнѣ удалось протолкаться черезъ обступившихъ людей и добраться по дальней платформѣ до моего вагона. Я разсказалъ Медему объ этомъ случаѣ. Намъ было ясно, что мы попали на одинъ изъ эшелоновъ Крыленко, направленныхъ на Ставку.

Былъ уже третій звонокъ, а нашъ поѣздъ все еще не отправлялся. «Отчего мы не ѣдемъ?» — спросилъ я, проходившаго мимо, озабо ченнаго кондуктора. — «Идетъ какой то обыскъ по всему поѣзду и провѣрка документовъ», раздраженно крикнулъ онъ и прошелъ дальше. Меня это взволновало. Я вынулъ изъ кармана листки моего дневника за послѣдніе дни и на всякій случай, на глазахъ Медема, засунулъ ихъ въ щель подъ спинку дивана. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ... Послышались по сосѣдству шаги многихъ людей, дверь нашего купэ рѣзко распахнулась, какой то фантастически вооруженный матросъ остался стоять въ корридорѣ; за нимъ виднѣлись штыки нѣсколькихъ рабочихъ въ черныхъ пальто и сѣрыхъ папахахъ. Къ намъ въ купэ вошелъ щеголевато одѣтый въ офицерскую форму, но безъ погонъ, молодой человѣкъ и вѣжливо. даже съ вычурнымъ изяществомъ, поклонился намъ, какъ кланяются обыкновенно батальонные адъютанты армейскихъ полковъ, и спросилъ: «Г. г., извиняюсь за безпокойство, позвольте мнѣ просмотрѣть Ваши документы». Медемъ далъ свой. Молодой человѣкъ его прочиталъ и, вѣжливо приложивъ руку къ козырку, отдалъ обратно. Въ свою очередь я также молча протянулъ ему свой отпускной билетъ. Чтеніе его продлжалось дольше, чѣмъ бумажки Медема; что то, похожее на нерѣшительность промелькнуло на лицѣ молодого человѣка... Онъ довольно пытливо посмотрѣлъ на меня, снова перечиталъ документъ,и затѣмъ такъ же вѣжливо склонившись, возвратилъ его мнѣ. «Благодарю Васъ, г. г. Еще разъ прошу извиненія за безпокойство», сказалъ онъ и вышелъ. Матросъ, закрывавшій дверь за нимъ, все же бросилъ, какъ мнѣ показалось, въ мою сторону очень злобный взглядъ. Провѣрка въ сосѣднемъ, послѣднемъ купэ, гдѣ были дамы, была недолгой, и вскорѣ вся вооруженная компанія покинула нашъ вагонъ, но мнѣ послышалось, какъ кто то изъ уходившихъ говорилъ: «здѣсь былъ одинъ изъ Ставки...».

Успокоившись, что все сошло благополучно, мы довольно оживленно разговаривали, какъ, не помню черезъ сколько времени, двери нашего купэ неожиданно распахнулись и вошедшій, прежній молодой человѣкъ, пристально вглядываясь въ меня, сказалъ: «Простите, пожалуйста, но позвольте мнѣ еще разъ просмотрѣть Ваши документы». Я подалъ ему со словами: «Да вѣдь Вы его только что видѣли». Онъ бѣгло лишь взглянулъ на документъ и удержалъ у себя. «Вы, значитъ, изъ Ставки?» — «Да». — «Когда оттуда выѣхали?». — «Сегодня утромъ». — «Вы ѣдете въ отпускъ?». — «Да». —

«Позвольте спросить зачѣмъ?». — «Навѣстить свою семью, которую я давно не видалъ». Небольшая пауза... Изъ за спины молодого человѣка, напирая на него, заглядывали наглыя лица матроса и мастеровыхъ. «Я вынужденъ Васъ арестовать», сказалъ, наконецъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній, молодой человѣкъ. — «И попрошу Васъ слѣдовать за мною». «Арестовать? За что?», спросилъ я, возможно спокойнѣе и удивленнѣе, — «вѣдь мой документъ въ порядкѣ, прошу Васъ меня не задерживать, у меня недавно сгорѣлъ домъ въ деревнѣ и мое присутствіе тамъ необходимо». — «Мнѣ это очень непріятно самому», сказалъ любезный молодой человѣкъ, — «но Вы изъ Ставки, которая не хочетъ намъ подчиняться и мы не должны никого оттуда выпускать. Попрошу Васъ со мною».

«Вы скоро меня отпустите, надѣюсь?», спросилъ я, внутренно волнуясь. «Не знаю», — послѣдовалъ отвѣтъ, — «это зависитъ не отъ меня, а отъ Главковерха». — «Отъ кого?» — переспросилъ я. «Отъ Главковерха, Крыленко, который находится здѣсь на станціи въ своемъ поѣздѣ... Попрошу Васъ»... и онъ вѣжливо посторонился, давая мнѣ дорогу. Дальнѣйшія препирательства были явно излишни... Меня повели по платформѣ, наполненной той же отталкивающей вооруженной толпой. Злобные возгласы сопровождали мое «шествіе»: «Ага, попался таки голубчикъ полковникъ... ишь ты какой важный... въ погонахъ... давай намъ сюда Его Высокоблагородіе, чего съ нимъ валандаться». — «Подождите, чего Вы?», отмахивалась отъ нихъ моя стража, «теперь не уйдетъ».

Поѣздъ Крыленко стоялъ недалеко и очень скоро, черезъ нѣсколько вагоновъ, плотно набитыхъ тѣмъ же вооруженнымъ, возбужденнымъ и шумящимъ людомъ, меня провели въ обширное отдѣленіе большого, почти роскошнаго вагона, гдѣ меня встрѣтилъ другой, тоже въ полувоенной формѣ, франтовато одѣтый, молодой человѣкъ, и, указывая на кресло въ углу, любезно сказалъ: «Пожалуйста, пока присядьте... Главнокомандующій уѣхалъ сейчасъ въ городъ... но, вѣроятно, скоро вернется и тогда выяснится, что съ Вами дѣлать». «Но почему меня арестовали?», спросилъ я его. Онъ пріятно улыбнулся и развелъ руками: «Видите ли, мы находимся въ состояніи войны съ Вами... и это такъ понятно... но надо думать, Васъ здѣсь долго не задержатъ».

«Какой прекрасный вагонъ!» — сказалъ я, чтобы что нибудь сказать. «Да, самодовольно отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — «очень удобный... онъ принадлежалъ раньше генералъ-инспектору артиллеріи, построенъ по его указаніямъ и Великій Князь всегда въ немъ

разъѣзжалъ. Тутъ есть и кухня, а здѣсь рядомъ, столовая. Не угодно ли стаканъ чаю?», любезно предложилъ онъ. «Нѣтъ, благодарю Васъ» — поспѣшно отказался я. «Ну, какъ хотите», и онъ недовольно отошелъ и сталъ говорить съ другимъ молодымъ человѣкомъ, но уже болѣе неряшливаго вида. Затѣмъ они оба направились въ столовую, а я усѣлся въ свой уголъ и сталъ осматриваться.

Я находился въ обширномъ салонѣ вагона, видимо превращеннаго теперь въ канцелярію. Кромѣ мягкой мебели, у стѣнъ стояло нѣсколько простыхъ столовъ съ табуретками и такихъ же два маленькихъ столика по срединѣ съ пишущими машинками. Было уже темно и горѣло электричество. Кромѣ меня, въ отдѣленіи находились еще два три писаря, вѣроятно изъ какого нибудь штаба. Кажется, они были даже съ погонами... На меня писаря не обращали никакого вниманія и стучали на своихъ машинкахъ. Изъ сосѣдняго отдѣленія, гдѣ вѣроятно находилась какая то команда, слышались рѣзкіе выклики, возня, грубый смѣхъ, ругательства. Оттуда въ мое отдѣленіе часто заглядывали какіе то люди съ ружьями, громко ругались и съ отвратительнымъ хохотомъ опять исчезали. Вскорѣ оттуда же появился громаднаго роста матросъ своеобразно одѣтый и еще болѣе своеобразно вооруженный. На фуражкѣ его я прочиталъ имя крейсера «Аврора», бомбардировавшаго въ октябрьскіе дни Зимній Дворецъ, гдѣ заперлись, подъ защитой юношей юнкеровъ и женщинъ батальона смерти, остатки тогдашняго Временнаго правительства. О неистовствахъ матросовъ этого крейсера ходили самые легендарные разсказы. Матросъ приставилъ свою винтовку къ стѣнѣ, а самъ усѣлся полулежа въ мягкое кресло, находившееся напротивъ меня на другомъ концѣ вагона, вытянулъ далеко ноги и сталъ пристально и молчаливо смотрѣть на меня. Я понялъ, что это былъ мой часовой, приставленный, вѣроятно, лишь «для порядка» смотрѣть за арестованнымъ. Я печально улыбнулся этой излишней предосторожности. Уйти изъ отдѣленія, гдѣ и безъ того были люди, можно было только черезъ сосѣднее, переполненное вооруженной командой; а весь поѣздъ былъ окруженъ разнузданной и пьяной толпой. Я тоже сталъ всматриваться въ своего караульнаго, но вскорѣ и мнѣ, и ему это занятіе надоѣло. Онъ отвернулся въ другую сторону, принялъ еще болѣе непринужденную позу и, кажется, сталъ дремать, а я ушелъ въ свои безотрадныя мысли. «Удастся ли выбраться изъ этой западни?». Обстановка, не смотря на любезность молодыхъ людей, видимо, не предвѣщала ничего хорошаго. Меня караулили, какъ важнаго преступника.При всемъ ихъ добромъ

желанiи, эти, вѣроятно, бывшiе прапорщики, были только ничтожествами, съ которыми и не подумаетъ считаться эта, полная злобы и жажды кровавыхъ развлеченiй, невмѣняемая толпа. Ея намѣренiя относительно меня не вызывали никакихъ сомнѣнiй и лишь Богомъ посланный счастливый случай могъ спасти меня отъ надвигавшейся расправы.

Вотъ и сейчасъ послышался взрывъ громкаго смѣха, смѣшанный съ выкриками и какимъ то хвастовствомъ, и въ моемъ отдѣленiи появились пятеро большевиковъ съ отталкивающими лицами. Они столпились около меня и, пошатываясь, молчаливо и долго уставились на меня своими злыми наглыми глазами. «Чего они хотятъ отъ меня?». Я тоже молча, и насколько могъ, спокойно смотрѣлъ на нихъ. Имъ наконецъ надоѣло. «Погоди», съ угрозой сказалъ одинъ изъ нихъ, и по одиночкѣ стали они выходить изъ отдѣленiя, все время злобно оборачиваясь въ мою сторону. Ни мой караульный, ни писаря, ни любезные молодые люди, сидѣвшiе рядомъ въ столовой, не обратили на ихъ появленiе никакого вниманiя... Время томительно шло... Было около десяти часовъ вечера, когда въ моемъ отдѣленiи появились съ большими мѣшками какiе то люди. Къ нимъ сейчасъ вышелъ изъ столовой одинъ изъ молодыхъ людей. «Вотъ привезли забранный сахаръ, муку, мясо и свѣчи», сказалъ одинъ изъ новоприбывшихъ. «Моторъ еще ожидаетъ... тамъ ругаются, требуютъ росписки, говорятъ, что неправильно у нихъ забрали. Я сказалъ, что сейчасъ пришлю». — «Напишите», небрежно обратился, черезъ плечо, молодой человѣкъ, вѣроятно адъютантъ Главковерха къ одному изъ писарей. Тотъ присѣлъ къ столу и, быстро написавъ перомъ что то на клочкѣ бумаги, подалъ его адъютанту. «Что Вы, что Вы?», ужаснулся тотъ, «развѣ можно такъ писать? Просто перомъ... какой это порядокъ? Напишите, какъ слѣдуетъ, оффицiально, на машинкѣ и на нашемъ бланкѣ, за номеромъ. Надо добавить еще, что все реквизировано для поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго... да напишите въ двухъ экземплярахъ, чтобы у насъ осталась копiя». Я невольно улыбнулся этой сценѣ, такъ она была характерна.

Писарь застучалъ на машинкѣ, написалъ росписку, адъютантъ ее взялъ и понесъ куда то, вѣроятно, къ подписи. Зе нимъ ушли и писаря, и люди, принесшiе забранную провизiю. Мы снова остались вдвоемъ съ караульнымъ. Онъ безучастно продолжалъ полулежать въ своемъ креслѣ, поглядывая изрѣдка на меня и постукивая небрежно рукою по кобурѣ револьвера. Наконецъ, видимо, ему и это

надоѣло. Онъ всталъ во весь свой громадный ростъ, потянулся, зѣвнулъ и направился ко мнѣ. Насъ отдѣляли два стола, стоявшіе близко другъ отъ друга. Матросъ остановился между ними, оперся руками и сталъ дѣлать гимнастику, раскачиваясь передъ моимъ носомъ все выше и выше. Стоявшая на одномъ изъ столовъ электрическая лампа зашаталась и стала мигать. «Осторожнѣе», сказалъ я, «Вы порвете проводъ и мы очутимся въ темнотѣ...». — «Ничего», — сказалъ онъ, — «поправимъ, не велика штука...». «Ну, если Вы можете», возразилъ я, тогда хорошо, а я такъ не умѣю». — «Чего тутъ умѣть?» — усмѣхнулся матросъ, — «вотъ динамо-машину направить — другое дѣло, я и то могу... я у насъ на кораблѣ спеціалистъ-электротехникъ». — «Завидую Вамъ», сказалъ я, «электричество теперь важная вещь и Ваши знанія могутъ принести въ деревнѣ большую пользу... вотъ я бывалъ въ Швейцаріи и въ Норвегіи, тамъ въ каждой почти деревушкѣ, даже въ хлѣву, горитъ электричество и обходится крестьянину дешевле, чѣмъ керосинъ». «Да», — сказалъ онъ, переставъ качаться и усѣвшись напротивъ меня на край стола, сталъ закуривать папиросу. — «У насъ еще во многихъ деревняхъ горитъ лучина». — «Вѣроятно изъ нашихъ озерныхъ сѣверныхъ губерній», подумалъ я и спросилъ: «А Вы любите деревню?» — «Какъ не любить?», — послѣдовалъ отвѣтъ, въ которомъ мнѣ послышались, какъ будто, болѣе мягкія ноты, — «въ городѣ, да на этой вотъ службѣ — одна канитель... какая тутъ жизнь... надоѣло все это... скорѣй бы домой...». — «И я люблю деревню», сказалъ я, «вотъ ѣхалъ туда, да задержали»... — «И чего имъ отъ Васъ надо?» — къ моему изумленію вдругъ раздраженно заговорилъ матросъ, — «схватили и держатъ человѣка зря, а я, какъ дуракъ какой, карауль имъ тутъ... Тоже начальство выискалось!... приказываютъ, ступай въ нарядъ...».

Шумъ подъѣхавшаго автомобиля и поднявшаяся суетня и какіе то крики прервали нашъ разговоръ. Матросъ посмотрѣлъ въ окно и, отойдя въ свой уголъ, опять усѣлся въ креслѣ. Въ наше купэ суетливой походкой вбѣжалъ какой то молодой низенькій офицеръ, какъ мнѣ показалось, въ гусарской формѣ одного изъ армейскихъ полковъ... Онъ пріостановился, пристально издали посмотрѣлъ на меня, затѣмъ быстро подошелъ, представился, назвавъ короткую фамилію, которую я не разобралъ и торопливо заговорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, это просто недоразумѣніе, просто недоразумѣніе, что Васъ задержали... сейчасъ Главнокомандующій вернулся изъ города и я о Васъ доложу... Вы совсѣмъ не тотъ, кого намъ надо... Это печаль-

ное недоразумѣніе... мы Васъ навѣрно освободимъ... Знаете, какую великую радость я Вамъ могу сообщить... война кончилась...». «Какъ кончилась?» — воскликнулъ я. «Намъ удалось заключить сейчасъ съ нѣмцами полное перемиріе на фронтѣ... переговоры нами велись давно, да только вотъ сію минуту такъ счастливо закончились!... правда, правда, войны больше нѣтъ!... Главнокомандующій только что былъ въ городѣ на телеграфѣ, гдѣ ему и передали эту радостную новость, которую мы такъ ждали... теперь намъ и со Ставкой будетъ меньше хлопотъ, сопротивляться ей дольше будетъ не къ чему..., а съ Вами это недоразумѣніе, недоразумѣніе... подождите здѣсь, я сейчасъ доложу о Васъ Главковерху», и онъ быстро вылетѣлъ изъ вагона.

Слова его меня ошеломили, но и дали надежду, что еще не все для меня потеряно. Въ ихъ радостномъ возбужденіи, имъ, конечно, будетъ не до меня...

Новость эту вѣроятно узнали уже и снаружи. Громкіе, общіе клики и какіе то отдѣльные рѣзкіе возгласы уже неслись со стороны вокзала и все громче приближались къ намъ. Я выглянулъ въ окно. Густая толпа, окружавшая нашъ поѣздъ, стала еще гуще, еще крикливѣе и, стоя на мѣстѣ, еще болѣе подвижнѣе. Трудно было разобрать выраженіе лицъ, но всѣ головы были обращены въ одну сторону, вѣроятно, къ вагону Крыленко...

Мой караульный тоже куда то исчезъ...

Я сѣлъ опять въ свой уголъ, сталъ ждать и думать, если можно назвать думами тѣ безпорядочныя мысли, которыя тогда пробѣгали въ моей головѣ.

«Такъ вотъ онъ — тотъ конецъ войны, котораго я ждалъ столько лѣтъ съ такимъ нетерпѣніемъ и о которомъ когда то надѣялся узнать въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ...».

Долго я думалъ, мѣшая всѣ набѣгавшіе на меня образы и впечатлѣнія и не замѣтилъ, какъ снова появился мой караульный матросъ. Онъ опять молчаливо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но, какъ мнѣ почему то казалось, сочувственно и ободряюще смотрѣлъ на меня. Съ лѣвой стороны вагона послышался шумъ локомотива и мимо сосѣдней платформы, со стороны Кіева, сталъ медленно подходить длинный пассажирскій поѣздъ... и остановился. «Вотъ бы поспѣть на него, на немъ уѣхать — подумалъ я, «врядъ ли будетъ за эту ночь другой такой случай...». Мой матросъ также обернулся къ окну, безучастно буркнулъ «пассажирскій», но, посмотрѣвъ въ мою сторону, почти раздраженно добавилъ: «и чего они все Васъ

держатъ?». Появившійся въ дверяхъ, съ какими то бумагами, озабоченно искавшій кого то въ нашемъ отдѣленіи, мой прежній гусарскій офицеръ прервалъ его дальнѣйшія слова... Матросъ вскочилъ, подошелъ къ гусару и, указывая на меня, грубо сказалъ: «Да доложите же о немъ, чего издѣваться надъ человѣкомъ?... Вотъ онъ и поѣздъ пропуститъ...».

«Сейчасъ, сейчасъ — любезно осклабясь въ мою сторону, торопливо заговорилъ офицеръ: «Вы понимаете, такія событія, такія событія... Главнокомандующій очень занятъ... очень... столько надо отдать распоряженій. Но я сейчасъ доложу... сейчасъ. Потерпите немного...» и онъ скрылся.

Караульный, недовольный снова усѣлся въ свое кресло... Прошло пять-десять минутъ молчанія, какъ вошедшій молодой человѣкъ, арестовавшій меня днемъ, пригласилъ: «Пожалуйте за мною, я проведу Васъ на допросъ къ Главнокомандующему». Не безъ волненія я поднялся и послѣдовалъ за нимъ. Мой матросъ пошелъ за нами. Черезъ нѣсколько отдѣленій и вагоновъ, сплошь наполненныхъ разнообразно вооруженными, крикливыми людьми, бросавшими на меня то любопытные, то злобные взоры, мы добрались до вагона, судя по обстановкѣ, вѣроятно, ранѣе принадлежавшаго какому нибудь начальнику дороги. Меня ввели въ обширное купэ, съ очень мягкими коврами, съ большимъ письменнымъ столомъ у окна и мягкой оттоманкой. Все было ярко освѣщено электричествомъ.

За столомъ, спиной ко мнѣ, сидѣлъ какой то человѣкъ, какъ мнѣ показалось въ студенческой, а можетъ быть прежней офицерской, но безъ погонъ, тужуркѣ, съ почти лысой, или покрытой очень рѣдкими волосами, головой и что то писалъ.

Вблизи него у дальняго конца стола стоялъ гусарскій офицеръ, въ рукѣ котораго я замѣтилъ мой отпускной билетъ.

Увидя меня, Шнеуръ, — это былъ онъ — какъ я потомъ догадался, по описаніямъ газетъ, — наклонился къ писавшему человѣку, положилъ передъ нимъ мой билетъ и началъ докладывать: «Вотъ тотъ полковникъ, котораго задержали и о которомъ я говорилъ... но это явное недоразумѣніе, какая то печальная ошибка... Это просто полковникъ Мордвиновъ, Кирасирскаго полка, извѣстный скакунъ...» (онъ видимо принималъ меня за брата, тоже кирасира Ея Величества)... — «я его отлично знаю онъ много забиралъ призовъ на скачкахъ». «Какъ же, какъ же», любезно улыбаясь, повернулся онъ въ мою сторону, «у Васъ были отличныя лошади».

«Хорошо... хорошо... посидите... не суетитесь...», медленно и важно промолвилъ человѣкъ въ тужуркѣ, взялъ со стола мой отпускной билетъ и также неторопливо обернулся въ мою сторону: «Здравствуйте... садитесь...» и онъ, указавъ глазами на диванъ, сталъ читать мой документъ.

Пока онъ читалъ, я успѣлъ, хотя и не достаточно хорошо, запомнить его внѣшній обликъ. Передо мною сидѣлъ сравнительно не молодой, но типичный студентъ неврастеникъ, съ явно бросавшимися въ глаза чертами вырожденія. Все въ немъ было именно студенческое, даже семинарское, а не чиновничье, учительское, офицерское или уже сложившагося человѣка свободныхъ профессій. Дѣлала ли это сходство особенно близкимъ его тужурка безъ погонъ, съ нарочитой небрежностью, по студенчески сидѣвшая на немъ, или выраженіе его блѣднаго лица, какого то сѣраго, безразличнаго, изможденнаго, какъ мнѣ представлялось, отъ недоѣданія и хожденія по дешевымъ урокамъ, — я не знаю. «Вырожденецъ» и «неудачникъ студентъ», — вотъ два основныхъ впечатлѣнія о Крыленко, сохранившіяся у меня до сихъ поръ.

«Вы, полковникъ Мордвиновъ?» — спросилъ онъ меня тѣмъ же голосомъ очень значительнаго человѣка и глядя куда то въ пространство.

«Да» — отвѣтилъ я.

«Вы изъ Ставки?».

«Да». «Когда выѣхали оттуда?». — «Сегодня утромъ». — «Что, Вы не знаете, Гоцъ все еще въ Могилевѣ?». — «Кто такой Гоцъ?» — съ искреннимъ удивленіемъ, спросилъ я. «Развѣ Вы не знаете Гоца?» — въ свою очередь, удивился Крыленко.... «Помилуйте»,... заговорилъ быстро, вмѣшиваясь въ допросъ, мой невѣдомый защитникъ, гусарскій офицеръ.... «вѣдь я Вамъ говорилъ, что это гвардейскій офицеръ и скакунъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя... откуда онъ можетъ знать Гоца?»... «Погодите»... остановилъ его величественно Крыленко... «Намъ доподлинно извѣстно, что Гоцъ находится въ Ставкѣ... я думалъ, что Вы его тамъ встрѣчали»... продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

«Въ первый разъ слышу это имя. Кто онъ такой?». — Отвѣта не послѣдовало.

«А что Могилевъ хорошо укрѣпленъ, много въ немъ вырыто окоповъ?. Имѣется ли тяжелая артиллерія?» — послѣ нѣкотораго молчанья спросилъ Крыленко. — «Совершенно не знаю», — отвѣтилъ я. «Какъ не знаете?». —

«Я вѣдь состою не на строевой службѣ и завѣдую лишь наградным отдѣленіемъ для иностранцевъ, какъ сказано въ моемъ билетѣ». — «Но Вы вѣдь живете въ Ставкѣ и видите, что тамъ дѣлается?». — «Я вижу только наградныя бумаги, да комнату, въ которой живу». — «Странно», ...какъ бы въ недовѣрчивомъ раздумьи, проговорилъ Крыленко.

Вошедшая въ это время поспѣшно группа какихъ то, не то вооруженныхъ «штатскихъ», не то полувоенныхъ людей прервала дальнѣйшій допросъ. «Вотъ сейчасъ пришла телеграмма», — заговорилъ одинъ изъ нихъ, самый высокій, въ черной курткѣ, опоясанный широкимъ ремнемъ съ револьверомъ, въ мягкой шляпѣ, человѣкъ съ энергичнымъ лицомъ. «Одинцовъ уже высадился безпрепятственно въ Могилевѣ и идетъ занимать Ставку... спрашиваетъ, когда мы подойдемъ?...». — «Наконецъ то... удосужился», сказалъ Крыленко голосомъ, которымъ долженъ былъ бы говорить недовольный Главнокомандующій. — «Давно пора... телеграфируйте ему, что я выѣзжаю отсюда черезъ два часа и утромъ буду въ Могилевѣ... впрочемъ погодите... я самъ напишу ему телеграмму, чтобы онъ не очень тамъ усердствовалъ... я Одинцова знаю... его надо удерживать, а то онъ все тамъ разнесетъ... камня на камнѣ не оставитъ...» и, придвинувъ къ себѣ телеграфные бланки, онъ медленно протянулъ руку за карандашемъ и, диктуя самъ себѣ, началъ писать заголовокъ: «Ставка. Генералу Одинцову»... Всѣ кругомъ почтительно стояли... «Эхъ», поморщился вдругъ съ брезгливой раздражительностью Крыленко и отбросилъ карандашъ. — «Даже и этого не умѣютъ сдѣлать — очинить, какъ слѣдуетъ, карандашъ... казалось бы просто». И онъ также медленно взялъ другой карандашъ и продолжалъ писать, повторяя написанное. Что онъ писалъ дальше, я уже теперь забылъ. Я тоскливо думалъ объ оставшихся въ Ставкѣ и не менѣе тоскливо смотрѣлъ въ окна на стоявшій рядомъ пассажирскій поѣздъ. «Уйдетъ онъ, или нѣтъ до моего освобожденія? А можетъ повезутъ меня съ собою, какъ плѣнника, торжествующіе побѣдители?».

Группа лицъ, принесшихъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Ставкою, также невольно привлекала мое вниманіе. Она такъ не соотвѣтствовала ни мягкимъ коврамъ вагона, ни министерскому столу, ни яркому электричеству въ красивыхъ лампахъ. Свѣтъ костра на какой нибудь глухой лѣсной полянѣ, или въ ущельи у входа въ пещеру, долженъ былъ бы освѣщать этихъ, въ общемъ картинныхъ, людей, какъ по своему внѣшнему облику, такъ и по сборному воо-

руженію, похожихъ на бандитовъ, или контрабандистовъ. Крыленко въ этомъ отношеніи являлся всѣмъ имъ полной противоположностью. Ужъ, если кто изъ нихъ долженъ былъ быть предводителемъ, то именно вотъ тотъ высокій, весь въ черномъ, съ энергичнымъ лицомъ и свободными рѣшительными движеніями человѣкъ, а не этотъ неврастеничный студентъ, согнувшійся, какъ бы для переписки лекцій. «Отправьте срочно», сказалъ, наконецъ, Крыленко, протягивая въ сторону группы законченную телеграмму, и обернулся снова ко мнѣ: «Мы только что заключили перемиріе на фронтѣ, война съ нѣмцами кончилась... а вотъ и Ставка сейчасъ занята нами... послушайте... какъ они радуются...», и онъ снисходительно, но довольно указалъ головою на окна. «Я попрошу Васъ, меня отпустить», сказалъ я въ отвѣтъ, «быть можетъ, я могу еще воспользоваться этимъ поѣздомъ...». Онъ долго не отвѣчалъ, медленно что то соображая, и наконецъ, промолвилъ: «Въ сущности, я не имѣю основанія теперь Васъ дольше задерживать, Вы можете ѣхать», и онъ милостиво протянулъ мнѣ мой билетъ. — «Благодарю Васъ», — невольно вырвалось у меня. Я всталъ и направился къ выходу. Раздавшіеся въ это время съ удвоенной силой крики неистовствовавшей вокругъ вагона толпы заставили меня задержаться. «Меня выпустили здѣсь, но выпустятъ ли тамъ и не схватятъ ли снова въ этомъ пассажирскомъ поѣздѣ?» — мелькнуло въ головѣ. Я обернулся къ Крыленкѣ и спросилъ: «Не дадите ли Вы мнѣ пропускъ, что я освобожденъ, а то меня опять задержутъ». — «Кто Васъ задержитъ?» — удивился Крыленко, «разъ *я* Васъ отпустилъ», но, видимо спохватился и, съ небрежной важностью произнесъ: «Ахъ да, Вы вѣроятно подразумѣваете наши тыловые отряды и заставы?...». «Напишите ему», коротко приказалъ онъ высокому черному человѣку. Тотъ быстро набросалъ что то на клочкѣ бумаги, громко пристукнулъ откуда то появившейся печатью и подалъ мнѣ. Я повернулся къ выходу и прочелъ: «Предъявителю сего разрѣшается безпрепятственный проѣздъ до Петрограда. За Главковерха, такой то...». Съ боку была приложена большая, размазавшаяся печать.

Мой караульный матросъ съ «Авроры» вышелъ вмѣстѣ со мною. «Хорошо, что бумагу взяли», одобрительно сказалъ онъ, «можетъ пригодиться... Ну, счастливый путь», и онъ открылъ дверь, выпуская меня наружу. Я шагнулъ на первую ступеньку и остановился. Дальше идти было некуда. Примыкая тѣсно къ обоимъ поѣздамъ, заполняя густо не только платформы, но и все пространство между

вагонами, кричала, неистовствовала, пѣла, свистѣла, гоготала и какъ то жутко шевелилась огромная толпа всячески вооруженныхъ людей... Пройти черезъ нее въ сосѣднiй поѣздъ было немыслимо. Мое появленiе въ открытыхъ дверяхъ ярко освѣщенной площадки вагона Главковерха и моя нерѣшительность привлекли вниманiе ближайшихъ. «Это что за гусь тутъ?... въ погонахъ!... откуда такой появился?... куда ты?.. ахъ ты!...». Угроза штыкомъ и грубое ругательство заставили меня отступить назадъ. «Помогите мнѣ пройти до поѣзда» — обратился я къ матросу моему, задержавшемуся еще на площадкѣ. «Вы видите...». Ни слова не говоря, рѣшительнымъ прыжкомъ, минуя ступени, онъ выскочилъ изъ вагона въ самую толщу людей, невольно раздавшуюся передъ нимъ, рванулъ меня внизъ съ площадки за руку и потащилъ за собою. Намъ удалось протиснуться почти до половины платформы, раздѣлявшей поѣзда, какъ окружавшая толпа опомнилась отъ неожиданности и, обступая насъ тѣснѣе со всѣхъ сторонъ, заорала: «Стой... стой... куда ты его тащишь?... давай намъ сюда, а то еще уйдетъ... чего съ нимъ канителиться?... разъ-два и готово!...». Толпа снова загоготала. Чья то рука ухватила меня за свободный рукавъ шинели, но ударъ матроса заставилъ ее опуститься. «Чего Вы», — оралъ онъ самъ, расталкивая все и вся на пути... «не тронь его... у него есть бумаги...». — «Какая такая бумага?», заорали въ отвѣтъ. «Знаемъ мы эти бумаги... и такъ уже двухъ выпустили... ишь какой защитникъ нашелся... а не хочешь ли и самъ туда же.!...». Но мы уже протащились до противоположнаго вагона. Матросъ втащилъ меня за руку на первую ступеньку, а свободной рукой силился открыть боковую дверь. Она не подавалась. Онъ громко выругался и соскочилъ мимо меня назадъ. Я остался стоять на входной ступенькѣ. «Не пускай, не пускай ...уйдетъ», орали кругомъ и снова чьи то руки ухватили меня за полу шинели. Еще два три толчка локтями и матросъ, какъ кошка вскочилъ высоко на буфера между вагонами, втянулъ меня за обѣ руки къ себѣ на верхъ и, прiоткрывъ раздвижную дверь, протиснулся въ нее и потащилъ меня за собою по темному, пустому корридору вагона. Въ срединѣ его оказалось одно незапертое отдѣленiе. Мой спаситель втолкнулъ меня туда, захлопнулъ дверь и исчезъ...

Я очутился въ небольшомъ купэ перваго класса и первымъ моимъ движенiемъ было запереть дверь, но замокъ былъ испорченъ, а цѣпочки не было... Купэ было узенькое, темное, свѣтъ падалъ только на диванъ черезъ окно отъ наружнаго фонаря на платформѣ. На диванѣ сидѣли два молодыхъ солдата и одинъ постарше и по-

выше, съ большой окладистой черной бородой. Спинка дивана была поднята и оттуда сверху раздавался храпъ спящихъ людей.

«Нѣтъ ли у Васъ тутъ мѣста свободнаго?», спросилъ я оглядываясь. Они видимо поняли, въ чемъ было дѣло. «Ложись тутъ за нами, баринъ», сказалъ спокойно солдатъ съ бородой, и посторонился, пропуская меня лечь за ними у стѣнки вагона. «Такъ тебѣ способнѣе будетъ... а мы посидимъ... намъ черезъ станцію вылѣзать...». Остальные тоже подвинулись, я вытянулся, спрятанный совершенно ихъ спинами и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, сдѣлалъ видъ, что начинаю дремать. Въ купэ и въ вагонѣ было тихо. Мои спутники молчали, но снаружи толпа буйствовала по прежнему и по прежнему злобные выкрики и пьяныя ругательства заставляли меня нервно прислушиваться. Въ нашъ вагонъ застучали, раздался въ корридорѣ топотъ многихъ ногъ и звукъ отъ задѣвавшихся за стѣнки винтовокъ. Дверь въ наше купэ пріоткрылась. Кто то, вѣроятно, заглянулъ, осмотрѣлся и грубо сказалъ: «Валяй дальше, никого нѣтъ...». Дверь снова закрылась. «Пронесло» облегченно подумалъ я и, устроился поудобнѣе, какъ бы шевелясь во снѣ, на своемъ узкомъ ложѣ. Солдаты пододвинулись и дали мнѣ больше мѣста. Снова воцарилось долгое молчанье. «Никакъ онъ и взаправду заснулъ?», — проговорилъ въ полъ голоса солдатъ, сидѣвшій у меня въ ногахъ. «Господи, что дѣлается то», продолжалъ онъ также въ полъ голоса. «Всѣхъ ихъ вотъ такъ повытаскали, отвели въ конецъ вагоновъ, да тамъ, говорятъ, и прикончили...». «Совсѣмъ не узнать народа» — степенно, но почти равнодушно, сказалъ солдатъ съ бородою и зѣвнулъ. «Что это мы больно долго тутъ стоимъ?.. никакъ ужъ и свѣтать скоро зачнетъ?». «Не, до свѣта еще долго», сказалъ сердобольный солдатъ. «И дома еще потемокъ хватимъ...».

Прошло еще десять-пятнадцать молчаливыхъ минутъ, длившихся, казалось, больше года, наконецъ, раздался нерѣшительный короткій свистокъ, еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній... поѣздъ двинулся и сразу стало спокойнѣе на душѣ...

Было уже свѣтло, когда я очнулся отъ забытья. Моихъ солдатъ уже не было... Я выглянулъ въ окно. Мы подъѣзжали къ Вырицѣ. Ни въ Вырицѣ, ни затѣмъ въ Царскомъ и на вокзалѣ въ Петроградѣ никакихъ «тыловыхъ отрядовъ и «тыловыхъ заставъ», о которыхъ съ такой важностью упомянулъ Главковерхъ Крыленко, не было. Вездѣ на станціяхъ толкались лишь «мирные» солдаты, безъ оружія, въ разстегнутыхъ шинеляхъ, и приставали къ пассажирамъ, чтобы нести ихъ багажъ. Разбойничій поѣздъ Крыленко, пробѣгалъ по

взбудораженной странѣ, не оставляя за собой никакого слѣда и не закрѣпляя ни пяди завоеваннаго пространства. Онъ могъ быть самъ въ любое время и въ любомъ мѣстѣ окруженъ и захваченъ другими людьми... Этихъ другихъ людей уже давно не было на нашей родинѣ. Они могли быть только при Государѣ, а Государь ушелъ...

. . . .

Громкіе возгласы мальчишки, продававшаго на улицѣ вечернія газеты и упоминавшаго что-то про Ставку, заставили меня пріостановить извозчика и купить газету...

«Убійство въ Ставкѣ генерала Духонина» напечатано было жирнымъ шрифтомъ на заголовкѣ, а подъ нимъ была короткая въ три или четыре строки телеграмма изъ Могилева, въ которой сообщалось, что генералъ Духонинъ, препровожденный изъ штаба подъ арестъ въ поѣздъ Крыленко, былъ звѣрски тамъ убитъ, ворвавшейся въ его отдѣленіе толпой матросовъ и красногвардейцевъ.

А. А. Мордвиновъ.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ СМУТЫ.

Изъ воспоминаній Д. И. ДЕМКИНА.

Воспоминанія Д. И. Демкина, долголѣтняго дѣятеля Петроградскаго городского общественнаго управленія, рисуютъ намъ печальную картину нравственной неустойчивости извѣстной части русскаго общества, столь много способствовавшей успѣху смуты. Точно или не точно переданы авторомъ его впечатлѣнія, — отвѣтственность за это всецѣло на немъ остается — но въ существѣ онѣ вполнѣ совпадаютъ съ свидѣтельствомъ другихъ очевидцевъ событій первыхъ дней смуты, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Легкость, съ которою люди, стремившіеся подладиться въ тонъ событіямъ, отрекались отъ своего прошлаго и отъ того, чему всю жизнь служили и покланялись, особенно ярко отмѣчена членомъ Французской военной миссіи, профессоромъ Легра.*) Записавъ свои впечатлѣнія первыхъ дней смуты въ Могилевѣ, этотъ иностранецъ, хотя и находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ одного изъ дѣятелей перваго состава Временнаго Правительства, и смотрѣвшій на событія его глазами, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 2-мъ Марта 1917 года: «Нѣкоторые изъ военныхъ предаютъ Императора съ развязностью, повергающей въ грусть... Возмущаешься поведеніемъ этихъ людей, которые выросли подъ сѣнію Трона, лизали руки, льстили ловили, подачки...»

Къ нимъ, къ этимъ людямъ, къ ихъ поведенію относятся и полныя горечи слова, которыми отрекшійся Государь закончилъ запись Своего дневника подъ тѣмъ же днемъ: «Кругомъ измѣна и трусость и обманъ.»

Пусть же имена ихъ сохранятся въ памяти потомства... (Ред.)

---

*) Jules Legras. Mémoires de Russie. Payot. Paris, 1921, p. 167.

Болѣе, чѣмъ за четыре мѣсяца до революціи для меня стало ясно, что готовится ниспроверженіе строя и что, не смотря на доблесть войскъ и изобиліе вооруженія и снарядовъ, вести войну далѣе мы не будемъ. Къ такому заключенію я пришелъ на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными совершенно случайно. Особенно въ мою память врѣзались нѣсколько фразъ, сказанныхъ въ Октябрѣ 1916 года гласнымъ «обновленческой» партіи, С. В. Ивановымъ, сообщившимъ, что незадолго до того возвратился изъ Ставки Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, имѣвшій откровенный разговоръ съ генераломъ Алексѣевымъ, по поводу современнаго положенія Россіи и непорядковъ въ правительствѣ и при Дворѣ. Когда Родзянко, по словамъ Иванова, обратилъ вниманіе генерала Алексѣева на то, что единственнымъ учрежденіемъ, которому вѣритъ народъ, является Государственная Дума, то Алексѣевъ, будто бы, спросилъ: «такъ почему же Вы не берете все дѣло въ свои руки? Берите, я Вамъ въ этомъ помогу». Хотя С. В. Ивановъ былъ полнымъ ничтожествомъ въ городскихъ дѣлахъ по своей неосвѣдомленности и занимался болѣе политиканствомъ, нежели городскимъ хозяйствомъ, но онъ постоянно вращался въ кругахъ близкихъ къ Государственной Думѣ и зналъ обыкновенно всѣ новости, изъ нея исходившія. Дослужившись какимъ то образомъ изъ предсѣдателей уѣздной земской управы до должности Товарища Государственнаго Контролера, онъ былъ отъ нея уволенъ и назначенъ въ одинъ изъ старыхъ Департаментовъ Сената съ окладомъ въ 12.000 руб., присвоеннымъ его прежней должности. Въ Сенатѣ

онъ подвергнутъ былъ, однако, небывалому до тѣхъ поръ въ практикѣ пониженію, а именно переводу въ Общее Собраніе съ уменьшеніемъ оклада до 3.000 руб. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что онъ съ другими лицами образовалъ общество активной борьбы съ законами, которые они считали несоотвѣтствующими духу времени. Послѣ этого, какъ всякій чиновникъ, считающій себя обиженнымъ несправедливостью начальства, С. В. Ивановъ сдѣлался ярымъ врагомъ правительства.*)

Не надо было быть особенно дальнозоркимъ, чтобы понять, какое дѣло должна была взять въ свои руки Государственная Дума, независимо отъ тѣхъ обязанностей, которыя были возложены на нее закономъ, а также, какой результатъ будетъ имѣть перемѣна правительственной власти во время войны, когда къ этой перемѣнѣ ведутъ дѣло Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, имѣющій въ рукахъ всю воинскую силу Имперіи, Предсѣдатель Государственной Думы и вліятельнѣйшій членъ ея, А. И. Гучковъ, личный врагъ Государя. Дальнѣйшія событія и поведеніе всѣхъ названныхъ лицъ во время революціи доказали правильность составившагося у меня мнѣнія. Обычное у насъ будированіе противъ правительства, которымъ въ доброе старое время охотно занимались либеральные чиновники, а отчасти и столичные обыватели, уже давно отошло въ область преданія, особенно послѣ того, какъ манифестъ 17 Октября 1905 года, въ числѣ прочихъ свободъ неопредѣленнаго очертанія, возвѣстилъ также свободу образованія союзовъ и обществъ. Послѣдствіемъ этого было то, что различныя общественныя организаціи, одна за другой, иногда въ одинъ и тотъ же день, дѣлали однородныя постановленія, производившія впечатлѣніе, будто огромная масса населенія, чуть не единогласно, признаетъ несовершенства существующаго порядка, единственнымъ способомъ улучшенія котораго представляется приглашеніе къ управленію государственными дѣлами лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ населенія. Правительство, къ прискорбію, не видѣло или не хотѣло видѣть, что во всѣхъ этихъ обществахъ — сословныхъ, земскихъ, городскихъ и союзахъ — орудуютъ одни и тѣ же лица, и что всѣ эти

---

*) Свою карьеру С. В. Ивановъ закончилъ Министромъ Сѣверо-западнаго правительства, въ коемъ онъ состоялъ, по его собственному признанію, всего въ теченіе двухъ часовъ, и въ которомъ состояли Министрами еще двое гласныхъ Петроградской городской Думы, той же партіи — Е. И. Кедринъ и М. С. Маргуліесъ.

общественныя организаціи оказываются, такимъ образомъ, союзомъ союзовъ, имѣющимъ единственную задачу навязать Государству общенародную, якобы, волю, замѣнивъ предначертанія правительства предначертаніями непогрѣшимой «общественности». На самомъ же дѣлѣ,такое «выявленіе общественности» было результатомъ энергичной работы соціалъ-революціонеровъ, дававшихъ свои, хорошо продуманные и выработанные трафареты для другихъ общественныхъ организацій. Впрочемъ Россія уже давно настраивалась на большевистскій ладъ и всѣ идеи, выдаваемыя остальными партіями за свои собственныя, были не болѣе, какъ отзвуками идей, проповѣдываемыхъ самой энергичной и въ то же время самой крайней революціонной партіей. Что это было дѣйствительно такъ — достаточно сравнить, напримѣръ, тезисы резолюціи, принятой заграницей III партійнымъ революціоннымъ съѣздомъ лѣтомъ 1905 года, на которомъ восторжествовали большевики, съ тезисами Выборгскаго воззванія, составленнаго членами Государственной Думы въ 1906 году въ Выборгѣ (о неплатежѣ налоговъ и повинностей, о недачѣ рекрутовъ въ войска и проч.). Въ составленіи этого воззванія дѣятельное участіе принимали и представители кадетской партіи въ Государственной Думѣ, бывшіе одновременно и гласными Петроградской Городской Думы.

Какъ бы то ни было, по совокупности всѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ объединенная дѣятельность союзныхъ и сословныхъ организацій имѣла доминирующее значеніе, настроеніе Петроградскаго населенія въ концѣ 1916 и въ началѣ 1917 года было крайне повышенное и нервное. Всѣ ожидали чего то необыкновеннаго. Святость Царскаго Престола и престижъ Императорскаго дома были поколеблены подъ вліяніемъ самыхъ нелѣпыхъ слуховъ......

Въ качествѣ Предсѣдателя Правленія одного изъ промышленныхъ обществъ, мнѣ приходилось почти ежедневно бывать въ его помѣщеніи въ 3-мъ этажѣ дома, выходившемъ окнами на Казанскую площадь и часть Невскаго проспекта. Все, что происходило на Невскомъ и на площади, было видно, какъ на ладони. Начиная съ 24 Февраля,было замѣтно особое движеніе на улицахъ. Масса подростковъ, мальчишекъ и дѣвченокъ, появлявшихся неизвѣстно откуда, бѣгали взадъ и впередъ по улицѣ, кричали «ура», дергали за хвосты лошадей казаковъ, для чего то разъѣзжавшихъ по улицамъ. Первый день казаки ѣздили все время съ утра до вечера, на другой день ихъ стало уже меньше. Въ этотъ день казаковъ сопровождали, подсмѣиваясь надъ ними и заигрывая съ ними, уже не только под-

ростки, но и взрослыя дѣвицы и женщины; кое гдѣ появились кучки рабочихъ.

26 Февраля меня вызвалъ, не помню по какому дѣлу, Градоначальникъ Балкъ, человѣкъ, совершенно новый въ городской полиціи и мнѣ почти неизвѣстный. Въ разгоборѣ я высказалъ удивленіе, почему уже третій день казаковъ выводятъ на улицу, такъ какъ долговременное держаніе воинскихъ частей на улицѣ дѣйствуетъ на нихъ деморализующе, и что былъ уже случай, когда казаки, не дождавшись опредѣленнаго для нихъ времени, самовольно уѣхали въ казармы. «А что же я могу сдѣлать?» сказалъ Градоначальникъ «теперь все дѣло охраны столицы взяли себѣ военныя власти, и есть предписаніе высшаго начальства не примѣнять въ столицѣ никакой силы, а лишь ограничиваться выводомъ воинскихъ частей на улицу.»

27 Февраля мнѣ нужно было быть въ Окружномъ Судѣ. По всему пути отъ Городской Думы, по Невскому и по Литейному были толпы народа, и далѣе угла Кирочной уже проѣхать было нельзя изъ за массы рабочихъ, выступившихъ на улицу вмѣстѣ съ солдатами, которые были безъ офицеровъ и не имѣли при себѣ оружія. Солдаты были въ растерзанномъ видѣ, въ разстегнутыхъ шинеляхъ и съ головными уборами на затылкѣ; они перебѣгали съ одного угла на другой и вовсе не имѣли воинскаго вида. У ѣдущихъ рабочіе отнимали автомобили и угоняли ихъ куда то въ боковыя улицы. На углу Кирочной, я увидѣлъ графиню Панину — будущаго Министра общественнаго призрѣнія во Временномъ Правительствѣ; — графиня то входила въ подъѣздъ своего особняка, то выходила изъ него на улицу, гдѣ толпились солдаты и чернь. Старикъ швейцаръ, болѣзненно моргая слезившимися глазами, укоризненно смотрѣлъ на похожденія графини и уговаривалъ ее не выходить на улицу. Она не слушалась и объясняла, что «народъ» ее не тронетъ.

Окружный Судъ уже горѣлъ и потому мнѣ пришлось вернуться въ Городскую Думу. Были подожжены Департаментъ Полиціи, Охранное отдѣленіе и нѣкоторые мировые участки. Поджигатели послѣднихъ полагали, что «охранительныя дѣла» (о наслѣдствахъ послѣ умершихъ) у Мировыхъ Судей — дѣла Охраннаго Отдѣленія. На Литейномъ мосту шла стрѣльба изъ пулеметовъ. Безоружные пока солдаты отъ выстрѣловъ шарахались въ стороны и прятались въ поперечныя улицы. Видя, что солдаты безоружны и безъ офицеровъ, я все еще не придавалъ рѣшающаго значенія ихъ выступленію, полагая, что изъ Финляндіи подойдутъ вѣрныя правительству

войска. Когда же нѣсколько позднѣе я узналъ, что, по распоряженію будущаго Военнаго Министра А. И. Гучкова, развинчиваются на Финляндской желѣзной дорогѣ рельсы и вообще принимаются мѣры къ недопущенію въ столицу нераспропагандированныхъ еще войскъ*) я долженъ былъ признать, что дѣло проиграно. Въ этомъ мнѣніи я еще болѣе убѣдился, когда толпа начала грабить арсеналъ и Артиллерійское управленіе.

За три дня до выступленія рабочихъ, мнѣ случилось быть въ этомъ управленіи, и мнѣ показалось весьма страннымъ, что ружья новыхъ и даже старыхъ образцовъ выносили изъ кладовыхъ и ставили на видное мѣсто, ближе къ входу съ Литейнаго.

Въ Городской Думѣ я засталъ группу гласныхъ, прибывшихъ узнать послѣднія новости, и просто посудачить по поводу происходящихъ событій. Гласный С. В. Ивановъ, красный, какъ ракъ, метался изъ стороны въ сторону, спрашивалъ: «приготовлено ли все для пріема раненыхъ, которыхъ могутъ сейчасъ принести въ Городскую Думу?» Какой то толстый гласный (фамиліи не помню) все время говорилъ по телефону, который помѣщался рядомъ съ моимъ кабинетомъ: «ну, что, графиня, какія новости у Васъ на Литейномъ и Кирочной?» «Павловскій полкъ, Вы говорите, перешелъ на нашу сторону? Прекрасно. А какъ другіе полки? Все идетъ, значитъ, отлично.»

Информація лѣвой части Городской Думы въ отношеніи происходящихъ событій была, какъ видно, полная. Значительная часть гласныхъ была освѣдомлена о всякомъ слухѣ значительно болѣе, нежели правительство и его агенты. Городская Дума дѣлалась революціонной цитаделью, какъ то и было прописано въ одной изъ прокламацій.

Еще до засѣданія Думы 27 Февраля мнѣ стало извѣстно, что Государственная Дума составила Временный комитетъ, а шайка лицъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ рабочимъ, — нѣмецкій агентъ Нахамкесъ (Стекловъ), присяжный повѣренный Соколовъ**)

*) Въ засѣданіи Временнаго Правительства А. И. Гучковъ, какъ извѣстно, удостоился выраженія благодарности по поводу того, что революція въ значительной мѣрѣ обязана своимъ успѣхомъ распорядительности и энергіи его по толковому передвиженію войскъ во время возстанія.

**) «Рабочій» депутатъ Соколовъ сейчасъ же послѣ переворота захватилъ царскихъ лошадей и въ сиреневыхъ лайковыхъ перчаткахъ, развалясь въ экипажѣ, сталъ разъѣзжать по городу.

и другіе — самочинно образовали Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Позднѣе кто то прибавилъ къ заголовку «и солдатскихъ», а потомъ «крестьянскихъ» и, наконецъ, «казацкихъ депутатовъ». Когда я узналъ, что образовались два правящихъ органа, то въ разговорѣ съ лицами, бесѣдовавшими со мною по этому поводу, высказалъ, что дѣло должно окончиться тѣмъ, что или Временное Правительство арестуетъ Совѣтъ рабочихъ и прочихъ депутатовъ, или же Совѣтъ арестуетъ Временное Правительство, смотря по тому, у кого изъ нихъ окажется больше энергіи и распорядительности, и за кого будетъ стоять толпа. Такъ оно, въ концѣ концовъ и вышло: Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, обратившійся всецѣло въ большевистскій органъ, и выдѣлившій изъ своего состава военно-революціонный комитетъ, арестовалъ министровъ-капиталистовъ. Временное правительство, состоявшее изъ говоруновъ, не имѣвшихъ никакого понятія о государственномъ устройствѣ и управленіи, не только не опасалось указаннаго двоевластія, но съ первыхъ же дней оказало поддержку Совѣту, признавъ легальность его существованія и заявивъ, что «правительство управляетъ, а Совѣтъ контролируетъ дѣйствія правительства, и что правительство опирается на Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.» Вводя этой очевидной ложью населеніе страны въ заблужденіе, Временное Правительство, хорошо знавшее самочинное образованіе Совѣта, помимо выборовъ, и его составъ, надѣялось, съ одной стороны, купить расположеніе лѣвыхъ партій, а съ другой возможно долѣе сохранить за собою,неожиданно попавшую въ его руки,власть. Того и другого оно достигло.... но только на короткое время: Совѣтъ былъ въ сносныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно главарямъ революціи, пока для престижа ихъ власти необходимо было писать въ возваніяхъ: «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ» (Извѣстія С. Р. и С. Д. 28 - II — 1917 № 2) Когда же Временное Правительство, находившееся съ самаго начала въ сущности въ подчиненіи у Совѣта, сдѣлалось для послѣдняго излишнимъ, въ виду окончательнаго углубленія революціи среди развращенныхъ народныхъ массъ, Временное Правительство было свергнуто.

27 Февраля передъ засѣданіемъ Городской Думы, когда смута вполнѣ уже обозначилась, «прогрессивные гласные» суетились и безпокоились, изыскивая способы и маневры, съ которыхъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало начать злободневныя заявленія. Поводъ самъ собою представился. Городской Голова, П. И. Леляновъ, внезапно

прислалъ заявленіе объ отказѣ отъ должности. С. В. Ивановъ, сообщившій собранію новость, которую, впрочемъ, уже всѣ знали, заявилъ:

1) что Государственная Дума взяла въ свои руки власть, избравъ, для управленія государствомъ, особый временный комитетъ.

2) Что съ предыдущаго вечера вездѣ въ городѣ образовались раіонные революціонные комитеты.

3) Что въ три часа дня образовался совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

А потому С. В. Ивановъ требовалъ немедленнаго избранія городского головы для постоянныхъ сношеній съ временнымъ правительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ необходимымъ заявить послѣднему, что Городская Дума поставляетъ себя всецѣло въ его распоряженіе. Несогласные съ этимъ лица должны, по мнѣнію его, Иванова, оставить службу по городскому управленію. Самымъ же подходящимъ кандидатомъ въ Городскіе Головы онъ считаетъ второго Товарища Головы, Ю. Н. Глѣбова, «на практикѣ доказавшаго свою энергію и мужество», (въ чемъ таковые заключались, Ивановъ не объяснилъ).

Ю. Н. Глѣбовъ съ своей стороны скромно заявилъ, что онъ готовъ принять должность Головы, но лишь при условіи полнаго довѣрія съ ея стороны и одобренія всѣхъ его распоряженій. Дума назначила выборы на слѣдующее засѣданіе.

Гласные — стародумцы — съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: «будущій нашъ избранникъ выговорилъ себѣ диктаторкія полномочія и предварительное согласіе Городской Думы со всѣми его распоряженіями въ будущемъ, сущности которыхъ мы не знаемъ. При чемъ же тогда мы, гласные, и собраніе Думы.» Гласные-обновленцы, число коихъ съ успѣхомъ революціи вдругъ чрезвычайно возросло, наоборотъ, находили, что требованія будущаго Городского Головы, по важности переживаемаго момента, вполнѣ основательны и что испрашиваемыя имъ чрезвычайныя полномочія ему слѣдуетъ дать. Въ этомъ смыслѣ и состоялось рѣшеніе собранія къ вящему торжеству провозглашавшейся прогрессистами идеи «общественности» и коллегіальности въ рѣшеніи городскихъ дѣлъ.

Это засѣданіе происходило въ необычномъ составѣ. Собраніе оказалось пополненнымъ представителями отъ рабочихъ, явившимися въ Городскую Думу, по примѣру 1905 года, и занявшими мѣста въ залѣ засѣданія. (были ли это дѣйствительно представители рабочихъ, никому въ сущности извѣстно не было). Передъ открытіемъ собранія, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства, засѣдавшій въ

Думѣ на правахъ гласнаго, митрофорный протоіерей Казанскаго собора, Орнатскій, отслужилъ молебствіе и предложилъ текстъ присяги въ вѣрности Временному Правительству, которая потомъ, послѣ принесенія ея, должна была быть запечатлѣна подписями гласныхъ на особомъ листѣ. Многіе гласные, какъ отъ присяги, такъ и отъ подписанія листа уклонились, уйдя изъ зала во время чтенія ея о. Орнатскимъ. Какъ и кѣмъ былъ составленъ и утвержденъ текстъ присяги, никому не было извѣстно; вѣрнѣе всего, это было сдѣлано самимъ протоіереемъ подъ вліяніемъ лѣвыхъ гласныхъ, какъ вообще все дѣлалось въ то время. Болѣе всего хлопотали объ исполненіи обряда присяги Временному Правительству гласные-обновленцы, только что нарушившіе свою присягу Монарху.

Когда гласные съ наведенными людьми (какъ стародумцы назвали рабочихъ) заняли мѣста, О. Орнатскій попросилъ слова. Рѣчь его была слѣдующаго содержанія: «сегодня надъ нашей родиной возсіяло солнце свободы. Святая православная церковь всегда была поборницей свободы. Къ сожалѣнію, освобожденіе Русскаго народа отъ вѣковаго гнета не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Многіе наши братья положили свой животъ въ борьбѣ за свободу. Поэтому я приглашаю гласныхъ и прочихъ желающихъ завтра, къ 11 часамъ утра, въ Казанскій соборъ, гдѣ будетъ отслужено сначала молебствіе, по поводу радостнаго событія водворенія свободы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, а потомъ провозглашена вѣчная память положившимъ свой животъ за свободу.» Почтенный о. Орнатскій, повидимому, забылъ, что не далѣе, какъ за десять дней передъ этимъ онъ съ такимъ же пафосомъ приглашалъ гласныхъ, послѣ ежегодно бывавшаго въ Думѣ 19 Февраля молебствія, вспомнить также о лицахъ , положившихъ животъ свой «за Вѣру, Царя и Отечество».

Вторымъ ораторомъ выступилъ старѣйшій гласный Городской Думы П. П. Дурново. Бывшій въ 1905 году Московсимъ генералъ-губернаторомъ, членъ Государственнаго Совѣта по назначенію, генералъ-адъютантъ П. П. Дурново, явившійся въ собраніе въ черномъ сюртукѣ, сказалъ слѣдующее:

«Хотя я въ теченіе многихъ лѣтъ носилъ генералъ-адъютантскій мундиръ, но дѣлалъ это, признаюсь, по необходимости и съ отвращеніемъ. При первой же возможности я поспѣшилъ его снять. Въ сущности я всегда былъ сторонникомъ свободы и находилъ, что монархизмъ въ Россіи, какъ и вездѣ, отжилъ свой вѣкъ и я удивляюсь, какъ можно теперь имѣть монархическія убѣжденія. Я искренно привѣтствую свободу, заря которой сегодня взошла надъ Россіей.

Объ этомъ я прошу занести въ протоколъ.» Эти слова настолько противорѣчили постояннымъ выступленіямъ и тенденціямъ, проводившимися П. П. Дурново въ Городской Думѣ, что гласный соціалистъ, Н. Н. Шнитниковъ счелъ нужнымъ, обращаясь къ старѣйшему гласному, заявить: — «Петръ Павловичъ сказалъ, какъ можно въ настоящее время имѣть монархическія убѣжденія. Отчего же? Я совсѣмъ другого образа мыслей, но нахожу, что убѣжденія монархистовъ-конституціоналистовъ, напримѣръ, въ отношеніи государственнаго устройства, не менѣе почтенны и заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и всякія другія.»

Вслѣдъ за этимъ говорили еще двое военныхъ: генералъ отъ инфантеріи Юрьевъ и генералъ-маіоръ Давыдовъ. Первый изъ нихъ сказалъ: «я вполнѣ присоединяюсь къ словамъ П. П. Дурново, о чемъ тоже прошу занести въ протоколъ.»—«Я тоже присоединяюсь»— заявилъ Давыдовъ, предсѣдатель присутствія по воинскимъ дѣламъ. Рѣчи обоихъ гласныхъ — Юрьева и Давыдова — были совершенно непонятны, въ какомъ отношеніи они присоединялись къ словамъ П. П. Дурново: оба они были въ военныхъ мундирахъ, противъ ношенія коихъ въ своемъ словѣ собственно возставалъ П. П. Дурново. Впрочемъ на такую мелочь, какъ логическій смыслъ произносившихся въ собраніи словъ никто не обращалъ вниманія при общемъ возбужденіи, охватившемъ гласныхъ. Важно было и отмѣчалось лишь то, что самые заядлые консерваторы, бывшіе или только казавшіеся таковыми, славословили революцію и ея идеи, хотя бы самыми несуразными рѣчами. При выходѣ изъ зала засѣданія, тѣ же лица высказывали мнѣнія совершенно обратныя, съ болѣе привычнымъ для нихъ міросозерцаніемъ.

Поучительна судьба, постигшая первыхъ двухъ изъ названныхъ лицъ, хорошо вѣдавшихъ, что они говорятъ и что творятъ. О. Орнатскій былъ разстрѣлянъ большевиками, причемъ предварительно на его глазахъ были убиты оба его сына.

Особнякъ въ Полюстровѣ, принадлежавшій П. П. Дурново, вскорѣ послѣ помянутаго засѣданія, въ которомъ генералъ-адъютантъ отрекся отъ своихъ монархическихъ убѣжденій, былъ захваченъ анархистами, устроившими тамъ свою штабъ-квартиру. Богатѣйшая библіотека, находившаяся тамъ, была разграблена; дверные и оконные золоченые приборы вырваны изъ своихъ мѣстъ и совершенно открыто распродавались вмѣстѣ съ книгами на примыкавшихъ улицахъ. Напрасны были сѣтованія и жалобы гласнаго на грабежъ. Правительство бездѣйствовало и не принимало ника-

кихъ мѣръ и только когда стали ежедневно писать о подвигахъ анархистовъ въ повседневной прессѣ, и дѣло грозило принять размѣры общественнаго скандала, (появились замѣтки даже въ заграничной печати) Министръ Юстиціи Керенскій пригласилъ къ себѣ прокурора Судебной Палаты и далъ ему порученіе . . . не о томъ, чтобы возстановить законный порядокъ, привлечь къ отвѣтственности анархистовъ, нетерпимыхъ ни въ одномъ государствѣ, — нѣтъ, онъ поручилъ прокурору . . . подыскать новое помѣщеніе для анархистовъ.

Послѣ захвата власти большевиками, П. П. Дурново продолжалъ жить въ своемъ особнякѣ № 18 на Англійской набережной. У него было свыше 20 -ти обысковъ. Товарищи обыскивали его съ ногъ до головы, бросали на диванъ, плевали въ лицо, били по щекамъ. Наконецъ, старикъ не выдержалъ всѣхъ этихъ издѣвательствъ и умеръ.

Послѣ избранія Ю. Н. Глѣбова Городскимъ Головою, освободилась вакансія второго товарища Головы. Новый Городской Голова сразу взялъ дирижерскій тонъ, заявивъ, что онъ, первый революціонный Городской Голова, считаетъ нужнымъ обратить вниманіе собранія на то, что теперь въ Городскую Думу вошелъ новый элементъ — рабочіе. По той роли, которую они исполняли во время ниспроверженія самодержавнаго строя, рабочіе совершенно справедливо претендуютъ на участіе въ управленіи городскими дѣлами и при томъ не въ качествѣ пассивныхъ гласныхъ, но въ качествѣ рапорядительнаго органа Городской Управы. Теперь у насъ освободилась должность второго товарища Городского Головы и они требуютъ выбрать на эту вакансію своего товарища, для чего и указываютъ своего кандидата. «И вы должны,» повысивъ голосъ продолжалъ Городской Голова — «удовлетворить это требованіе и, разумѣется, выбрать то именно лицо, которое намѣтили рабочіе, иначе утратился бы весь смыслъ ихъ предложенія. Да и какого кандидата Вамъ еще нужно? Рекомендуемый рабочими, Никитскій, самый подходящій кандидатъ. Онъ получилъ основательную подготовку для занятія должности Товарища Городского Головы: онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и пробылъ на каторгѣ, въ общей сложности, свыше двадцати лѣтъ.»

Послѣ такой характеристики условій, требуемыхъ отъ лицъ, желающихъ занять должность Товарища Городского Головы, — я нашелъ, что для меня также наступило время сказать нѣсколько словъ:

«Такъ какъ теперь,» сказалъ я, «совершенно измѣнились условія, при которыхъ до сихъ поръ, по закону, протекала служба по выборамъ въ Петроградскомъ городскомъ общественномъ управленіи, измѣнились требованія, предъявляемыя къ лицамъ, занимающимъ выборныя должности, да и самый составъ Думы значительно измѣнился, будучи пополненъ элементомъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ, — я нахожу, что не только должны быть произведены выборы на открывшуюся вакансію Товарища Городского Головы, но что вообще и всѣ лица, занимающія выборныя должности, начиная съ перваго Товарища Городского Головы, должны быть переизбраны. Я же, съ своей стороны, не имѣя того стажа, который апробируется теперь для выборныхъ лицъ, какъ это пояснилъ первый революціонный Голова, отказываюсь отъ занимаемой мною должности.»

Кандидатъ, рекомендованный рабочими, былъ предложенъ записками и затѣмъ въ слѣдующемъ засѣданіи избранъ Товарищемъ Головы. Дѣятельность «рабочаго Товарища Головы» началась съ того, что онъ усиленно сталъ проводить прибавки къ получаемому рабочими содержанію. Благодѣтельствованіе за чужой счетъ — было единственнымъ орудіемъ, которымъ, въ цѣляхъ увеличенія своей популярности, располагали новые «отвѣтственные» работники. Въ скоромъ же времени къ Никитскому, узнавъ про его щедрость за общественный счетъ, стали являться одна за другою депутаціи отъ рабочихъ съ прошеніями о прибавкахъ. Такъ, помню, пришли рабочіе городского ассенизаціоннаго обоза и требовали прибавить къ получавшемуся ими, при готовой квартирѣ и рабочей одеждѣ, содержанію въ пятьдесятъ рублей, еще девяносто рублей. Никитскій тотчасъ же поставилъ ихъ на надлежащіе рельсы: «вамъ прибавка въ 90 рублей, за вашъ каторжный трудъ? Просите прибавку, хотя въ 150 рублей.» Рабочіе ухмыльнулись, почесали въ затылкѣ и переписали свое прошеніе въ сосѣднемъ трактирѣ, прося уже не 90, а 200 рублей прибавки, каковые и были даны Управою, а Городской Думѣ объ этомъ было доложено лишь для свѣдѣнія, какъ о совершившемся фактѣ. Когда я обратилъ вниманіе Городского Головы на то, что такой расточительности не выдержитъ никакая касса, онъ отвѣтилъ: «денегъ достанемъ» — Гдѣ же и какъ можно достать деньги? — спросилъ я. «Банки дадутъ» былъ отвѣтъ, «а не дадутъ, такъ рабочіе возьмутъ силою.»

Послѣ этого отвѣта, я понялъ, что продолжать разговоръ на эту тему съ революціоннымъ Городскимъ Головой безполезно. Но ни

съ чѣмъ не сообразными прибавками рабочимъ, Никитскій, очевидно, не ограничился въ своей дѣятельности. Ю. Н. Глѣбовъ впослѣдствіи жаловался на то, что Никитскій «чортъ знаетъ, что натворилъ въ Управѣ.»

Первыя реформы пополненнаго состава Думы заключались въ увольненіи всѣхъ чиновъ наружной полиціи (хотя увольнять въ сущности было некого, такъ какъ всѣ они были перестрѣлены или скрылись), и замѣнѣ ихъ надежными, соотвѣтствующими духу революціи, элементами, съ переименованіемъ полиціи въ милицію, а также въ подчиненіи Градоначальника Городскому Головѣ, въ качествѣ его Товарища. Градоначальникомъ Временное Правительство назначило профессора Военно-Медицинской Академіи, занимавшаго кафедру сифилидологіи. Новый Градоначальникъ, Юрьевичъ, не возражалъ противъ подчиненія его Городскому Головѣ и прибылъ въ Думу неизвѣстно для чего, вѣроятно, съ цѣлью произнести, соотвѣтствующую моменту, рѣчь о побѣдоносномъ шествіи революціи. Градоначальникъ, видимо, во время произнесенія рѣчи въ Городской Думѣ, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, очень смущался, и постоянно останавливался, теръ себѣ лобъ при подысканіи, терминовъ, восхвалявшихъ революцію.

Вновь созданная милиція была признана городскимъ учрежденіемъ, изъята изъ вѣдѣнія Градоначальника и ея начальникомъ былъ избранъ Городскою Думою гласный, архитекторъ, Д. А. Крыжановскій, ранѣе признававшійся Городскою Думою непригоднымъ ни на какую выборную должность. Въ помощь себѣ, онъ пригласилъ рабочихъ, съ которыми просиживалъ съ утра и до поздняго времени за обсужденіемъ разныхъ новыхъ для него и для нихъ вопросовъ о безопасности столицы въ полицейскомъ отношеніи. О полиціи благосостоянія, конечно, никто не думалъ и понятія не имѣлъ. Да и весь смыслъ углубляемой революціи состоялъ въ уничтоженіи благосостоянія гражданъ.

Гдѣ же былъ взятъ и изъ кого состоялъ новый кадръ лицъ, привлеченный къ охранѣ столицы и замѣнившихъ наружныхъ чиновъ полиціи? Мировой Судья, Н. А. Окуневъ, вѣдавшій дѣлами малолѣтнихъ преступниковъ въ Петроградскомъ столичномъ мировомъ округѣ, мнѣ разсказывалъ, что, проходя по улицамъ Петрограда, онъ замѣтилъ много молодыхъ людей, подростковъ, 17—18 лѣтъ, съ винтовками черезъ плечо, физіономіи которыхъ показались ему знакомыми. Вглядываясь пристально и припоминая, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ ихъ видѣлъ, онъ во многихъ изъ нихъ приз-

навалъ малолѣтнихъ преступниковъ, судившихся у него ранѣе за кражи, растраты, присвоенія и мошеничества и вообще за проступки, влекущіе за собою тюремное заключеніе.

Первыя дѣйствія, которыми ознаменовали себя малолѣтніе милиціонеры, была экономическая забастовка съ требованіемъ, предъявленнымъ къ городу, утроить опредѣленный имъ окладъ жалованья. Дабы не оставить столицу совершенно беззащитною противъ усилившихся кражъ и грабежей, Городская Дума поторопилась удовлетворить требованія забастовщиковъ.

Большую сенсацію въ Городской Думѣ, да и въ городѣ также, произвела высказанная кѣмъ то мысль о торжественномъ погребеніи жертвъ революціи. Дабы не отставать отъ западно-европейскихъ революціонныхъ образцовъ и въ этомъ случаѣ, рѣшили устроить такъ называемые «гражданскіе похороны.» Цѣлыя два засѣданія Дума посвятила выбору мѣста и установленію ритуала погребенія. Въ качествѣ экспертовъ были приглашены городскіе инженеры и архитекторы для обсужденія вопроса о планировкѣ, окружающей новое кладбище, мѣстности, о ея украшеніи, а равно о внѣшнемъ видѣ могилъ. Мѣстомъ погребенія была избрана площадь Царицына Луга, а, чтобы кладбище не оказалось вреднымъ въ санитарномъ отношеніи, рѣшили устроить, для помѣщенія гробовъ, особые цементные склепы. Затѣмъ приступили къ выработкѣ программы погребенія, но, главное—программы демонстративнаго несенія по улицамъ красныхъ гробовъ съ красными покойниками изъ различныхъ частей города, гдѣ были найдены жертвы. Эти процессіи, захвативъ почти весь городъ должны были направиться къ новому кладбищу, на Царицыномъ Лугу, ближе къ Михайловскому скверу. Объ одномъ только забыли,—не оказалось покойниковъ, ради которыхъ устраивалась вся церемонія гражданскихъ похоронъ, ибо со времени перестрѣлки, въ концѣ февраля, прошло уже около двухъ недѣль и тѣла жертвъ были преданы землѣ. Такая мелочь не могла конечно остановить людей, дѣлавшихъ революцію, да надъ этимъ фактомъ никто особенно и не задумывался. Покойники были позаимствованы изъ городскихъ больницъ, въ которыхъ въ свое время скончались отъ ранъ доставленные туда революціонеры, похороненные больничнымъ начальствомъ въ общеустановленномъ порядкѣ, т. е. съ отпѣваніемъ по церковному обряду. Чтобы не было особыхъ разговоровъ, были взяты изъ больницъ тѣла умершихъ, не имѣвшихъ родственниковъ, которые приходили бы ихъ навѣщать и освѣдомляться о здоровіи, а слѣдовательно и о ихъ смерти. Дѣла-

лось это по частному соглашенію съ больничными служителями. За каждый трупъ было, какъ говорили, уплочено, или по крайней мѣрѣ, отпущено для уплаты, по 50 рублей. Отчасти сошли за тѣла революціонеровъ и тѣла тѣхъ городовыхъ, которыхъ «безкровная» революція продолжала разстрѣливать, гдѣ только могла.

Послѣ того, какъ Городская Дума, согласно плану, выработанному крайними лѣвыми партіями, явилась цитаделью революціи, сыгравъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ, распространяя идеи соціалистическаго характера и даже создавая необходимые для революціи кадры, она послѣ 1-го Марта 1917 года сдѣлалась моднымъ мѣстомъ для словесныхъ упражненій лицъ, желавшихъ прославиться въ качествѣ активныхъ общественныхъ дѣятелей. Почти каждый изъ нихъ считалъ нужнымъ сказать хотя бы одну рѣчь, если не въ самомъ залѣ засѣданій Думы, то хотя бы въ сосѣднемъ Александровскомъ, гдѣ ранѣе устраивались пріемы и рауты въ честь иностранныхъ и иныхъ почетныхъ гостей. Кстати и помѣщеніе Александровскаго зала было втрое больше Николаевскаго, въ которомъ засѣдала Дума. Около портрета Императора Николая II (съ первыхъ же дней революціи закрытаго, подобно всѣмъ остальнымъ портретамъ Царей и Царицъ, холстомъ), находилась трибуна, съ которой митинговые ораторы и стали произносить свои рѣчи. Послѣднія имѣли предметомъ одну и ту же тему : колоссъ на глиняныхъ ногахъ, гнилой монархизмъ, рухнувшій подъ единодушнымъ напоромъ народной воли и т. п. Словомъ, это было пережевываніемъ того, что писалось въ партійныхъ революціонныхъ воззваніяхъ и въ періодической печати. Когда же, среди повседневной дѣйствительности, выплывали неудачныя распоряженія Временнаго Правительства (а они всѣ были неудачны), то ораторы обиженнымъ тономъ доказывали, что такъ и нужно было ожидать и что во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что за наслѣдство выпало на долю Временнаго Правительства послѣ умершей монархической власти. На это, конечно, можно было возразить съ неменьшимъ резономъ, что когда наслѣднику достается невыгодное наслѣдство, съ которымъ онъ не въ силахъ справиться, то отъ него зависитъ отъ принятія таковаго отказаться. Но этотъ доводъ говорилъ противъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые серьезно полагали, что они именно и являются настоящими государственными людьми, лучше другихъ понимающими интересы своей родины.

Наиболѣе характерную рѣчь передъ пестрою толпою самой

разнообразной публики сказалъ въ Александровскомъ залѣ членъ Государственной Думы, В.М. Пуришкевичъ, одновременно состоявшій и гласнымъ Городской Думы. Эта рѣчь была произнесена вечеромъ того дня, когда лакеи Императорскихъ Дворцовъ, извѣстные всему городу своими кражами съ Царскаго стола фруктовъ, свѣчей и винъ, которые они затѣмъ продавали почти открыто по дешевымъ цѣнамъ (и находили покупателей) собрали между собою 187 рубл. и гуськомъ по набережной Невы отправились въ Зимній Дворецъ предложить эти деньги Керенскому *на нужды революціи*. Этотъ лакейскій поступокъ на другой день петербургская пресса не приминула использовать въ цѣляхъ революціи, указывая, что даже лакеи не выдержали монархическаго режима и сборомъ денегъ на нужды революціи поспѣшили протестовать противъ существовавшаго при этомъ режимѣ гнета.

Въ такомъ же смыслѣ, какъ утренній лакейскій поступокъ по сбору денегъ на нужды революціи, была использована прессой и рѣчь В. М. Пуришкевича. Членъ Государственной Думы отъ Бессарабской губерніи отличался, какъ извѣстно, крайне правымъ направленіемъ. Всѣ его рѣчи въ Государственной Думѣ были направлены противъ лѣвыхъ теченій и проникнуты любовью къ Царю и Императорскому Дому. Въ Городской Думѣ онъ принадлежалъ къ партіи стародумцевъ и посѣщалъ собранія. Вполнѣ понятно поэтому любопытство толпы, собравшейся послушать этого праваго оратора, что то онъ скажетъ, какъ вывернется въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ наступившіе тяжелые для Россіи дни. Однако, нѣтъ такого затруднительнаго положенія, изъ котораго изворотливый человѣческій умъ не нашелъ бы выхода. Увлеченный жаждой славы и стремленіемъ играть роль и при создавшейся обстановкѣ, правый депутатъ, къ общему изумленію, избралъ темой своей рѣчи личность Императрицы Александры Федоровны. Называя Ее злымъ геніемъ Россіи, онъ обвинялъ Ее въ сношеніяхъ съ Германцами, въ сообщеніи имъ плановъ по передвиженію и времени перехода нашихъ войскъ въ наступленіе, говорилъ, что по ея указаніямъ, не были посланы на фронтъ пулеметы, оказавшіеся будто бы во время революціи разставленными на крышахъ и на чердакахъ высокихъ домовъ, для обстрѣла возставшаго народа, а между тѣмъ пулеметы были такъ нужны въ сраженіяхъ при Карпатахъ, гдѣ былъ вообще недостатокъ въ вооруженіи и въ патронахъ, такъ что солдаты вынуждены были «кольями и камнями отбиваться отъ насѣдавшаго непріятеля. Вотъ эти то обстоятельства, уже давно состав-

лявшія предметъ городскихъ сплетенъ и были повторены и съ дрожью въ голосѣ подробно развиты въ рѣчи В. М. Пуришкевича.

Для Пуришкевича его рѣчь имѣла свой результатъ: онъ собралъ шумныя, хотя и дешевыя рукоплесканія толпы, а на другой день имѣлъ удовольствіе прочесть въ газетахъ о томъ, что даже такой правый депутатъ, какъ онъ, не смогъ выдержать гнета царизма и счелъ своимъ патріотическимъ долгомъ разоблачать темныя дѣянія монархіи.

Таковъ удѣлъ и такова судьба русской революціи, которая захватила почти всѣхъ и все.

Все, рукоплеща, неслось и мчалось вслѣдъ за ея торжествующей колесницей. «Великой и безкровной» величали ее временные скоморохи. Казалось, нѣтъ ничего равнаго ей въ силѣ . . .

Д. Демкинъ.

9-го Ноября 1293 года.

Люди-Звѣри

Баронессы М. Д. ВРАНГЕЛЬ.

Если бы каждый изъ насъ, очевидцевъ эпохи большевизма, хоть бы одинъ фактъ имъ пережитый, или ему достовѣрно извѣстный, объ изувѣрствахъ большевиковъ, — занесъ бы на страницы печати, — какой бы грандіозно-чудовищный памятникъ современнымъ героямъ, исчадіямъ ада, былъ бы оставленъ потомству.

Бѣжала я изъ Петрограда, въ концѣ октября 1920 г., стало быть, пережила тамъ эпоху разгара разстрѣловъ: послѣ убійства Урицкаго, было разстрѣляно несчетное число лицъ, преимущественно офицеровъ, хотя Урицкій былъ убитъ евреемъ, ничего общаго съ офицерской средой не имѣвшимъ. Затѣмъ настали безконечные Кронштадскіе разстрѣлы, далѣе, уничтоженіе цѣлаго ряда выдающихся дѣятелей кадетской партіи, объявленныхъ внѣ закона. Разстрѣлы безъ всякаго предъявленія обвиненія Великихъ Князей: Павла Александровича, Николая и Георгія Михаиловичей, Дмитрія Константиновича. Разстрѣлы послѣ убійства Володарскаго и т. д. — Нѣсть числа.

Людей разстрѣливали, какъ воробьевъ. До этого томили въ тюрьмахъ и истязяли. Все это совершалось на почвѣ политическаго и классоваго изувѣрства.

Воздухъ, насыщенный кровавыми міазмами, отравилъ и огрубилъ душу и сердце простого, полудикаго русскаго человѣка, по существу несомнѣнно добродушнаго и, какъ казалось до сихъ поръ, богобоязненнаго.

Нижеслѣдующій мой разсказъ — яркая иллюстрація чудовищнаго озвѣрѣнія русскаго человѣка въ дни большевизма.

Этотъ характерный эпизодъ, трагическій разстрѣлъ, при потрясающей обстановкѣ, нашего племянника барона Г. М. Врангель.

***

Баронъ, Георгій Михаиловичъ Врангель, владѣлецъ большого имѣнія «Торосово», близъ станціи «Волосово» Балтійской ж. д., въ двухъ съ половиной часахъ отъ Петрограда, — жилъ въ деревнѣ безъвыѣздно.

Онъ былъ удивительно добродушный, безобидный человѣкъ. Политикой не занимался. Образцовый семьянинъ, увлекался молочнымъ хозяйствомъ. Былъ любимъ крестьянами.

Въ дни подхода красныхъ войскъ къ Ямбургу, по пути, то и дѣло отдѣлялись небольшіе отрядики, расползались по деревнямъ и, чтобы потѣшиться, грабили и убивали помѣщиковъ.

Однажды въ зимнюю ночь, очень морозную, одинъ изъ такихъ отрядиковъ пробрался въ Торосовскій паркъ и черезъ террасу ворвался въ домъ, выбивъ окна.

Перепуганная семья, состоявшая изъ 70-ти лѣтней старухи матери, племянника, его жены и 4-хъ дѣтей, малъ-мала меньше, бросилась, въ чемъ были, въ комнату, гдѣ уцѣлѣли стекла и заперлась на замокъ.

А буйная ватага носилась по дому и подвергала грабежу и разрушенію все, что было подъ рукой: взламывала ящики, содержимымъ наполняла карманы, вязала въ узлы.

Висѣвшимъ по стѣнамъ изображеніямъ предковъ, зачѣмъ то повыкололи глаза.

Разбивали въ мелкіе куски Севрскій фарфоръ. Прекрасную мебель XVIII-го столѣтія превращали прикладами ружей въ щепы, Рояль разбили въ дребезги.

Когда уничтожать ничего не осталось, хватились хозяевъ. Наткнулись на запертую дверь. Бросились разбивать уцѣлѣвшія окна. Какъ ураганъ влетѣли въ комнату, гдѣ полумертвые отъ перепуга сидѣли, прижавшись другъ къ другу, несчастные родители и дѣти.

Красноармейцы крикнули: «А гдѣ-жъ мерзавецъ этотъ?» и, увидѣвъ племянника, вытащили его, поставили къ стѣнкѣ, прицѣлились и, не смотря на отчаянные крики жены и матери и плачъ дѣтей,

выстрѣлили, но промахнулись, раздробивъ лишь руку, которая повисла, какъ плеть, выстрѣлили вторично и убили его наповалъ.

Старуха мать, бросившаяся къ сыну, тутъ же свалилась безъ чувствъ.

Оторвали жену племянника отъ дѣтей, выгнали на морозъ, объявили ей, что можетъ идти на всѣ четыре стороны, дѣтей ей не дадутъ.

«А кто посмѣетъ ее взять въ хату», крикнулъ главарь, «хату спалимъ».

Тутъ же стоявшая дворня и любопытствующіе—безмолствовали.

Дѣти, старшему — семь лѣтъ, младшему — одинъ годъ, какъ затравленные звѣрьки, забились въ уголъ и, какъ разсказывала мнѣ мать, сами себѣ зажимали ротъ рученками, что бы не кричать.

Ихъ вытащили изъ комнаты и что бы за потѣху придумали съ ними — не знаю, но только староста, старикъ, жившій въ домѣ 45 лѣтъ, бросился въ ноги разбойникамъ и сталъ молить отдать дѣтей ему.

«Ну что-жъ, коль охота, бери щенятъ къ себѣ», смилостивились они.

Заикнулся было старикъ: «Нельзя ли молъ позвать священника» «Тащи, тащи, шута гороховаго,» крикнули они «Здѣсь деревьевъ много, пусть попляшетъ на первомъ суку...»

«А хоронить мы будемъ сами. Барону и честь баронская», объявили они... и швырнули покойника на балконъ, совсѣмъ обнаживъ его.

Несчастная жена его, всю ночь провела въ лѣсу, подъ деревомъ. Старикъ староста хоть успѣлъ ей сунуть теплый платокъ, чтобы на лютомъ морозѣ укрыться немного.

Какъ стало свѣтать, она поплелась въ женскій монастырь, расположенный вблизи. Тамъ монахини отогрѣли и накормили ее.

Проживъ у нихъ три дня, она рѣшила пойти справиться о дѣтяхъ, а также хотѣла узнать, гдѣ похороненъ ея мужъ.

На зарѣ, крадучись, она пробралась къ старостѣ. Отъ него узнала, что тѣло до сихъ поръ не похоронено, валяется на террасѣ, но, повидимому, сегодня что-то будетъ, такъ какъ съ вечера понаѣхала цѣлая ватага.

Племянница моя умолила старика дать ей возможность, хоть однимъ глазкомъ взглянуть, что будутъ творить съ ей дорогимъ трупомъ.

Старикъ далъ ей теплую кофту своей старухи, голову она за-

кутала въ теплый платокъ и замѣшалась въ толпу любопытствующихъ.

Долго пришлось ждать, пока это отребье рода человѣческаго изволило проснуться.

И вотъ, одинъ за однимъ, повыползала разбойничья ватага на террасу.

Вташили ящикъ, наскоро сколоченный изъ досокъ. Съ прибаутками и хохотомъ подняли закоченѣлый трупъ, поставили его; двое для поддержки подхватили его подъ руки.

Такъ какъ, вѣроятно, широко застывшіе глаза смущали ихъ, одинъ подошелъ и проткнулъ чѣмъ-то покойнику глаза.

Въ полуоткрытый ротъ вставили окурокъ. Все это сопровождалось дикимъ хохотомъ и циничными остротами.

Затѣмъ раздалась команда, всѣ схватились за руки и въ сатанинскомъ экстазѣ, распѣвая садистскія пѣсни, изувѣры кружились и плясали вокругъ трупа, какъ исступленные.

Были-ли они пьяны съ утра или звѣрство опьянило ихъ — не знаю.

Намаялись.

Раздалась команда: «Вали, вали его». Такъ какъ ящикъ оказался коротковатъ, они съ гикомъ стали трупъ туда забивать прикладами, какъ тушу.

Новый окрикъ: «Становись въ очередь».

Распорядитель подошелъ и плюнулъ.

«Барону, баронская честь», гаркнулъ онъ. То же продѣлали за нимъ остальные.

На этомъ церемоніалъ былъ законченъ.

Церемоніймейстеръ обратился къ глазѣющимъ.

«Эй, кто хочетъ, тащи эту падаль въ помойную яму», и съ грохотомъ и улюлюканьемъ, со всего размаха, по ступенямъ террасы, скатили ящикъ въ садъ.

Подошелъ старикъ староста, за нимъ цѣпляясь дѣтишки, втащилъ ящикъ на приготовленныя имъ розвальни. Усыпалъ ящикъ еловыми вѣтвями... Взялъ годовалаго на руки, другихъ посадилъ подлѣ ящика, и пошелъ хоронить поруганнаго....

Выраженіе лица, разсказывавшей мнѣ это жены его, безъ единой слезинки, неописуемо и незабываемо...

Этотъ разсказъ подтвердилъ мнѣ и дополнилъ старшій братъ покойнаго, вскорѣ послѣдовавшій за нимъ.

Спустя два мѣсяца, онъ былъ призванъ для регистраціи. Вступить въ красную армію отказался и, какъ контръ-революціонеръ, былъ разстрѣлянъ.

***

Злоключенія несчастной женщины съ разстрѣломъ мужа не кончились.

Выгнанная изъ имѣнія, съ четырьмя дѣтьми, она перебралась въ Петроградъ.

И вотъ, неся усиленную физическую работу, стоя въ хвостахъ, живя съ дѣтишками впроголодь, изнемогая отъ холода, она влачила свои печальные дни. Я никогда не забуду, какъ однажды она навѣстила меня. Зеленая, изможденная, унизанная дѣтьми: одинъ на одной рукѣ, другой на другой и два держались за платье.

Старшій, семилѣтній мальчикъ, обожалъ отца. Отъ нервнаго потрясенія, плохого питанія онъ таялъ съ каждымъ днемъ и, наконецъ, заболѣлъ дизентеріей.

Лѣчить его дома и питать, — средствъ не было, и несчастная мать, заручившись содѣйствіемъ знакомаго доктора, помѣстила ребенка въ больницу.

Положеніе его было очень серьезное. Высокая температура въ конецъ изнурила его хилое тѣльце. Мальчикъ метался, въ бреду неустанно призывалъ отца. Несмотря на самое внимательное отношеніе врача, онъ видимо угасалъ.

Какъ то разъ, придя въ сознаніе, мальчикъ увидѣвъ плачущую мать, сказалъ: «Мамочка, милая, не плачь, я къ Боженкѣ пойду, тамъ папочку увижу».

И вотъ однажды вечеромъ во время обхода доктора, въ присутствіи сидѣлки, докторъ съ сердечнымъ участіемъ, сказалъ матери: «Мнѣ больно Васъ огорчить. Положеніе ребенка безнадежно, онъ едва ли доживетъ до утра». Молча пожала она его руку. Докторъ ушелъ.

Несчастная мать припала къ ребенку, осыпая его поцѣлуями. Какъ вдругъ, надъ ухомъ ея раздался рѣзкій, вульгарный окрикъ сидѣлки: «Ну будетъ, будетъ лизаться», и она, схвативъ ребенка за ноги, потянула его. Ребенокъ вздрогнулъ, онъ еще дышалъ, держалъ мать за руку. На встревоженный вопросъ, потрясенной горемъ, матери: «Бога ради, оставьте, что вы хотите дѣлать съ нимъ?» сидѣлка грубо крикнула: «Да нешто не слышала, докторъ сказалъ,

что ему крышка, сейчасъ ноги протянетъ. Что мѣсто-то занимать. чего тутъ возжаться? Новой дохлятины понатащили во-сколько, мѣстовъ больше нѣтъ». И не смотря на отчаянныя мольбы матери, вырвала ребенка изъ ея рукъ и потащила въ мертвецкую.

Мать бросилась за ней.

Добѣжавъ, она увидѣла потрясающую картину...

Въ комнатѣ лежали горы обнаженныхъ труповъ, которые за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ и гробовъ ждали очереди быть похороненными. Среди нихъ было много уже разложившихся, воздухъ стоялъ смрадный.

Отыскавъ своего ребенка, она взяла его въ свои объятія...

По счастью, черезъ полъ часа онъ умеръ.

Подобными иллюстраціями, рисующими злосчастное существованіе обывателей нашей Страдалицы-Родины, можно бы наполнить цѣлые тома.

Конечно, каждый изъ насъ знаетъ, что терроръ это только одинъ изъ острыхъ шиповъ терноваго вѣнца нашей Отчизны.

Баронесса М. Д. Врангель.

Жизнь безъ Царя.

Авторъ записокъ, подлинный солдатъ изъ крестьянъ, проживаетъ въ гор. Трондхеймѣ, въ Норвегіи, гдѣ состоитъ сторожемъ при лѣсопильномъ заводѣ.

За недостаткомъ мѣста записки печатаются съ пропускомъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отдѣловъ, но никакой литературной обработкѣ не подвергались. *(Ред.)*.

Отслужилъ я дѣйствительную военную службу четыре года въ Пограничной стражѣ. Не прожилъ я и четырехъ лѣтъ на свободѣ, какъ оказался опять въ сѣрой шинели; побывалъ на Германскомъ фронтѣ, а потомъ на Австрійскомъ. Два раза меня ранили и осенью 1916 года я опять былъ въ своемъ 125 Курскомъ полку, который стоялъ въ это время въ Карпатахъ, на Черной Горѣ. Это была не Черная, а Чертова гора, какъ всѣ солдаты ее называли, которые стояли на ней. И на этой горѣ, въ первыхъ числахъ Марта 1917 года, мы узнали, что Царь отрекся отъ престола и на Его мѣстѣ существуетъ Временное Правительство. Почему отрекся Царь, никто не зналъ и никто не объяснялъ. Многіе говорили, какъ же теперь будетъ безъ Царя, вѣроятно, скоро выберутъ другого. Но вообще, стоя на Черной горѣ, не задавались никакой политикой, потому что было не до политики, заѣдали паразиты, отъ которыхъ не было никакого спасенія; были всѣ голодные, холодные и измученные, стоя на такомъ проклятомъ мѣстѣ; и у каждаго были только однѣ мысли: ,,эхъ, кабы Богъ далъ, поскорѣе бы убили или ранили, только бы не мучиться здѣсь.» Молили себѣ болѣзни какой-нибудь, лишь бы уйти съ Горы. Какая была жизнь на Черной Горѣ, не то что описать, но и разсказать невозможно: зналъ только одинъ Богъ да солдаты тѣ, которые на ней стояли.

Стали ходить слухи, что скоро не будемъ называть офицеровъ «Высокоблагородіе» и генераловъ «Превосходительство», а всѣхъ одинаково «господинъ генералъ или капитанъ,» какой имѣетъ чинъ. Но такимъ слухамъ многіе совершенно не вѣрили, а наоборотъ,

говорили, «какъ же это такъ, развѣ можно назвать генерала господиномъ, этого никогда не будетъ.» Слухи носились, а фактически никто не зналъ. Ротный командиръ не объявлялъ и приказовъ такихъ не было и всѣ титуловали все по старому.

10 марта ротный объявилъ, что 13 марта насъ съ позиціи смѣнятъ и мы пойдемъ въ глубокій резервъ, на отдыхъ. И такой неожиданной радости не было границъ: кто плясалъ, кто пѣсни пѣлъ, свистали, кричали, даже отъ такой радости и про голодъ забыли и какъ будто паразиты не кусали. И съ нетерпѣніемъ стали ждать, когда придетъ 13 марта. Дѣйствительно 13 марта пришла намъ смѣна. Которые насъ смѣняли, они называли своихъ офицеровъ по новому, т. е. «господинъ». На нашъ вопросъ, почему они своихъ офицеровъ такъ называютъ, они отвѣтили, что у нихъ читали приказъ отъ Временнаго правительства, чтобы называли по новому, т. е. господинъ, а не благородіе.

14 марта мы уже были внизу, гдѣ уже снѣга не было, а стояла теплая, хорошая погода, и показывалась зеленая травка, а къ вечеру мы остановились въ какой то деревнѣ ночевать, и тутъ въ теплыхъ избахъ почувствовали себя, какъ въ раю. Не успѣли напиться чаю, какъ всѣ принялись за истребленіе своихъ паразитовъ. У кого было бѣлье чистое, тотъ надѣвалъ, а съ себя жегъ или бросалъ куда-нибудь въ яму, такъ какъ стирать было некогда, а утромъ нужно было идти дальше. Вечеромъ послѣ ужина преспокойно стали укладываться спать. Вдругъ отворилась въ нашу избу дверь и входитъ ротный, полуротный и привели какого-то солдата. Ротный приказалъ двумъ солдатамъ собраться и охранять солдата, котораго они привели. Солдатъ былъ не нашего полка, а былъ изъ обоза другой дивизіи. Причина была такая, что солдатъ нашего ротнаго назвалъ не «Ваше благородіе,» а «господинъ штабсъ-капитанъ». И вотъ за это онъ его арестовалъ. Солдатъ говорилъ, что у нихъ дѣйствительно былъ приказъ и, согласно приказу, онъ и называетъ. И пока солдаты собирались, а съ ротнаго сошла горячка и онъ отпустилъ солдата. Утромъ 15-го полкъ былъ построенъ и пріѣхалъ нашъ командиръ полка съ нами прощаться, такъ какъ его переводили въ другую дивизію. Командиру полка отвѣчали тоже по старому. Командиръ также ничего новаго не сказалъ, пожелалъ намъ всего хорошаго, поблагодарилъ за службу и съ громкимъ «ура» проводили мы своего командира. И нашъ полкъ двинулся въ походъ къ мѣсту своего назначенія.

16 марта нашъ полкъ пришелъ въ «Великіе Ключи», гдѣ и было

наше мѣсто для отдыха. Одинъ день дали намъ отдыху. Этотъ день исключительно занимались паразитами, а потомъ, по обыкновенію, погнали на занятія. Приказъ былъ отъ начальника дивизіи заниматься по семи часовъ въ день, что, конечно, точно исполняли. Потомъ была присяга Временному Правительству, принимали всѣмъ полкомъ. Послѣ присяги стали называть офицеровъ по новому.

Числа 20-го пріѣхалъ къ намъ Начальникъ дивизіи; былъ построенъ полкъ съ винтовками, а офицеровъ поставили отдѣльно, шагахъ въ пятидесяти отъ солдатъ. Начальникъ дивизіи сперва подошелъ къ офицерамъ и долго съ ними говорилъ. Что онъ съ ними говорилъ, для солдатъ было неизвѣстно. Когда закончилась бесѣда съ офицерами, офицеры заняли свои мѣста и начальникъ дивизіи подошелъ къ полку. Когда начальникъ дивизіи разговаривалъ съ офицерами, это время нѣкоторые солдаты шныряли по ротамъ и предупреждали, чтобы отвѣчать не «Превосходительство,» а «господинъ генералъ»; но этотъ новый отвѣтъ почему то многихъ солдатъ смущалъ, считали очень неудобнымъ называть «г. генералъ». Даже, когда стали своихъ офицеровъ называть «господинъ», и то безъ привычки было некрасиво, а тутъ сразу генерала, начальника дивизіи, котораго не видѣли мѣсяцевъ шесть, такъ какъ у насъ на Черной Горѣ на позиціи командира полка никогда не видѣли, не то что начальника дивизіи.

По командѣ всѣ взяли на караулъ и, когда услышали «здорово герои Курцы», то отвѣтили: «здравія желаемъ Ваше Превосходительство», но многіе крикнули «господинъ генералъ». По командѣ составили винтовки, окружили начальника дивизіи, который приказалъ сѣсть всѣмъ на травѣ и началъ разсказывать. Разсказывалъ долго, часа два, и говорилъ не прямо, а все больше намеками; между прочимъ, разсказалъ такой анекдотъ: «При распутной матери,» — говоритъ,» бываетъ въ домѣ тишина и порядокъ, а, какъ только выйдетъ эта распутная мать изъ дому, то эти ея тихіе и умные дѣти такой поднимутъ гвалтъ, что весь домъ перевернутъ вверхъ тормашками и унять ихъ некому, и сосѣди только посмѣиваются, смотрятъ, какъ летятъ изъ оконъ чашки, ложки и все, что попало; и вотъ какъ бы, — говоритъ, — намъ не очутиться въ такомъ положеніи. Въ тылу уже ходятъ съ какими то красными тряпками и это обозначаетъ кровь. И ихъ не то, что носить, а смотрѣть на нихъ грѣшно».

Когда кончилъ онъ свой разсказъ, то спросилъ, можетъ кто желаетъ высказать свои мнѣнія по поводу того, что онъ разсказывалъ и

просилъ выйти разсказать, но ни на какіе разсказы изо всего полка никто не вышелъ. Хотя и говорили, что свобода, но каждый чувствовалъ, что старый страхъ еще не прошелъ.

Вскорѣ мы узнали, что нашъ начальникъ дивизіи не пришелся ко двору нашему Временному Правительству и его пригласили въ Петропавловскую крѣпость.

Дня черезъ два послѣ начальника дивизіи сообщили, что пріѣдетъ командующій 8-ою арміей, генералъ Калединъ; а такъ какъ онъ не имѣетъ времени побывать въ каждомъ полку, то было приказано, чтобы со всѣхъ четырехъ полковъ были присланы выборные делегаты, по пяти человѣкъ отъ каждой роты и нѣсколько офицеровъ изъ полка. Сборнымъ пунктомъ указано было село Мишино, въ которомъ стоялъ Старооскольскій полкъ. Въ числѣ этихъ делегатовъ былъ и я. Когда мы пришли въ село, то увидѣли, что всѣ солдаты ходили съ красными бантами на груди. Меня очень заинтересовало, такъ какъ у насъ въ полку никакихъ красныхъ тряпокъ не было. Сталъ я разспрашивать солдатъ, почему они носятъ красныя ленточки; они разсказали, что у нихъ были какіе то студенты и велѣли нашить красныя ленты, въ знакъ революціи. Потомъ я спросилъ, сколько часовъ въ день занимается ихній полкъ. Они отвѣтили, что, какъ пришли на отдыхъ, занятій никакихъ не было: и какія теперь занятія. разъ свобода. Командиръ полка хотѣлъ было выгнать на занятія, такъ его арестовали и сейчасъ подъ арестомъ сидитъ; двухъ офицеровъ избили; нѣкоторые солдаты кинулись заступаться за офицеровъ, и имъ всыпали . . . и теперь ходятъ, ничего не дѣлаютъ и никто не заставляетъ. И дѣйствительно, видъ былъ у всѣхъ праздничный, вымылись, вычистились и, какъ будто совсѣмъ солдаты не нашей дивизіи.

Пріѣхалъ генералъ Калединъ. Построились мы, всѣ делегаты, также былъ построенъ и Старооскольскій полкъ, только отдѣльно отъ насъ, а выборные делегаты также построились съ нами. Генералъ Калединъ сперва подошелъ къ полку. Послѣ привѣтствія, сталъ выговаривать за происшедшее; нѣкоторые изъ солдатъ хотѣли было высказаться по дѣлу происшествія, но онъ строго приказалъ всѣмъ молчать и не разговаривать, такъ какъ онъ пріѣхалъ не для разговоровъ, а для объясненія настоящаго положенія. И это онъ объяснитъ выборнымъ делегатамъ; порядкомъ поругалъ Старооскольскій полкъ, потомъ подошелъ къ намъ. Съ нами тоже долго не разговаривалъ, уличалъ тѣхъ, кто возставалъ противъ своихъ офицеровъ, просилъ придерживаться порядка, не дѣлать никакихъ самосудовъ,

Какія будутъ распоряженія отъ Временного Правительства, все въ свое время будетъ доставляться, никакого приказа, никакого распоряженія задерживать не будутъ. Отъ насъ генералъ Калединъ зашелъ на короткое время въ штабъ полка, вѣроятно тамъ и былъ арестованный командиръ полка, и оттуда вышелъ, сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ.

Когда пришли мы въ свой полкъ, разсказали все, что слышали отъ Каледина. Потомъ было приказано выбирать комитеты, за чѣмъ дѣло и не стало: появились ротные и полковые комитеты. Потомъ появились и у насъ въ полку на нѣкоторыхъ красные бантики и въ каждой ротѣ было уже красное знамя съ разными надписями. Вскорѣ комитеты стали переизбирать, выбирать другихъ, т. е. лучшихъ, у которыхъ глотка по шире. Стали собираться какіе то митинги и этимъ митингамъ солдаты стали очень рады, не потому, что тамъ покричать или послушать какого-нибудь горлохвата, а потому что тамъ простоятъ и занятій не бываетъ. А занятія солдатамъ надоѣли хуже всего. Послѣ такого мученія, какое было на Черной Горѣ, нужно было какъ слѣдуетъ отдохнуть, а тутъ вмѣсто отдыха гонятъ на семичасовыя занятія.

Вскорѣ въ нашъ полкъ пріѣхали изъ Кіева какіе-то ораторы и велѣли собрать весь полкъ, что и было исполнено; въѣхали въ середину полка на автомобилѣ и съ него стали ораторствовать. Первый ораторствовалъ офицеръ въ чинѣ капитана, а потомъ солдатъ, за солдатомъ рабочій, а потомъ, послѣднимъ, гимназистъ. Изо всѣхъ четырехъ, больше всѣхъ ораторствовалъ солдатъ. Много я видѣлъ и слышалъ впослѣдствіи ораторовъ, но такихъ горлохватовъ не видалъ. Глотка, такъ глоточка была и на рожу поглядѣть, такъ такой у каторжанъ не скоро найдешь. Но мало физіономія отдѣлялась и у капитана. Тоже типикъ былъ своего рода; даже отъ праведныхъ трудовъ охрипъ. На послѣдяхъ заявилъ, что не знаетъ, хватитъ ли у него голоса для объѣзда всего корпуса. Вотъ до чего старался. Но я не знаю, хватило ли у него голоса или нѣтъ, но я вполнѣ увѣренъ, что у солдата, вѣроятно, еще много осталось. Всѣ четверо говорили на одну и ту же тему. Отъ каждаго только и слышно было «кровавый Николай», «Распутинъ», и грязныя слова на Императрицу и на Великихъ Княженъ. «И наслѣдникъ то, молъ, былъ не отъ Императора, а отъ Распутина, и Россію раззорилъ царизмъ до самаго основанія, и теперь только, при свободѣ, Россія будетъ воскресать и всѣ будемъ жить, какъ въ раю.» Царя свергнули недавно и дѣловъ надѣлали много. Такъ какъ оказалось

много лишней арміи, они уже это предусмотрѣли и лишнихъ отпустили на весеннія работы и хлѣба посѣютъ больше, чѣмъ при Царѣ; а теперь рѣшили выдавать не два съ половиной фунта, а только по два. Это только пока, до урожая, а тогда будутъ получать сколько угодно, т. е. безъ вѣса.

Такъ, чтобы всѣ знали, что дѣлается въ тылу, долженъ каждый полкъ выбирать хорошихъ делегатовъ и посылать въ разные города, чтобы они вездѣ побывали и все узнали, и такимъ образомъ, каждый солдатъ все будетъ знать, что дѣлается внутри Россіи.

Послѣ всѣхъ этихъ ораторовъ, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ всходили на автомобильную трибуну и тоже что то кричали, но ихъ совсѣмъ почти никто не слушалъ. Солдаты многіе промежъ себя говорили, что надо ихъ арестовать и узнать, кто они такіе и кто ихъ послалъ и какое имѣютъ право распускать тылъ; но солдаты одни не посмѣли этого слѣлать, а офицеры не примыкали къ солдатамъ. И такъ, эти ораторы уѣхали по добру здорову.

Проходилъ Великій постъ, ждали праздника Пасхи, нѣкоторымъ посчастливилось уѣхать въ отпускъ къ празднику, но такихъ счастливцевъ было мало, всего человѣкъ пять изъ роты.

А у насъ въ ротѣ случилось несчастье. На страстной недѣлѣ въ пятницу ночью, нашъ ротный командиръ застрѣлился. Какая была причина, не знаю, записки никакой не оставилъ. Какъ пришли на отдыхъ, онъ все время пьянствовалъ, ни одного дня не былъ трезвъ. И вотъ ночью вздумалъ поѣхать къ другому ротному первой роты и дорогой, какъ сидѣлъ верхомъ, такъ и выстрѣлилъ въ високъ. На второй день Пасхи тѣло его провожали до станціи, провожали его всей ротой съ музыкой, съ полнымъ почетомъ и по желѣзной дорогѣ отправили на Кавказъ, къ его родителямъ.

Прошли праздники, къ намъ пріѣхалъ новый командиръ пол полковникъ Эше. Подходилъ къ концу нашъ отдыхъ и скоро намъ нужно было идти опять на позицію. Стали спѣшить съ занятіями, стали проходить курсъ стрѣльбы, также было устроено стрѣльбище, какъ для новобранцевъ. Когда пошли на позицію, то во время этого перехода одинъ офицеръ изъ нашего полка убѣжалъ домой, не захотѣлъ больше служить.

Пришелъ нашъ полкъ въ Арахту, остановился въ дивизіонномъ резервѣ, отъ Арахты позиція была всего двѣ версты; и здѣсь въ Арахтѣ изъ нашего полка много поѣхало делегатовъ вглубь Россіи, — узнавать, что тамъ дѣлается, и какъ дѣла идутъ, а нѣкоторые просто по весьма важнымъ дѣламъ: кто за книгами, кто за газетами,

а кто за какими нибудь карандашами. И всегда посылались офицеръ и солдатъ — другъ другу не довѣряли.

Когда вступилъ нашъ полкъ на позицію, позиція была довольно хорошая, не такая, какъ у насъ была на Черной Горѣ, и на позиціи было довольно тихо: стрѣльбы не было никакой, такъ что днемъ ходили безъ всякой опаски, также и они ходили, — наши тоже не стрѣляли. Такой тихой позиціи солдаты были очень рады, что нѣтъ никакой стрѣльбы и думали дождаться здѣсь миру, какъ было обѣщано Временнымъ Правительствомъ. Но миру не было, а солдатъ въ ротахъ все становилось менѣе. Были двѣ комиссіи и всѣхъ которыхъ признала комиссія негодными къ строевой службѣ, отправляли въ тылъ, или домой. Комиссія была не изъ однихъ врачей офицеровъ, на ней присутствовали члены комитета, безъ которыхъ было, якобы, нельзя. Послѣ такихъ двухъ комиссій, въ ротахъ солдатъ стало еще меньше, а съ тылу добавленій не приходило. А, если иногда приходило, то очень мало, и которые прибывали, то на другой день дѣлались больными и уходили въ околотокъ, а изъ околотка въ лазаретъ и больше не являлись.

Жилось хорошо, комитеты собирались, обсуждали какіе то вопросы: покричатъ, пошумятъ и разойдутся. Однажды наша рота стояла на позиціи, на позиціи по прежнему было спокойно и нашему ротному почему то вздумалось построить баню въ окопахъ: онъ призвалъ взводнаго и приказалъ, чтобы солдаты рыли какую то яму для бани. Взводные сказали солдатамъ, солдатъ очень удивило, какая можетъ быть постройка бани въ окопахъ и какъ париться, и, если Австріецъ узнаетъ, онъ такъ напаритъ, что больше никогда не захочешь. Солдаты поняли, что это ничто иное, какъ только придирка со стороны командира. Доложили ротному, что солдаты никакой бани строить не будутъ, такъ какъ въ окопахъ мѣсто не для бани, и отъ постройки таковой отказываются. Если бы укрѣплять окопы или проволочныя загражденія, то солдаты отъ такой работы не откажутся. Раскипятился ротный и началъ кричать, что подастъ рапортъ командиру полка за неисполненіе приказанія, но на солдатъ его угрозы не подѣйствовали. На другой день ротный собралъ къ себѣ членовъ ротнаго комитета, сказалъ имъ, чтобы они наказали солдатъ за неисполненіе его приказанія, а, если они, т. е. члены ротнаго комитета ничего не предпримутъ, то онъ обязательно подастъ рапортъ командиру полка. Выслушавъ жалобу своего ротнаго командира, комитетъ удалился обсуждать вопросъ. Обсудили, и вынесли резолюцію такого содержанія: всѣ солдаты, неиспол-

нившіе приказаніе своего ротнаго командира, получаютъ за это выговоръ, а ротнаго командира предупреждаютъ, чтобы впредь въ окопахъ никакихъ банныхъ построекъ не производить. И тѣмъ дѣло кончилось. Солдаты были довольны и ротный остался доволенъ.

Однажды какіе то три солдата пришли въ нашъ полкъ и говорятъ: «Довольно жить въ окопахъ, бросайте эти окопы и пойдемъ дѣлить землю.» Тогда наши солдаты сгребли ихъ и давай волтужить и вѣроятно покончили бы съ ними всю землю, но на ихъ счастье увидѣлъ офицеръ, отбилъ ихъ, потомъ отправилъ ихъ въ штабъ полка и больше почему то въ нашъ полкъ никакіе землемѣры не приходили.

Сидѣли и ждали все мира. Мира не было, а солдатъ становилось все меньше и меньше. Стали объ этомъ поговаривать солдаты, что при такомъ количествѣ стоять на позиціи невозможно. Если узнаетъ Австріецъ, что у насъ почти нѣтъ солдатъ, то онъ легко можетъ прорвать фронтъ. И стали тормошить свои комитеты. Потомъ было дивизіонное собраніе на счетъ пополненія рядовъ. гдѣ выяснилось, что начальникъ дивизіи и командиръ корпуса давно уже хлопочутъ на счетъ добавленія, и все получаютъ одни обѣщанія, а солдатъ нѣтъ. На дивизіонномъ собраніи рѣшили послать отъ каждаго полка делегатовъ въ Ростовъ-на-Дону, въ 249 запасный полкъ, изъ котораго полка получала вся наша дивизія добавленія. Поѣхали наши делегаты и мы все ожидали скораго прихода добавленія, но вмѣсто добавленія, получаемъ отъ своихъ делегатовъ извѣстіе, что ихъ въ Ростовѣ въ 249 запасномъ полку арестовали и не отпускаютъ назадъ, и нашему полку пришлось долго хлопотать, чтобы выпустили изъ подъ ареста нашихъ делегатовъ.

По всему было видно, что изъ тыла на позиціи никому не охота было идти. Всѣмъ великолѣпно жилось въ тылу, о позиціи и не думали, а можетъ некого было послать: всѣ были заняты другими дѣлами.

Стали слухи ходить, что надо наступать, иначе и мира не будетъ Но наступленіе солдатамъ было не по нутру, ужъ эти наступленія надоѣли. И дѣйствительно, если, какъ слѣдуетъ, разобраться, то при такомъ порядкѣ о наступленіи и мечтать нельзя было. Какое это могло быть наступленіе, если появились комитеты, да еще какіе то совѣты? Если кто хотя немного знакомъ съ военнымъ дѣломъ, то безошибочно предсказалъ бы, что будетъ явное пораженіе. Хотя къ этому времени на позиціи было всего достаточно: орудій, пулеметовъ, снарядовъ, бомбъ и всего, что хочешь, но одними орудіями

воевать было нельзя. Допустимъ, что полкъ пошелъ въ наступленіе, а другой полкъ только сталъ собирать комитетъ, обсуждать вопросъ, идти ему или нѣтъ, и рѣшилъ, что нужно обождать. Тотъ полкъ впереди, а другой позади, передній потрепали, а помощи нѣтъ. Одни комитеты рѣшили идти на помощь, а другіе рѣшили, что лучше ждать на мѣстѣ и такъ далѣе. А вѣдь противникъ не сталъ бы дожидать, когда у насъ комитетъ соберется и обсудить дѣло. Онъ бы обсудилъ по своему. При такихъ порядкахъ наступленіе нужно было изъ головы выбросить, а держаться дѣйствительно могли, во всякое время могли бы отразить, въ какомъ бы напорѣ оно не было.

Слухи эти доходили, но имъ никто не вѣрилъ, а потомъ пришла другая новость, которой не мало были удивлены, что Керенскій формируетъ женскіе батальоны, съ которыми обязательно въ Берлинъ ввалится, и никакія Германскія силы удержать его не могутъ. И дѣйствительно можно было вѣрить, что нашъ теленокъ обязательно волка поймаетъ.

Время шло, дѣло дѣлалось, комитеты собирались и дѣла обсуждали, все по новому: гдѣ долженъ находиться командиръ корпуса, начальникъ дивизіи, командиръ полка и т. д. и все это великолѣпно обсудили и мѣсто каждому командиру точно опредѣлили и совсѣмъ было уже резолюцію выносить, но какъ на грѣхъ, еще одинъ командиръ оказался безъ опредѣленнаго мѣста — командиръ батальона и некуда было его дѣть. Въ окопахъ ротный командиръ, сзади окоповъ — командиръ полка, а его бѣднягу, т. е. командира батальона хотя за проволочныя загражденія выставляй.

Выбирались какіе то полковые комиссары, то ему помощники, то контрольная комиссія, то подкомиссія. Выбирались суды, а потомъ ихъ же и разгоняли, за то, что неправильно судили и т. д. Разъ объявили, что всѣ ротные и полковые комитеты явились бы на дивизіонное собраніе, по очень важному дѣлу, гдѣ будетъ для всѣхъ депутатовъ приготовленъ обѣдъ. На назначенное число всѣ явились; первымъ долгомъ, какъ полагается, выбрали предсѣдателя собранія, потомъ товарища предсѣдателя и секретаря. Когда всѣ формальности были закончены, то объявили, что пріѣхали армейскіе депутаты и хотятъ что то важное объявить. Послышались голоса: «просимъ, просимъ». Но передъ тѣмъ, что выслушать депутатовъ, рѣшили сперва пообѣдать, такъ какъ обѣдъ былъ давно готовъ. Обѣдъ проходилъ очень вѣжливо, начальникъ дивизіи распорядился, чтобы на обѣдъ не строили, какъ это полагается въ солдатахъ, а чтобы кашеваръ выдавалъ, кому сколько надо и порцію мяса пущай

каждый самъ беретъ безъ всякаго контроля, въ надеждѣ, что люди все выборные, значитъ, честные и хорошіе. А для всякаго случаю мяса было положено больше и порцій было больше, чѣмъ людей. Но какъ ни честны были, а безъ порцій осталась чуть ли не половина. Кто остался доволенъ обѣдомъ, а кто нѣтъ: на всѣхъ не угодили. Послѣ обѣда собрались на собраніе, вышли армейскіе депутаты, объявили, что рѣшено наступать; безъ наступленія, ничего не выйдетъ. Пошла галдежь. Одинъ ораторъ выходитъ и начинаетъ: «Какое можетъ быть наступленіе, когда въ полку по семисотъ человѣкъ и съ тыла никакого добавленія не даютъ, съ такимъ количествомъ только можно фронтъ открыть.» Не успѣлъ этотъ ораторъ кончить, какъ на трибунѣ появился другой. Ему предсѣдатель кричитъ, что не Ваша очередь. «Я хочу не въ очередь», и начинаетъ: «Г. г. депутаты, я такъ и зналъ, что этотъ обѣдъ намъ даромъ не пройдетъ; это — большая примѣта и при старомъ режимѣ: какъ въ наступленіе идти, такъ масломъ кормятъ, а какъ наступленія нѣтъ, то голодомъ морятъ, и начальникъ дивизіи это зналъ, потому и обѣдъ приготовилъ. И почему онъ намъ не сказалъ впередъ, зачѣмъ онъ насъ требуетъ, мы бы сюда и не пришли.»

«Правильно, правильно» — заорали и понесли опять кричать, кто чего.

Предсѣдатель съ трудомъ успокоилъ собраніе. Потомъ опять выходятъ армейскіе депутаты, объясняютъ, что гдѣ мало солдатъ, то тамъ и не будетъ наступленія, а гдѣ будетъ наступленіе, то тамъ солдатъ — довольно, объ этомъ безпокоиться нечего. Шумѣли, галдѣли, ораторы высказывались каждый по своему и каждому оратору кричали: «правильно, правильно.» Аплодисменты и свистъ, что хотите. И пришли къ заключенію, что до тѣхъ поръ не пойдутъ въ наступленіе, пока не будутъ пополнены полки, и съ тѣмъ разошлись по своимъ полкамъ. Въ полкахъ тоже не мало было шуму, но все обошлось по хорошему.

Потомъ извѣстили, что съ праваго фланга на Германцевъ пошли въ наступленіе, потомъ посыпались телефонограммы, что столько то тысячъ взяли въ плѣнъ, столько то орудій, столько то пулеметовъ и т. д. Германца разбили, Германецъ бѣжитъ базъ оглядки и каждый день все новыя побѣды и новые трофеи. По случаю такой блестящей побѣды стали чаще собираться на дивизіонныя собранія. Многіе стали говорить, что надо и намъ наступать, настаивали больше офицеры. Но наступленія, конечно, быть не могло, потому что дивизія растянута была по фронту на двадцать верстъ и въ дивизіи

было не больше трехъ-четырехъ тысячъ штыковъ и никакого резерва. При такомъ составѣ наступать было немыслимо. Даже на одномъ собраніи вынесли тѣмъ порицаніе, кто пошелъ въ наступленіе.

Телефонограммы сыпались своимъ чередомъ. И столько понабрали плѣнныхъ, что вѣроятно у Германца и всей такой арміи не было. Потомъ неожиданно получаемъ приказъ отступить экстреннымъ порядкомъ. Побросали все: снарядовъ, видимо невидимо, осталось также патроновъ, пулеметовъ, бомбометовъ, минометовъ и всякаго снаряженія. И стали отступать по сорока пяти верстъ въ сутки. Почему отступали — не знали; и отъ кого бѣжали — тоже не знали, потому что Австрійца нигдѣ не видали. Вѣроятно, не успѣвалъ за нами. По дорогѣ склады интендантскіе жгли. Муку, сахаръ, разные продукты — все пожгли. Изъ огня жители кое что вытаскивали, больше всего тащили муку, сахаръ и все, что попало.

Сперва отступали тихо, хорошо, а потомъ стали нѣкоторые озоровать: то лошадь у кого нибудь возьмутъ, то корову. Хотя этого было мало, но все таки продѣлывали. Однажды я какъ то отсталъ отъ своего полка и шелъ немного позади, время было часовъ двѣнадцать ночи, погода была очень хорошая, переходилъ черезъ какую то деревню. Въ деревнѣ было тихо, ни шуму, ни крику и на улицахъ ни единой души, какъ будто, все село вымерло. Полкъ, вѣроятно, прошелъ уже давно, такъ что ни впереди, ни сзади никого не видно было. Зашелъ уже я на половину деревни, какъ услышалъ въ одной избѣ шумъ, стукъ какой то, крикъ въ избѣ и былъ маленькій свѣтъ. Зашелъ я туда узнать въ чемъ дѣло. Когда я взошелъ туда, то увидалъ тамъ человѣкъ пять развѣдчиковъ нашего полка, а это была еврейская лавочка и они ее грабили, хотя тамъ и грабить было нечего: всего товару было нѣсколько пачекъ табаку и немного папиросъ и ящикъ съ ламповыми пузырями. Пузыри эти всѣ разбили, табакъ и папиросы всѣ забрали и еще за что то тормошили самую еврейку. Та бѣдная кричитъ и плачетъ, говоритъ, что больше ничего нѣту. Взглянулъ я на эту картину и тутъ же вышелъ. Не успѣлъ я выйти со двора, какъ вскочила съ крикомъ еврейка на дворъ, за ней солдатъ и тутъ же при мнѣ выхватилъ у нея изъ рукъ кошелекъ, а другой солдатъ тѣмъ временемъ выводилъ изъ конюшни корову. Еврейка кинулась отнимать корову, солдатъ ее отталкивалъ, она кричитъ. Тогда я подошелъ, и сталъ вырывать корову. Солдаты кинулись было на меня, покричали — покричали и отошли отъ коровы и зашли опять въ лавочку: вѣроятно не все еще выбрали. Еврейка за ними не пошла, а осталась возлѣ коровы; вѣроятно,

корова была для нея дороже всего. Потомъ я сказалъ еврейкѣ увести ее къ какому нибудь крестьянину, такъ какъ у крестьянъ коровъ почти не брали. Она сказала, что никто не впускаетъ, боятся, какъ бы не оказалась лишняя, а то черезъ нее и ихнюю уведутъ. Но я велѣлъ ей вести къ кому нибудь, сказалъ, что я пойду съ нею и устрою ее. Моя еврейка обрадовалась, погнала корову черезъ какіе то огороды, подвели къ одному дому, постучали, вышла молодая дѣвица. Я сказалъ ей, чтобы они взяли въ свою конюшню эту корову. Она говоритъ, что у нихъ есть двѣ коровы и, если пустятъ третью, то какъ бы и у нихъ не увели. Но я настоялъ, чтобы пустили. Когда загнали корову въ конюшню, то еврейка была рада до безумія. Но я не знаю, уцѣлѣла, или нѣтъ ея корова; послѣ всей этой возни я пошелъ своей дорогой.

Недалеко оставалось до Румынской границы, куда мы должны были отступить. Подошли къ какой то деревнѣ, гдѣ остановились на завтра. Возлѣ этой деревни была помѣщичья усадьба, обнесена кругомъ заборомъ. Около этого забора, тоже нѣкоторыя роты расположились на завтракъ. Нѣкоторые солдаты пошли къ этому помѣщику, поохотиться. Вскорѣ вернулись съ добычей: кто тащилъ поросенка, а кто цѣльную свинью. Нѣкоторые позавидовали такому лакомому кусочку, пошли себѣ туда и уже съ голыми руками никто не возвращался. Дорогъ былъ починъ, а потомъ пошло, какъ по маслу. Стали туда идти, какъ въ собственное имѣніе, начали все коверкать ломать и разбивать. Поразбивали гардеробы, комоды и сундуки, потащили все, что попало: одежду, платье, кольца, браслеты, перстеня и разные дорогіе камни, не говоря уже о деньгахъ. Розыскали подвалъ, гдѣ было вино, стали тащить пить. Нѣкоторые перепились и тамъ же возлѣ бочекъ попадали. Запрещать этотъ грабежъ, никто не запрещалъ. Офицеры нѣкоторые приходили посмотрѣть, но участвовать не участвовали. Но кто оттуда несъ кольца, перстеня и браслеты, или еще какую нибудь хорошую вещь, то офицеры тутъ же у нихъ покупали, платили хорошія цѣны и образовалось ничто иное, какъ толкучка. Одни грабили, а другіе грабленное покупали. Запрета никакого не было. Мало того, что ограбили и разбили, послѣ всего взяли и подожгли, чтобы уже ничего не осталось.

Когда полкъ пошелъ дальше, то все награбленное стали по дорогѣ бросать, какъ вещь ненужную, но не знаю, какъ тѣмъ поздоровилось, которые за свой визитъ остались пьяными возлѣ бочекъ.

Зашли на Румынскую территорію и дальше не пошли. Нашъ полкъ позицію занялъ какъ разъ на границѣ, гдѣ и стали рыть окопы и укрѣпляться. Дня черезъ три подошелъ къ намъ противникъ и тоже сталъ рыть окопы и отдыхать отъ такого бѣшеннаго преслѣдованія. Когда порядкомъ отдохнулъ, началъ было дѣлать наступленіе. Нѣсколько разъ онъ наступалъ на нашу дивизію и ни разу не имѣлъ успѣха: повсегда его отражали. Потомъ однажды, какъ то сильнымъ ураганнымъ огнемъ выбилъ часть нашихъ изъ окоповъ и занялъ ихъ. Но на второй день наши контратакой опять выбили его и заняли прежнія позиціи. Сколько онъ ни пытался на нашу дивизію наступать, ни разу не имѣлъ успѣха. И наши дальше своихъ окоповъ не шли.

За все отступленіе ни разу комитеты не собирались, вѣроятно, было не до собраній. Но когда остановились въ Румыніи, то опять возобновили свою дѣятельность и собранія были какъ то веселѣе. Стало поступать въ полкъ красное вино и это вино обязательно первымъ долгомъ угождало въ комитетъ, а уже изъ комитета разносили по ротамъ. И вотъ, какъ только бочка придетъ съ виномъ, то обязательно — собраніе и насбираются возлѣ этой бочки, до хорошихъ чертиковъ.

Однажды, какъ то вечеромъ, объявили экстренное собраніе. Думали, что могло случиться, уже не отступать ли опять? Когда всѣ собрались, объявили, что по приказу Керенскаго, Корниловъ арестованъ за то, что Корниловъ хотѣлъ сдѣлать переворотъ. Но возраженія по поводу ареста никакого не было, остались всѣ довольны арестомъ Корнилова.

Прошелъ августъ, сталъ проходить и сентябрь. Въ концѣ сентября согласно приказу, были откомандированы всѣ, кто былъ съ перваго дня мобилизаціи и нѣсколько разъ раненъ и всѣхъ этихъ солдатъ съ нашей 32-ой дивизіи откомандировали въ 783 военный транспортъ. Въ томъ числѣ оказался и я. Пришло насъ въ транспортъ около ста человѣкъ. Это было въ первыхъ числахъ октября. Пришли мы въ транспортъ, явились въ комитетъ, какъ это тогда уже полагалось, разбили насъ повзводно, потомъ по отдѣленіямъ, дали намъ лошадей, упряжъ и все необходимое. Работа наша была такая: подвозить къ 32-ой дивизіи фуражъ, продукты, обмундированіе, все, что только требовалось. Работа была нетрудная, гораздо лучше, чѣмъ на позиціи во всѣхъ отношеніяхъ. Но на счетъ порядка на позиціи гораздо было лучше. Тамъ придерживались все болѣе къ прежнему порядку, а въ транспортѣ порядокъ отсутствовалъ.

По прибытіи насъ въ транспортъ, началась промежду насъ распря, т. е. между старыми и нами вновь прибывшими. Начался скандалъ черезъ отпускъ; не успѣли мы прійти, какъ они уѣхали въ отпускъ. На нашъ процентъ было разрѣшено десято человѣкъ съ сотни. И, такъ какъ насъ пришло сто человѣкъ, то изъ насъ должно было уѣхать въ отпускъ десять человѣкъ, но уѣхали не мы, а они.

Изъ за этого началась ненависть на комитетъ и пошло на то, чтобы переизбрать комитетъ. Хотя ему и оставалось сроку только до перваго Ноября, но настояли на томъ, чтобы выбрать новый, такъ и сдѣлали.

Выбрали новый комитетъ, что называется новое правительство. А разъ новое правительство, то и новые порядки, вѣдь новая метла повсегда чище мететъ.

И вотъ тутъ то, за какіе то грѣхи, меня Богъ наказалъ, что я очутился въ этомъ комитетѣ и еще предсѣдателемъ комитета, т. е. самымъ воротилой всего правительства.

Съ перваго Ноября стараго стиля 1917 года вступилъ новый комитетъ. Состоялъ онъ изъ семи человѣкъ, причемъ товарищъ предсѣдателя и одинъ членъ комитета — медицинскій фельдшеръ были ярые большевики. Секретарь, хотя былъ и не большевикъ, но любилъ присвоить чужую собственность. Я даже удивлялся ему. Человѣкъ былъ, какъ будто съ понятіемъ, нѣсколько лѣтъ былъ въ винной лавкѣ, жена имѣла, по его разсказамъ, небольшое имѣніе и его соблазняла такая глупость! А остальные члены комитета были нашему и вашему. Кромѣ комитета, также было и начальство. Было у насъ три чиновника военнаго времени: одинъ былъ начальникомъ транспорта, другой ему помощникъ, а третій — дѣлопроизводитель. И вотъ съ перваго Ноября началась моя адская жизнь. Стали наступать холода, транспортъ, что называется, весь раздѣтый. Стали мнѣ жаловаться, что, если въ скоромъ времени не дадутъ одежды, то не поѣдутъ въ нарядъ.

Дѣлать было нечего, поѣхалъ я къ дивизіонному интенданту, разсказалъ въ чемъ дѣло. Удалось получить, но очень малое количество. Сталъ раздавать обмундированіе. Тотъ кричитъ, другой кричитъ, всѣмъ надо, а всѣмъ не хватаетъ. Поднялась брань — ругань, но все-таки пришлось кого удовлетворить, кого уговорить. Большую нужду имѣли въ шароварахъ. У насъ были старыя шинели и изъ этихъ шинелей стали шить шаровары, куртки, стали понемногу одѣваться. Но жизнь сама по себѣ стала разлагаться.

Начались жалобы. Одни жаловались, что жить тѣсно: въ одной избѣ живутъ десять человѣкъ, а въ другой только трое. А станешь кого посылать въ другую, онъ не идетъ, а тѣ не пускаютъ. И вотъ такая волокита съ утра до вечера; въ нарядъ станешь посылать, — не идутъ; въ нарядъ пойдутъ,—товаръ растеряютъ, то крупу разсыпятъ, или сало и масло потеряютъ, сахаръ мѣшками теряютъ, привезутъ въ дивизіонный складъ, — тамъ вѣшаютъ, что не хватитъ, записываютъ на нашъ счетъ, и въ скоромъ времени мы остались безъ продуктовъ, варить обѣдъ не изъ чего, приходится оставаться безъ обѣда. Поднялся большой скандалъ, собирался митингъ во главѣ съ медицинскимъ фельдшеромъ, какъ большимъ ораторомъ большевизма, и, всей толпой, повалили въ комитетъ: почему именно нѣтъ обѣда? Объяснилъ я имъ причину, выяснилъ, у кого сколько и чего не хватаетъ, и, если впредь будутъ такъ неосторожно обращаться съ продуктами, то нѣтъ надежды каждый день обѣдать, и это хорошо на нихъ подѣйствовало: впредь были нѣсколько осторожнѣе.

Наступили холода, пошли дожди, вѣтры, снѣгъ и слякоть, а у насъ нѣтъ конюшень. Лошади стоятъ подъ открытымъ небомъ. Сталъ говорить, чтобы подѣлали конюшни, но объ этомъ никто даже и думать не хотѣлъ. Чтобы для лошадей дѣлать конюшни, — заставить нельзя, потому что свобода: хочу — работаю, хочу — нѣтъ, а лошадямъ — плохая свобода подъ открытымъ небомъ, скотина не виновата, что мы одурѣли.

Собралъ я солдатъ и сказалъ имъ, какъ сдѣлаютъ навѣсы для лошадей, то я имъ выдамъ тысячу рублей, на что они согласились и черезъ два дня навѣсы были готовы, за что они и получили тысячу рублей и наши лошади стояли подъ новыми навѣсами.

Также и мы оказались при новомъ правительствѣ. Керенскій бѣжалъ и на его мѣсто другой поступилъ — Варрава Ленинъ со своимъ змѣемъ — Троцкимъ и со всей остальной сволочью. Также прибылъ къ намъ въ дѣйствующую армію новый главнокомандующій, Крыленко, со своей матросской сворой. Появился новый главнокомандующій и сталъ воевать по новому, а не по старому. Издалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ стрѣлять въ сторону противника: тамъ, дескать, нѣтъ противника, а противники всѣ внутри; если желаешь стрѣлять, то повернись назадъ. Вскорѣ Крыленко самъ показалъ примѣръ, гдѣ нужно воевать и кто врагъ и показалъ свое неустрашимое геройство передъ лицомъ врага, взялъ ничуть не сопротивлявшагося врага, генерала Духонина, за глотку и бросилъ его своей псарнѣ на растерзаніе на глазахъ публики. Это былъ пер-

вый великій сатаническій подвигъ Крыленки въ дѣйствующей арміи.

Съ этихъ поръ усилились грабежи, начали душить помѣщиковъ, жечь, разбивать, растаскивать. Кто что могъ, тотъ то и дѣлалъ: запрета не было.

Не миновала эта зараза и нашъ транспортъ, развалился въ полномъ смыслѣ;появились почти у каждаго винтовки, такъ какъ у насъ въ транспортѣ винтовокъ не было, имѣлось только семь для охраны денежнаго ящика. А тутъ появились безъ мала у каждаго, и неизвѣстно, гдѣ они ихъ взяли. Начали ѣздить съ этими винтовками, что называется, на охоту. Какъ ночь, собираются партіями въ нѣсколько человѣкъ, запрягаютъ лошадей и направляются на хищную добычу къ ближайшимъ помѣщикамъ. Брали все, ни отъ чего не отказывались, пшеницу, овесъ, ячмень, матерію, одежу, свиней, куръ, гусей, овецъ и все, что попадалось на глаза. Привозили и продавали крестьянамъ, тѣ съ охотой покупали, не зная того, что скоро вѣдь и къ нимъ пріѣдутъ. Началъ я этому промыслу препятствовать, сталъ по ночамъ ходить и запрещать ихней ночной охотѣ, сталъ ихъ уговаривать отъ такого грязнаго дѣла; многіе слушали, распрягали своихъ лошадей и оставались. А на нѣкоторыхъ ничего не дѣйствовало, отправлялись по своей дорогѣ, а потомъ мнѣ категорически заявили, чтобы я оставилъ свои ночныя прогулки, такъ какъ онѣ вредны для свободнаго гражданина.

Въ этихъ случаяхъ мнѣ никто не помогалъ: товарищъ предсѣдателя и секретарь не только не помогали, а напротивъ радовались, потому что у солдатъ появились деньги и появилась денежная игра, а мои помощники великолѣпно играли и такъ что теперь они въ деньгахъ уже не имѣли нужду.

Однажды я получилъ для своего транспорта 50 гимнастерокъ изъ хорошаго сукна и я роздалъ ихъ тому, кто больше нуждался. Не успѣлъ я ихъ раздать, какъ мой товарищъ предсѣдателя въ одну ночь выигралъ три гимнастерки. Вотъ какая была отъ нихъ помощь.

Не получали мы шапокъ, о чемъ я очень заботился. Но, увы, напрасныя были мои заботы, шапокъ намъ не прислали и оказалось, что онѣ совершенно были намъ не нужны, такъ какъ у каждаго на головѣ появилась новая курпейчатая шапка. Гдѣ же они ихъ взяли? Купили? Нѣтъ. Украли? Нѣтъ. Кто нибудь пожертвовалъ? Нѣтъ. А гдѣ же взяли? А вотъ гдѣ. Они ихъ пріобрѣли новымъ соціалистическимъ способомъ. Ѣдутъ они въ нарядъ, по дорогѣ заѣзжаютъ въ какое-нибудь мѣстечко, идутъ въ лавку, выбираютъ себѣ хоро-

шую шапку, примѣряютъ ее, чтобы она не была мала или велика, и вотъ какая придется по головѣ, надѣваютъ ее и уходятъ, а свою, никуда негодную, бросаютъ торговцу. И такимъ способомъ пріобрѣтаютъ себѣ шапки. Тогда торговцы стали прятать шапки отъ невыгодной продажи. Какъ же тогда быть? Нѣкоторые еще не успѣли этимъ случаемъ воспользоваться, а безъ шапки нельзя, потому что товарищи его въ новыхъ шапкахъ, а онъ, разиня, не могъ пріобрѣсти, и торговцы всѣ попрятали свои шапки, а тайкомъ продаютъ только за деньги, а это товарищамъ не по вкусу. И тогда придумали новый способъ. Идетъ кто нибудь въ новой шапкѣ, подходитъ къ нему товарищъ, снимаетъ съ него вѣжливо шапку, надѣваетъ на себя, а свою на него, и преспокойно уходитъ. А воспрепятствовать нельзя. И вскорѣ никто не ходилъ въ новыхъ шапкахъ, кромѣ товарищей. И вотъ такимъ путемъ пріобрѣлъ себѣ нашъ транспортъ новыя шапки.

Не обошлось безъ утраты наше транспортное хозяйство. Однажды приходитъ солдатъ и заявляетъ, что въ дорогѣ его лошадь пала, безъ всякой болѣзни, и онъ пришелъ пѣшкомъ.»А гдѣ же сѣдло?» — На ней осталось. «А почему не принесъ?» — А что я лошадь, что ли? Буду сѣдла носить. — Дѣлать было нечего, позвалъ я ветеринарнаго фельдшера, взяли и его съ собою, и поѣхали на мѣсто, гдѣ пала лошадь: освидѣтельствовать трупъ и составить актъ. Когда пріѣхали на то мѣсто, гдѣ пала лошадь, по его словамъ, то тамъ ничего не было, никакой падали. Стали спрашивать, гдѣ же она? — Навѣрно, говоритъ, собаки съѣли. «Но вѣдь такъ не могутъ съѣсть, чтобы ничего не оставили. Что-нибудь да осталось бы, нога или хвостъ, или, въ крайнемъ случаѣ, отъ сѣдла хотя бы стремя, потому что оно желѣзное, собака не можетъ съѣсть. Онъ на это коротко и ясно отвѣтилъ. — А, если вамъ, говоритъ, нужно стремя или хвостъ, то приходили бы и караулили. — Значитъ, мы же остались виноваты.

А у другого пару лошадей со всей упряжью съѣли, даже и чекушки не осталось.

Также у насъ была мастерская. Были кожевники, шорники, плотники, колесники и всякіе кудесники. И всѣ эти мастерскія великолѣпно работали, и до того доработались, что ничего не осталось, ни долота, ни топора, даже въ послѣднее время нечѣмъ было дровъ нарубить. У кожевника не осталось ни одной кожи, а муку, которую получалъ для кваски кожъ, изъ ней самогонку гналъ, и великолѣпно себя чувствовалъ : деньги были и выпивка была!

Однажды утромъ приходятъ къ намъ солдаты и говорятъ: Вы ничего не знаете?» Мы говоримъ, что ничего. «Вѣдь здѣшняго помѣщика сегодня ночью обокрали» — Какъ такъ, обокрали? — спросилъ я. — «А идите посмотрѣть, увидите какъ.»

Сейчасъ я познакомлю васъ съ этимъ помѣщикомъ. Нашъ транспортъ стоялъ въ деревнѣ Кривой, вблизи станцiи Мамалыги,тамъ т. е. въ деревнѣ Кривой помѣщиковъ никакихъ не было, а былъ одинъ богатый крестьянинъ; домъ у него хорошiй, обстановка тоже была хорошая, имѣлъ четырехъ лошадей, были коровы, свиньи, имѣлъ достаточно хлѣба. Но помѣщикомъ назвать было нельзя, а просто онъ зажиточный крестьянинъ; противъ мѣстныхъ мужиковъ онъ выдѣлялся тѣмъ, что чище ходилъ, хорошо воспитывалъ дѣтей. Онъ былъ членомъ Государственной Думы отъ Бессарабской губернiи. Они же его выбрали, а потомъ и ограбили. Пошли мы туда, онъ жилъ позади насъ, и что мы видимъ? ни одного окна, ни одной двери, книги разбросаны, порваны, что не могли увезти, то все перебили, перекололи, перервали. Былъ хлѣбъ молоченый и немолоченый — все увезли, только осталась солома и какимъ то чудомъ оставалась одна свинья и то черезъ два дня и ее увезли. Во время грабежа его съ семействомъ заперли въ одну комнату и стояли у дверей съ винтовками, никуда не выпускали, все перековеркали, полы потолки повыворачивали, печи голландки всѣ поразвалили и все перерыли. Всего увезено было не менѣе ста возовъ. Кто же его ограбилъ? По всей вѣроятности, крестьяне изъ ближайшихъ деревень, хотя грабители и были всѣ въ шиненяхъ, но это маски. Въ этомъ грабежѣ нашъ транспортъ не участвовалъ, такъ какъ не считалъ его помѣщикомъ.

Грабежи не переставали, а все больше усиливались, и мнѣ со своимъ транспортомъ не было возможности справиться. Но что же дѣлало начальство въ транспортѣ? У насъ было три чиновника; они промежъ себя жили, какъ черти — яблоки дѣлили.

У меня были посѣтители ежедневно такiе: раньше всѣхъ приходилъ кашеваръ, жалуется, что нечѣмъ обѣдъ варить, нѣтъ дровъ. Кашевара проводишь, идетъ артельщикъ, жалуется на кашевара, что масло унесъ и продалъ и каши мазать нечѣмъ. Артельщика проводишь, идетъ каптенармусъ жалуется, что ночью часовые унесли полъ мѣшка сахара или еще что нибудь. Каптенармуса проводишь, приходитъ чиновникъ, исполняющiй должность начальника транспорта, жалуется, что его не хотятъ признавать, какъ начальника и не исполняютъ его приказанiй: дѣлопроизводитель не такъ книги

ведетъ, теряетъ часто приказы и самовольно исполняетъ предписанія безъ вѣдома моего. А на помощника своего жалуется за то, что онъ самовольно уѣзжаетъ, не спрашивается куда и зачѣмъ. И, «если вы надъ нимъ никакихъ мѣръ не будете принимать, то я бросаю службу.» Проводишь начальника транспорта, является дѣлопроизводитель, заявляетъ въ рѣзкой формѣ по адресу начальника транспорта, что онъ ничего не понимаетъ и суется не въ свое дѣло «и приказаній я его не буду исполнять, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ своего требованія и, если вы никакихъ мѣръ не примете, я бросаю службу, при такихъ обстоятельствахъ служить я не могу.» Обходился безъ жалобъ только третій чиновникъ, тотъ никогда и ни на кого не жаловался. И вотъ такія катавасіи были почти каждый день.

Въ отпускъ уѣзжали, а изъ отпуска не возвращались. Также старые года ушли въ запасъ, народа въ транспортѣ стало мало, лошадей оказалось много лишнихъ и убирать ихъ некому. И были лошади, которыя негодны къ работѣ, и надо было избавить транспортъ отъ лишнихъ и негодныхъ лошадей. Нужно было найти формулярные списки и вытребовать комиссію съ ветеринарнымъ врачемъ и представить всѣхъ негодныхъ лошадей въ бракъ, а потомъ продать съ аукціоннаго торга. Но не такъ легко было все это сдѣлать. Во первыхъ не оказалось никакихъ формуляровъ, ни номеровъ, ни ихъ названія. Посылали за докторомъ, также и доктора не было. Посылали бумаги къ высшимъ начальникамъ, но отвѣта никакого не было. Тогда я поѣхалъ къ дивизіонному комиссару, разсказалъ ему въ чемъ дѣло. Тотъ мнѣ коротко и ясно сказалъ, что никакихъ формуляровъ и списковъ не надо, также никакихъ комиссій не требовать, а просто, которыя лошади лишнія, веди на базаръ и продай, а деньги мнѣ сдай, т. е. ему — комиссару.

Поѣхалъ я отъ комиссара и думаю, неужели все будетъ такая разруха, когда-нибудь вѣдь установится порядокъ, а разъ будетъ порядокъ, то потребуютъ законный отчетъ и мнѣ за этихъ лошадей не избѣжать будетъ тюрьмы. Тогда надумалъ, не продавать никакихъ лошадей, а бѣжать самому изъ транспорта. Пріѣхалъ въ транспортъ, пошелъ въ канцелярію, написалъ себѣ отпускной билетъ на тридцать пять сутокъ, вечеромъ сдалъ всѣ дѣла своему товарищу предсѣдателя. Тотъ очень былъ радъ такому случаю. Я былъ радъ вылѣзти изъ этой ямы и въ 12 часовъ ночи я уже сидѣлъ въ вагонѣ и съ аппетитомъ курилъ махорку, радъ былъ, что вырвался изъ этой

адской жизни, гдѣ я пробылъ одинъ мѣсяцъ и пять дней. Это было ничто иное, какъ адъ. . .

Было морозно и холодно, когда я вышелъ изъ вагона на станцію, что была первая пересадка. Въ вокзалѣ было очень тѣсно, солдаты ѣхали въ отпускъ, а старые года совсѣмъ домой. Дожидать поѣзда пришлось недолго, часовъ шесть. Въ вокзалѣ было довольно тѣсно и душно, я вышелъ на платформу немного освѣжиться, на платформѣ не было никого, а все тѣснилось на вокзалѣ. На платформѣ я увидѣлъ, ютилась какая то кучка людей, на подобіе цыганъ, были всѣ оборванные, ноги замотаны въ какія то тряпки, волосы у женщинъ были не въ порядкѣ, на головахъ были вмѣсто шляпъ или шали какіе то рваные, не то мѣшки, не то половики. Долго я смотрѣлъ и не могъ узнать, кто это были цыганы или свободные граждане? Когда я къ нимъ подошелъ и началъ ихъ разспрашивать, кто они такіе, мнѣ мужчина разсказалъ, что онъ помѣщикъ, а это его семья: жена, мать, двѣ дочери, уже взрослыя и два сына, одинъ годовъ пяти, а другой годовъ трехъ. Они здѣсь на платформѣ ожидаютъ поѣзда, ѣдутъ къ какимъ то дальнимъ родственникамъ — искать себѣ спасенія изъ своего родного угла. Я не стану описывать, почему помѣщикъ не въ первомъ классѣ, а на платформѣ и не въ теплыхъ шубахъ, а въ лохмотьяхъ. Читатель догадается, почему все это произошло.

При всемъ моемъ разговорѣ съ помѣщикомъ на меня такъ подозрительно смотрѣли всѣ члены семейства, даже маленькіе смотрѣли и тѣ, какъ на разбойника. Они видѣли во мнѣ какого то врага, они не могли на меня правильно смотрѣть, они думали, что тотъ, кто одѣтъ въ сѣрую шинель является врагомъ ихнему блаженству. Отошелъ я отъ помѣщика съ глубокой печалью, подумалъ, до чего дослужился солдатъ. Въ мирное время надъ солдатомъ издѣвались всячески: не пускали въ садъ, въ театры и даже на трамваѣ запрещали ѣздить. Война началась, на войну угодили самые бѣдные, богатые всѣ застряли въ тылу, за деньги устраивались всѣ, какъ кому угодно въ запасныхъ полкахъ, въ комендантскихъ командахъ, въ санитарныхъ командахъ или въ обозѣ, но на позицію богатаго арканомъ нельзя было затащить, исключительно была одна бѣднота. Всѣ не человѣческія мученія и страданія перенесъ позиціонный солдатъ и теперь, при полной разрухѣ, позиціонный солдатъ остался на своемъ мѣстѣ, т. е. на позиціи, и съ нетерпѣніемъ ждалъ хоть какого-нибудь мира, уѣхать домой изъ этихъ проклятыхъ окоповъ и ему некогда было заниматься грабежомъ. А грабежомъ и

разбоемъ занималась исключительно тыловая сволочь. И вотъ черезъ такую мерзость и честнымъ солдатамъ приходится слышать разную непріятность: солдатъ грабитъ, солдатъ убиваетъ, солдатъ поджигаетъ, солдатъ съ позиціи бѣжитъ и солдатъ всю родину предалъ и во всемъ виноватъ только одинъ солдатъ. Больше никто не виноватъ, окромѣ солдата. Всѣ правы — честные и благородные.

Подошелъ къ намъ поѣздъ, въ который стали садиться. Лѣзли въ вагонъ кто какъ могъ, кто — въ дверь, кто въ окно. Оказался и я въ одномъ вагонѣ, въ которомъ такъ было тѣсно, что не было возможности пройти къ двери. Если кому нужно было выдти изъ вагона, то вылазили въ окно. Всѣ окна служили для выхода и входа въ вагонъ. При такой сильной давкѣ мы доѣхали до Кіева. Изъ Кіева мы предполагали ѣхать болѣе удобно, но вышло наоборотъ. Подали намъ большой составъ: вагоны были все товарные, въ вагонахъ былъ снѣгъ, безъ оконъ и безъ полокъ, ни одной досочки. И вотъ въ этихъ прекрасныхъ вагонахъ насъ понабилось человѣкъ по семидесяти. Такая была тѣснота, что нельзя было сѣсть. Всѣ стояли какъ свѣчи, освѣщенія не было, темнота, тѣснота неимовѣрныя. И вотъ въ такихъ вагонахъ мы поѣхали изъ Кіева. Отъѣхали верстъ шестьдесятъ. У меня разстроился желудокъ такъ сильно, что я не могъ доѣхать до ближайшей станціи. И рискуя жизнью, на полномъ ходу выскочилъ я изъ вагона. Хотя и зашибъ себѣ правое плечо, но все-таки обошлось благополучно. Отъ того мѣста, гдѣ я спрыгнулъ, до станціи было десять верстъ, погода была очень холодная, былъ сильный буранъ, на пути было много снѣга. По такой пріятной погодѣ, я мчался къ станціи по шпаламъ, много было у меня крушеній, спотыкался. падалъ въ снѣгъ или катился подъ откосъ, потому что ночь была темная, да еще буранъ. Вставалъ, взбирался опять на полотно желѣзной дороги, чтобы продолжать свой путь и опять падалъ и ползъ впередъ, чтобы скорѣе достичь станціи, гдѣ можно было немного отдохнуть. И вотъ, когда я подходилъ къ станціи весь измученный, холодный и голодный, въ то самое время въ Брестскомъ хлѣвѣ весело хрюкали русскія свиньи и своими предательскими носами подрывали корни Россіи, а Керенскій весело мчался на автомобилѣ съ награбленными брилліантами заграницу спасать свою шкуру.

Пришелъ я на станцію, обогрѣлся, попилъ чаю, закусилъ, потомъ вздремнулъ часа два. Пришелъ поѣздъ пассажирскій, вагоны все третьяго класса, но въ вагонахъ не было ни оконъ, ни дверей, пришлось окна и двери завѣшивать своими шинелями, иначе не-

возможно было ѣхать при такомъ холодѣ. Пріѣхали мы въ Курскъ. Намъ сказали, что въ Курскомъ вокзалѣ можно купить хлѣба сколько угодно, по семидесяти копѣекъ за фунтъ. Всѣ обрадовались такой дешевкѣ, такъ какъ хлѣба на станціяхъ достать было трудно. Выскочили мы изъ вагона и всѣ спѣшили купить себѣ хлѣба. Но не оправдались наши надежды. Тутъ ходили шайки красныхъ разбойниковъ и срывали погоны со всѣхъ ,кто попадался имъ на глаза, съ офицеровъ и съ солдатъ, также отбирали револьверы, кто имѣлъ, и не забывали про кресты и медали. Хорошіе мерзавцы ни отъ чего не отказывались, а сопротивляться не было ни какой возможности. Я видѣлъ даже, какъ нѣкоторые генералы протестовали. Тогда съ такими протестующими они не разговаривали, а подходило къ нимъ нѣсколько человѣкъ, хватали за погоны и сдирали, такъ что послѣ такого пріема не оказывалось даже рукавовъ. И вотъ при такой картинѣ мы позабыли и про хлѣбъ, а поспѣшили въ свои вагоны, такъ какъ въ вагоны ворвались красные и искали нѣтъ ли кого въ погонахъ. На насъ уже не было никакихъ погонъ, но мы боялись, какъ бы не сорвали съ оконъ наши шинели.

Поѣздъ стоялъ въ Курскѣ не долго и мы поѣхали дальше. Пріѣхали, не помню, на какую то станцію, гдѣ намъ была пересадка, дали намъ опять холодные товарные вагоны. Сѣли мы въ вагонъ по четыре солдата и человѣкъ пять офицеровъ. Довольно было просторно и, къ нашему счастью, было въ вагонѣ нѣсколько досокъ, принимались нѣсколько разъ за камаринскаго, но это мало помогало. Пришлось намъ по срединѣ вагона разжигать костеръ и воспользовались этими досками. Какъ ни было холодно, но все же возлѣ огня можно было грѣться и строго смотрѣли, чтобы не надѣлать пожара. Въ такой роскоши мы доѣхали до станціи Грязи. На этой станціи я былъ годовъ шесть тому назадъ и это была красавица станція и я удивился, почему такую красавицу назвали «Грязи», или уже знали раньше, что она будетъ соотвѣтствовать своему названію. Выскочилъ я изъ вагона и направился въ вокзалъ. На платформѣ былъ полный хаосъ: были выбиты ямы,налущены сѣмячки и никогда навѣрно не подметалось. Вошелъ я въ третій классъ, тамъ было такъ темно, что ничего нельзя было разобрать отъ накуреннаго дыма. Толпились только однѣ сѣрыя шинели, на полу была такая грязь, что будто идешь по какой то грязной улицѣ, даже мѣстами были лужи. И вотъ по этимъ лужамъ толпились несчастные солдаты. Съ великимъ трудомъ я пробрался въ первый классъ. надѣясь тамъ получить какое-либо удовольствіе. Но и въ первомъ классѣ та же

картина. На всѣхъ стульяхъ и столахъ спали солдаты, также было накурено, и въ этомъ дымномъ туманѣ чуть виденъ былъ буфетъ, за которымъ стоялъ лысый буфетчикъ. На буфетѣ красовались три бутылки квасу, полъ десятка яицъ, да кусокъ колбасы и нѣсколько порожнихъ стакановъ и грязный самоваръ. Больше купить за буфетомъ было нечего.

Со станціи Грязи поѣхали тоже въ такихъ вагонахъ и при такихъ условіяхъ.

И 12 Декабря я пріѣхалъ на станцію Новосергіевку и пошелъ пѣшкомъ въ село Черепановку. Пошелъ къ своему семейству, гдѣ предполагалъ порядкомъ отдохнуть послѣ долгой и трудной военной окопной жизни, такъ какъ здѣсь позицій не было, пули не свистали, орудія не гремѣли, снаряды не рвались, также не видно было аеропlановъ. Все было тихо и спокойно, прошла недѣля и до Рождества оставалась недѣля. Всѣ ожидали праздника, а къ празднику ожидали гостей съ фронта, кто сыновей, жены своихъ мужей. Не было того дома въ селѣ, чтобы кого-нибудь не ждали. Кто ѣдетъ на станцію, тому всѣ сосѣди наказываютъ, посмотри тамъ моего мужа, отца, а кто возвращался со станціи, того также спрашивали о своихъ долгожданныхъ.

Стнація Новосергіевка была отъ села Черепановки — пятнадцать верстъ. И вотъ, за недѣлю до Рождества, на станцію пріѣхали гости, которыхъ никто не ждалъ и никто ихъ не желалъ. Эти гости не съ фронта граждане, а изъ тюрьмы каторжане, красная гвардія назывались. Во главѣ ихъ былъ комиссаръ, инженеръ Кобызевъ. Появленіе вооруженной красной гвардіи на станціи удивило всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ: почему явилась красная гвардія, съ кѣмъ она хочетъ воевать, такъ какъ въ этой глухой мѣстности ни германцевъ, ни австрійцевъ, даже не видно было и турокъ, и такъ что воевать было не съ кѣмъ. Напрасно думали крестьяне, что не съ кѣмъ было воевать красной гвардіи. Хотя бъ и были вышеуказанные враги, съ ними красные воевать не стали бы, потому что въ Брестскомъ хлѣвѣ русскія свиньи хорошо выдержали экзаменъ отъ германскихъ генераловъ и такъ, что они больше не были врагами, а лишь союзниками. А у красныхъ были враги въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селѣ. Отъ этой станціи 120 верстъ былъ городъ Оренбургъ и въ этомъ городѣ былъ врагъ генералъ Дутовъ, съ которымъ они ѣхали воевать. Вотъ этотъ генералъ Дутовъ не призналъ за правителей Ленина и Троцкаго. Въ Оренбургѣ не было ни народныхъ комиссаровъ и никакихъ Совѣтовъ.

Въ Оренбургѣ было три запасныхъ полка. Когда Дутовъ увидѣлъ неизбѣжную войну съ красными, желая защищать городъ съ болѣе надежными защитниками, тогда онъ распустилъ по домамъ всѣхъ солдатъ изъ запасныхъ полковъ, а всѣхъ офицеровъ оставилъ. Также примкнули къ нему и кадеты. Вотъ съ этими офицерами и кадетами Дутовъ рѣшилъ не покидать Оренбурга.

При первомъ натискѣ красныхъ на Оренбургъ, Дутовъ легко ихъ отбросилъ. Они безъ оглядки бѣжали до самаго Бузулука. Въ Бузулукѣ къ нимъ пришло подкрѣпленіе изъ матросовъ, съ орудіями, броневиками и аеропланами. Было много снѣга и сильные морозы. Въ нѣкоторыхъ селахъ нашлись сочувствовавшіе большевикамъ и пришли имъ на скорую помощь, запрягли лошадей, стали ѣздить по селу со сборомъ, заходили въ каждый домъ и просили пожертвовать что-либо въ пользу большевиковъ: валенки, варежки, чулки, перчатки и не отказывались отъ денегъ. Пожертвованій было много: кто жертвовалъ съ охотой, какъ сочувствующій большевикамъ, а кто изъ боязни, но все-таки жертвовали. Такой же сборъ былъ сдѣланъ и въ селѣ Черепановкѣ, гдѣ находился я. Пришли и ко мнѣ и попросили пожертвовать что-либо. Отвязаться отъ собаки, чтобы она не гавкала, скрѣпя сердце, я вынулъ рубль и далъ ему, но мой проситель остался моимъ рублемъ очень недоволенъ и просилъ пожертвовать что-либо изъ теплыхъ вещей, отъ чего я категорически отказался. Я сейчасъ ознакомлю читателя съ этимъ господиномъ, какого онъ поведенія: мнѣ онъ былъ хорошо извѣстный. Отецъ его вздумалъ построить какую-то церковь и ходилъ по Россіи, собиралъ, ходилъ онъ года три — четыре и вѣроятно былъ хорошій сборъ: вскорѣ построилъ себѣ домъ, завелъ скотину и самъ одѣлся прекрасно, расчесалъ бороду и сталъ походить на умнаго и разсудительнаго мужика. Стали ему кланяться и называть по батюшкѣ, какъ порядочнаго человѣка. Такъ же пріодѣлъ онъ и своего сына, который съ Киргизами пасъ скотину и занимался темными, нехорошими дѣлами, былъ повсегда пьянъ и ходилъ оборванный.

Но не долго пришлось имъ пожить въ такой роскоши, вскорѣ почему то отецъ померъ и началъ хозяйничать сынъ. Вотъ сыймй этотъ господинъ мало-по-малу сталъ пропивать сперва скотину, а потомъ продалъ и домъ и пришлось приняться за старое ремесло. Сталъ ѣздить на станцію къ ночнымъ пассажирскимъ поѣздамъ, заходилъ въ первоклассные вагоны, а кто слѣзалъ на этой станціи съ большимъ чемоданомъ, предлагалъ свои услуги и, когда получалъ въ руки чемоданъ, ретировался не туда, куда просилъ его хо-

зяинъ, а туда куда было ему удобнѣе и хозяинъ больше своего чемодана не видѣлъ. И вотъ эти занятія были не трудныя и хорошія. Вотъ однажды за такія занятія пришлось ему поселиться въ тюрьмѣ и, послѣ тюремнаго визита, сдѣлался великимъ благодѣтелемъ своимъ товарищамъ по ремеслу, т. е. большевикамъ. Началъ дѣлать сборы, съ великимъ торжествомъ заходилъ въ каждую избу и требовалъ пожертвованія. Не знаю, доходили ли эти пожертвованія до большевиковъ или нѣтъ, объ этомъ сказать не могу. А вѣдь иногда бываютъ и такіе случаи, что воръ у вора дубинку воруетъ.

И вотъ такіе люди первые откликнулись своимъ товарищамъ большевикамъ, безъ малаго въ каждомъ селѣ были сборы такими типами.

Кто жертвовалъ, можетъ, и съ сочувствіемъ, но многіе жертвовали изъ за того, чтобы не оскорбить тюремнаго гостя, который являлся полнымъ хозяиномъ чужой собственности, защиты ожидать было не отъ куда. Полиціи не было, полицію въ Петроградѣ соціалисты всю подушили.

Не смотря на снѣгъ и морозы, война продолжалась. Большевики идутъ впередъ, а Дутовъ пятится назадъ, дѣлая на каждомъ шагу имъ сопротивленія. Гремѣли орудія, и летали аеропланы и вотъ однажды стали подниматься аеропланы, вблизи оказались кадеты и открыли огонь по аеропланамъ и одинъ аеропланъ сбили, а другой полетѣлъ въ Оренбургъ и тамъ добровольно спустился и большевики остались безъ аероплановъ.

Остервенѣвшіе большевики набросились на одно казацкое село, которое было недалеко отъ желѣзной дороги и вотъ это село начали обстрѣливать изъ орудій. Въ этомъ селѣ, окромѣ мирныхъ жителей, никого не было, но для нихъ было безразлично. Перепуганные неожиданными взрывами, мирные жители не знали, что дѣлать, но большевики били мѣтко, разбивали дома, дворы, убивали людей, скотину и всякую животину; начались пожары, поднялся ревъ скотины, собаки выли, жители обезумѣвшіе бѣгали, не зная, что дѣлать. Не смотря на 25-ти градусный морозъ, жителямъ пришлось бѣжать въ степь по глубокому снѣгу. Безъ мала, выбѣжало все населеніе, бѣжали въ разныя стороны кто одѣтый, кто раздѣтый, кому какъ пришлось. И вотъ на эту несчастную картину съ великимъ торжествомъ и радостью въ своихъ окаянныхъ сердцахъ смотрѣли матросы и красногвардейцы, наслаждались своимъ доблестнымъ подвигомъ.

Большевики все ближе и ближе подходили къ Оренбургу, а

Дутовъ, сколько ни дѣлалъ имъ сопротивленія, но верхъ былъ на сторонѣ большевиковъ, котсрые дружно шли впередъ. Въ силу необходимости, пришлось Дутову покинуть Оренбургъ и эвакуироваться въ Верхне-Уральскъ, а большевики съ великой гордостью вошли въ Оренбургъ.

Хотя у Дутова были надежные вояки офицеры и кадеты, а все таки пришлось отступить. Но были ли они надежны? О чемъ сказать трудно, такъ же еще труднѣе было ихъ назвать офицерами, хотя они и носили золотые погоны, но это къ нимъ шло, какъ къ коровѣ сѣдло. Уже за послѣднее время въ арміи были не офицеры, а одно горе. И за какіе то грѣхи Богъ наказалъ Русскую армію этими офицерами, т. е. прапорщиками.

Когда большевики стали наступать на Оренбургъ, то эти герои отъ одного свиста пуль полумертвыми падали на землю, даже не дѣлая никакого сопротивленія; и вотъ эти герои, какъ только ночь, такъ бѣгутъ съ позиціи и разбѣгаются по домамъ, пошлютъ другихъ, къ утру и ихъ не оказывается. И съ такими героями Дутовъ до тѣхъ поръ довоевался, что не было кого посылать на фронтъ. Исключительно были храбрыми и надежными вояками горсть кадетовъ, которые такія пораженія наносили матросамъ, что тѣ не могли взойти въ городъ до тѣхъ поръ, пока тамъ не осталось ни одного кадета. И вотъ съ такой горстью кадетовъ Дутовъ благополучно вышелъ изъ Оренбурга, а офицеры разбѣжались, какъ трусливые зайцы

Прошли праздники, прошелъ и Новый годъ. Мнѣ нужно было возвратиться въ свою часть, или явиться къ уѣздному воинскому начальнику, такъ какъ мой отпускъ просрочился и года мои были наканунѣ демобилизаціи, а опять въ транспортъ ѣхать очень не хотѣлось. Поѣхалъ я въ Оренбургъ, тамъ были уже большевики. Доѣхали до товарной станціи. Поѣздъ почему то дальше не пошелъ, а до пассажирскаго вокзала было версты полторы. Это было вечеромъ, часовъ въ семь и я рѣшилъ идти пѣшкомъ. Когда подошелъ я къ станціи, тамъ стоялъ большой пассажирскій составъ и по платформѣ прогуливались матросы, всѣ вооруженные винтовками, шашками и револьверами. Гуляли съ сестрами подъ ручку. Настроеніе у нихъ было очень веселое. Составъ былъ весь изъ классныхъ новыхъ вагоновъ и два вагона были съ продуктами, одинъ съ провизіей, а другой съ разными напитками. Ночевалъ я въ городскомъ лазаретѣ у медицинскаго фельдшера, который разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда Дутовъ уходилъ изъ города, то забралъ съ собою всѣхъ раненыхъ, а одинъ поручикъ, раненый въ плечо, чувство-

валъ себя слабымъ и отказался отъ эвакуацiи, предпочелъ остаться на произволъ судьбы. Самъ онъ былъ житель Оренбургскiй. Когда зашли большевики въ городъ, то первымъ долгомъ стали осматривать лазареты, нѣтъ ли раненыхъ офицеровъ. Когда пришелъ большевистскiй контроль въ лазаретъ, то медицинскiй персоналъ рѣшилъ не сказывать про этого офицера, думали, какъ нибудь скрыть, т. е. не сказывать, что онъ участвовалъ съ Дутовымъ. И вотъ, когда зашли въ палату, гдѣ лежалъ офицеръ, то изъ нихъ одинъ подошелъ къ нему и говоритъ: «А это ты?» и назвалъ его по имени; тотъ слабымъ голосомъ отвѣтилъ — Да, я — Тогда онъ обратился къ своимъ товарищамъ и сказалъ, что этотъ офицеръ такой то и раненъ на этомъ фронтѣ. Тогда, не долго думавши, одинъ красноармеецъ вынулъ вонъ изъ ноженъ шашку и хотѣлъ прикончить его на мѣстѣ, но пришлось его уговорить не дѣлать этого, потому что можетъ повлiять на больныхъ. Тогда велѣли принести носилки, положили его на носилки и вынесли на дворъ. Тогда герой красноармеецъ нанесъ ему шашкой по черепу, но вѣроятно неудачно, черепъ не пробилъ и онъ былъ живъ. Онъ взмахнулъ шашкой еще разъ и тотъ несчастный вѣроятно былъ въ памяти. Желая защитить себя отъ смертелнаго удара, подставилъ руку, и красноармеецъ отсѣкъ ему кисть правой руки и разсѣкъ переносицу. Въ надеждѣ, что покончили съ нимъ, отправились съ великимъ торжествомъ дальше, а казненнаго отнесли въ покойницкую.

Вспомнилъ бѣдный сторожъ простого великаго мученика и рѣшилъ пойти отыскать его посреди покойниковъ и сказать его роднымъ, можетъ быть, похоронятъ какъ-нибудь тайкомъ. Взялъ фонарь, пошелъ въ покойницкую. Въ покойницкой было много мертвецовъ, такъ какъ многихъ привезли большевики съ фронта. Долго сторожъ искалъ его, потомъ видитъ, что одинъ изъ мертвецовъ сталъ шевелить ногами. Отъ такого великаго страха у сторожа стали волосы дыбомъ, а мертвецъ не переставалъ ворочаться и все больше дѣлалъ движенiя ногами и потомъ съ трудомъ проговорилъ: «помогите, я живой.»

Перепуганный сторожъ прибѣжалъ и разсказалъ фельдшеру (который мнѣ разсказывалъ). Фельдшеръ пошелъ и дѣйствительно, онъ былъ живъ. Фельдшеръ сдѣлалъ, что нужно, далъ ему морфiя, но въ лазаретъ его нести было нельзя, боялись, какъ бы самимъ не поплатиться жизнью. Сторожъ сообщилъ его роднымъ и въ эту же ночь его родные увезли живымъ и черезъ три дня было извѣстно, что онъ еще живъ. Кто же это былъ тотъ красноармеецъ, который

познал этого офицера? Это был его товарищ, тоже житель Оренбурга; они расли, играли и учились вмѣстѣ. Оба были поручиками, только тот остался вѣрным защитником своей родины, а этот стал предателем и разбойником.

На другой день послѣ этого контроля явился еще какой то пьяный комиссар с четырьмя вооруженными австрійцами и сразу потребовал на лицо весь медицинскій персонал и потребовал, чтобы ему показали всѣх больных и всѣ палаты. Тогда доктор сказал, что вчера был большевистскій контроль и все провѣрили; но комиссар затопал ногами и зычным голосом скомандовал «на мушку». Австрійцы защелкали затворами и стали цѣлиться на доктора. Доктор от такого неожиданнаго страха стоял ни жив, ни мертв. Остальные медицинскаго персонала хотѣли бѣжать, но получили такой приказ: кто вздумает бѣжать, тот тут же будет застрѣлен. С великим страхом стали его водить по палатам и показывать. Стал подходить к больным и спрашивать: кто ты, большевик или нѣт? Кто говорил большевик, на того ничего, а кто говорил, по нечаянности, «нѣт», то на того сейчас же командовал «на мушку» и австрійцы тут же цѣлились и тот в страхѣ молил о пощадѣ, чего и получал. Больше всѣх таким ужасам подвергался доктор, на котораго нѣсколько раз по командѣ цѣлились австрійцы. От таких ужасов доктор то блѣднѣл, как мертвец или трясся, как в лихорадкѣ. Лазарет был большой, пришлось пробыть под таким страхом часа три. По обходѣ всего лазарета, зашли в канцелярію. Комиссар был немного уже отрезвлен. Спиртовой угар выходил из его головы. И вся медицина немного ожила и стала как то веселѣе. Также и доктор стал немного смѣлѣе с ним говорить и он уже измѣнил свой тон. При таком честном вытрезвленіи, стал он каяться в своих грѣхах. Каждый честный пьяница, когда он отрезвляется, начинает каяться о своих дурных поступках. Вот и этот разбойник сидѣл в канцеляріи и каялся: не о том он каялся, что нагнал великій страх на всѣх, а о том, что он был в таком веселом настроеніи и не мог никого застрѣлить, вот он о каком грѣхѣ каялся. Даже с великим вздохом указав на доктора и сказал: «очень жаль, что не застрѣлил я Вас». Доктор спросил: «за что Вы хотѣли застрѣлить меня?». — «А ни за что, просто хочу, а теперь угар прошел и не могу, но впредь таких ошибок дѣлать не буду». А кто он такой, безошибочно можно угадать, что тюремный гражданин.

Переночевалъ я у этого фельдшера, утромъ я пошелъ къ уѣздному начальнику, но уѣзднаго начальника не было, на его мѣстѣ сидѣлъ какой то матросъ. Узналъ я, что кто являлся съ отпускнымъ билетомъ, того зачисляли опять въ полкъ служить. Не сталъ предъявлять своего отпускного билета, вздумалъ съѣздить въ Бузулукъ. Пріѣхалъ въ Бузулукъ, зашелъ въ канцелярію воинскаго начальника, тамъ не было никого, а сидѣлъ только одинъ австріецъ и выдавалъ увольнительные билеты. Также далъ и мнѣ клочекъ бумажки, гдѣ было написано, «уволенъ въ запасъ такой то» и подпись комиссара. Взялъ этотъ билетъ и пошелъ на станцію. Городъ былъ какой то мрачный, по улицамъ никто не ходилъ и не ѣздилъ и какъ то становилось жутко, какъ будто находишься въ какой то мертвой пустынѣ, а не въ городѣ. Прошелъ я нѣсколько улицъ. Все было тихо, ничего не слышно. Потомъ вдругъ послышалась стрѣльба изъ винтовокъ, потомъ затрещали пулеметы. Неожиданная такая стрѣльба меня сильно удивила; но стрѣльба скоро перестала и опять стало все тихо. Вскорѣ я узналъ, въ чемъ было дѣло: я былъ недалеко отъ церкви, въ церкви было богослуженіе, былъ какой то праздникъ. И вотъ во время богослуженія красноармейцы окружили эту церковь и стали обстрѣливать. Этимъ они дали знать, что пришли вооруженные красногвардейцы. Послѣ такого почетнаго салюта, ворвались въ церковь, откуда они волокли контръ-революціонеровъ — семидесятилѣтняго старика священника. Стали заступаться старики и старухи, но ничего не помогло. Они тащили старца священника за его сѣдую бороду въ какой то военный трибуналъ и что постигло этого старца, мнѣ неизвѣстно. Я упомянулъ, что заступились за священника старики и старухи, потому что въ это уже время молодые ходить въ церковь стыдились, а исключительно только ходили самые старые и то только бѣдные, а богатымъ было некогда: они прятали отъ большевиковъ свои золото и разныя драгоцѣнности.

Возвратился я опять въ село Черепановку, гдѣ мнѣ разсказали другую исторію. На станціи Новосергіевской былъ военнымъ комиссаромъ Карпушка Федоровъ. И вотъ вздумалъ онъ поѣхать въ казацкій городъ Илецкъ, провѣрить, нѣтъ ли тамъ Дутовскихъ бѣлогвардейцевъ. Отъ станціи Новосергіевки до Илецка было семьдесятъ пять верстъ. Взялъ съ собою надежныхъ разбойниковъ и поѣхалъ. Остановился на квартирѣ, потомъ пошли по городу разузнавать, но въ Илецкѣ никакихъ бѣлогвардейцевъ не было, т. е. для этихъ разбойниковъ не оказалось жертвъ, а съ пустыми

руками ѣхать не хочется. Долго они искали по городу, но не могли найти. Возвращались они уже на квартиру, и увидѣли они гимназиста лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, подошли къ нему, низко поклонились и стали его разспрашивать, откуда онъ и куда? Юноша, не подозрѣвая разбойниковъ, подумалъ, что люди хорошіе, разсказалъ имъ, что учился въ Оренбургѣ и когда Дутовъ ушелъ, а большевики пришли, то всѣ гимназисты разбѣжались; тогда и онъ рѣшилъ поѣхать домой въ Уральскъ, но бѣда была въ томъ, что не было денегъ и не зналъ дороги домой, и вотъ онъ ходитъ по городу и ищетъ попутчика. Тогда комиссаръ Карпушка отъ такой великой радости чуть не заоралъ во все свое комиссарское горло: дескать, что тебѣ искать и заботиться, поѣдемъ съ нами, мы ѣдемъ въ Уральскъ и свеземъ тебя безплатно и намъ будетъ веселѣе. Отъ такой неожиданной радости юноша чуть не бросился имъ въ ноги, думая, что благодѣтели. Повезли они его не въ Уральскъ, а въ противоположную сторону, т. е. на станцію Новосергіевку въ свое разбойничье гнѣздо. Увидѣлъ онъ у нихъ винтовки и спросилъ, почему они имѣютъ винтовки? Они ему сказали, что они бѣлогвардейцы и боятся, какъ бы не напали на нихъ красногвардейцы. Тогда юношѣ стало еще веселѣе, что попалъ къ своимъ единомышленникамъ. Они его начали разспрашивать. Тотъ кой-что, вѣроятно, имъ разсказалъ. можетъ быть и покорилъ большевиковъ.

Довезли они его до Черепановки, заѣхали къ своимъ знакомымъ покормить лошадей и попить чаю. Увидѣли этого юношу женщины и стали спрашивать, далеко ли ты, мальчикъ, ѣдешь? Мальчикъ отвѣтилъ, дескать, я ѣду домой въ Уральскъ. Тогда женщины разсказали ему, что его везутъ не въ Уральскъ, а на станцію Новосергіевку и что эти — не бѣлогвардейцы, а комиссары. Понялъ мальчикъ въ какую ловушку онъ попалъ, началъ плакать и упрашивать ихъ, чтобы его отпустили. Сжалились надъ юношей женщины и стали умолять комиссара Карпушку. Но у волка въ зубахъ Егорій далъ. Дорогой всячески надъ нимъ издѣвались. При двадцати пяти градусномъ морозѣ, его раздѣвали до гола и везли голымъ, заставляли нагишемъ кататься по снѣгу и продѣлывали съ нимъ все, что хотѣли. Это разсказывали очевидцы, которые ѣхали со станціи.

Если бы это было при Царѣ и везъ бы полицейскій какого либо каторжанина и сталъ бы надъ нимъ такъ издѣваться, какъ издѣвался надъ юношей комиссаръ Карпушка, то первая попавшаяся на встрѣчу женщина, выдрала бы всѣ глаза этому полицей-

скому. Но это было при свободѣ, при соціалистическомъ раѣ, не полицейскій издѣвался, а комиссаръ, не надъ каторжаниномъ, а надъ невиннымъ юношей. И на встрѣчу попадались не женщины, а почетные мужчины и не только глаза выдрать этому хулигану не смѣли, а напротивъ давали ему дорогу и снимали со своей головы лохматую, теплую шапку и низко кланялись. «Здравствуйте», и не «Карпушка», какъ повсегда его звали, а «Карпъ Васильевичъ» и тутъ же закрывали свою физіономію большимъ воротникомъ своего тулупа, какъ будто отъ холода, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ свободнаго издѣвательства. Напрасно юноша ожидалъ себѣ помощи отъ встрѣчныхъ гражданъ. При видѣ каждаго встрѣчнаго, онъ молилъ въ душѣ и дѣлалъ видъ глазами, что онъ проситъ спасти его отъ этихъ разбойниковъ, но никто его не спасъ. Онъ долженъ былъ остаться въ когтяхъ у этого кровожаднаго звѣря посреди бѣлаго дня, на глазахъ у публики. Это было не тысячу лѣтъ назадъ, а въ 1918 году въ январѣ мѣсяцѣ.

Кто такой былъ Карпушка? Я его зналъ съ малыхъ лѣтъ. Онъ былъ хорошій пьяница и порядочный воръ. Гдѣ бы онъ ни жилъ, но по хорошему никогда не уходилъ. Повсегда были какія то непріятности и изъ за этого его никто не держалъ. Потомъ онъ сталъ ѣздить проводникомъ съ быками въ Москву и въ Петроградъ и въ этихъ поѣздкахъ онъ ухитрялся самъ продавать быковъ. Когда пригоняли быковъ въ посадку, то Карпушка продавалъ любого быка своему извѣстному покупателю и получалъ за него деньги. Когда отправлялся поѣздъ, то на извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ дожидался Карпушкинъ покупатель своего купленнаго быка, то на полномъ ходу Карпушка выталкивалъ изъ вагона быка своему покупателю. Вотъ какими дѣлами занимался новый комиссаръ Карпушка.

Поѣхалъ я въ Тургайскую область, въ Актюбинскій уѣздъ. На станціи Яйсанѣ жилъ мой родной братъ, а на станціи Акъ Булакъ было много знакомыхъ. Я и рѣшилъ съѣздить провѣдать брата и повидать знакомыхъ. Пріѣхалъ я въ Акъ Булакъ, зашелъ къ своему знакомому, съ которымъ мы давно уже не видѣлись. Конечно разговоровъ было много, тамъ тоже царствовали большевики, устраивали свои порядки. Во главѣ правителей стояли люди все знатные, начиная съ карманнаго грузчика, кончая конокрадами включительно. И вотъ эти дѣятели теперь бѣгали по своимъ учрежденіямъ съ

портфелями и одѣты были не въ рваные полушубки, а были на нихъ приличные костюмы и хорошія пальто. И на ихнихъ физіономіяхъ не видно было прежнихъ фонарей, а красовались на ихнихъ носахъ великолѣпные пенснэ съ золотыми ободками и шелковыми шнурами пристегнутые за верхнюю пуговицу пальто. Были они при золотыхъ часахъ и на пальцахъ красовались перстни съ брилліантами. И эти господа теперь великолѣпно торжествовали. Они теперь не лазили въ чужіе карманы и не спотыкались на лошадей, какъ это случалось съ ними прежде. А теперь они дѣйствовали свободно: нужны имъ деньги, сейчасъ же накладываютъ на буржуевъ контрибуцію и приказываютъ принести самимъ въ такое то время, въ такіе то часы и минуты, и получали все безъ всякаго опозданія. А, если понадобится имъ куда ѣхать, то такимъ же способомъ. Посылаютъ къ буржуямъ, у кого есть хорошій рысакъ или иноходецъ, прикажутъ запречь въ бѣговыя санки съ волчьимъ покрываломъ и въ такой формѣ подкатываются санки къ указанному мѣсту, откуда часа черезъ два-три выходитъ правитель въ вышеуказанной формѣ, вѣжливо садится въ санки и тутъ же подбѣгаетъ лысый сторожъ и поправляетъ усѣвшагося. На козлахъ сидитъ буржуйскій кучеръ или самъ буржуй. И вотъ при такой великолѣпной упряжи, мчится вчерашній конокрадъ и, не поворачивая своей головы по сторонамъ, какъ обезьяна, сидитъ прямо и осанисто. Усы растопырены, что у чернаго таракана. И воображаетъ изъ себя не то Наполеона, не то Кутузова или вообще изъ какихъ то старыхъ полководцевъ, только ничуть не Керенскаго.

Въ этомъ Акъ Булакѣ былъ кузнецъ, Чекуринъ, бывшій матросъ, котораго я зналъ года три или четыре и за все это время я его ни одного разу не видѣлъ трезвымъ, но всегда онъ былъ пьянъ. И вотъ этотъ г. Чекуринъ въ одно прекрасное время вздумалъ продѣлать обыски по богатымъ татарамъ, нашелъ себѣ такого же товарища и въ 12 часовъ ночи начали обыскивать. Обыщутъ одного, тотъ везетъ ихъ къ другому такъ какъ пѣшкомъ не изволили ходить. Когда пріѣзжали къ татарину, то тотъ не только долженъ былъ поскорѣе открыть сундукъ, гдѣ хранится звонкая монета, но долженъ былъ не опоздать запречь лошадей и везти эту великую радость къ своему сосѣду. По окончаніи обыска, приказалъ его везти къ его собственному дворцу, т. е. къ землянкѣ, и когда подвезъ купецъ своего грабителя къ его землянкѣ, тотъ конечно вѣжливо слѣзъ и не забылъ поблагодарить, какъ полагается хорошему извозчику, вынулъ серебряный рубль и произнесъ: «На, вотъ тебѣ

на чай». Кучеръ конечно протянулъ свою руку, взялъ изъ рукъ разбойника свой рубль, вѣжливо поблагодарилъ за такую щедрую милость, что его же рублемъ его подарилъ.

На утро ограбленные татары стали протестовать противъ такого поведенія и стали требовать, чтобы немедленно его привлечь къ отвѣтственности за такія продѣлки. Тогда правители, видя въ народѣ сильное неудовольствіе противъ поведенія Чекурина, рѣшили удовлетворить потерпѣвшихъ. Арестовали Чекурина и отправили въ Оренбургъ, а потерпѣвшимъ объявили, что Чекурину въ Оренбургѣ отрубятъ голову. Вспомните сказку про мизгиря. Точь въ точь сходственное съ Чекуринымъ, — тараканъ кричалъ, что мизгиря отвезли въ Казань и тамъ ему голову отрубили. Обрадованныя мошки вылетѣли изъ подъ коры и не успѣли порѣзвиться отъ радости въ воздухѣ, какъ попали къ мизгирю въ сѣти. Такъ и тутъ. Всѣ жители Акъ Булака узнали, что Чекурина отвезли въ Оренбургъ и что тамъ ему отрубятъ голову, обрадовались, что избавились отъ такого ненужнаго реквизитора ихняго трудового имѣнія, собирались уже праздновать день избавленія. Но не успѣли отпраздновать, какъ явился на этотъ праздникъ самъ Чекуринъ и уже не съ голыми руками, а имѣя при себѣ браунингъ, винтовку и шашку. Вотъ какое ему вышло наказаніе.

Пробылъ я въ Акъ Булакѣ нѣсколько дней, мнѣ нужно было ѣхать на Яйсанъ къ брату. Пришелъ я на вокзалъ, спросилъ, когда будетъ поѣздъ. Мнѣ сказали, что неизвѣстно, будетъ или нѣтъ, такъ какъ поѣзда ходили не по расписанію, а по своему усмотрѣнію. На станціи стоялъ паровозъ съ двумя вагонами, въ которыхъ были красноармейцы. Ѣхали въ Актюбинскъ. Подошелъ я и спросилъ разрѣшеніе доѣхать до Яйсана. Мнѣ разрѣшили. Сѣлъ я въ вагонъ и сижу, дожидаюсь, когда поѣдемъ. Слышу какой то женскій голосъ тоже просится до Яйсана. На такую просьбу красногвардейцы закричали, что не надо намъ женщинъ, здѣсь только для солдатъ. Но та объявила, что она комиссарова жена, пріѣзжала по важному дѣлу, и ей нужно обязательно уѣхать. Когда услышали, что она комиссарка, то безъ всякихъ разговоровъ пустили.

Къ великому моему удивленію, эта комиссарша была госпожа Петрова, которая хорошо мнѣ была извѣстна.

Пріѣхалъ я въ Яйсанъ, мнѣ братъ разсказалъ, что Петровъ былъ Яйсанскимъ комиссаромъ, а братья его помощниками. И вотъ со всей своей свитой принялись лудить весь Яйсанъ и послѣ ихней полудки уже ничего не оставалось. Не вытерпѣли Яйсанскіе мужи-

ки, собрали сходку и рѣшили отъ всѣхъ лудильщиковъ отобрать оружіе. Такъ и сдѣлали и нѣкоторыхъ въ свою очередь полудили порядкомъ, а комиссара и нѣкоторыхъ другихъ товарищей отправили въ Актюбинскъ.

Вотъ эта комиссарша и пріѣзжала въ Акъ Булакъ тоже къ комиссару хлопотать о мужѣ. Пробылъ я на Яйсанѣ дня три и собрался ѣхать обратно въ Акъ Булакъ. Пришелъ на станцію, и ожидалъ поѣзда. Вдругъ прошелъ какой то поѣздъ съ товарными вагонами и два вагона классныхъ. Не успѣлъ остановиться поѣздъ, какъ стали выскакивать изъ классныхъ вагоновъ красноармейцы, моментально стали подставлять подмостки къ товарнымъ вагонамъ и выводить оттуда лошадей. Вышелъ красный комиссаръ и началъ дѣлать распоряженія, гдѣ кому стоять и далъ такой приказъ, если кто не остановится послѣ двухъ окриковъ, то прямо стрѣляй въ него. Тогда всѣ поняли, что пріѣхалъ карательный отрядъ, по дѣлу о обезоруженіи красногвардейцевъ и отправки комиссара въ Актюбинскъ. Разставили по всѣмъ дорогамъ караулы, а потомъ пошли арестовывать, кого имъ нужно. Арестованныхъ приводили въ вагоны и запирали; насажали полные вагоны и никого къ нимъ не допускали. И охранявшіе арестованныхъ, ходили возлѣ вагона и постукивали въ дверь и приговаривали: «не долго Вамъ жить, разстрѣляемъ». Услыша такія привѣтствія, арестованные сидѣли ни живы, ни мертвы. Жены ихнія ревутъ, голосятъ, ихъ не только не пускаютъ къ ихнимъ мужьямъ, но даже не допускаютъ къ комисару переговорить, за что арестовали. Комиссарскую дверь охранялъ самъ Чекуринъ и никого близко не допускалъ.

Часовъ въ десять ночи начался допросъ. Допрашивали въ классномъ вагонѣ и на допросъ приводили по одиночкѣ. Допрашивали не долго, налагали темную контрибуцію. При уплатѣ контрибуціи, арестованный былъ свободенъ, но со строгимъ соблюденіемъ не заикаться про контрибуцію. Контрибуцію брали всѣмъ. У кого не было денегъ, съ того брали овсомъ для лошадей, а съ одного огородника взяли картошкой для краснаго отряда. Къ утру арестованные были всѣ выпущены и отрядъ, наполненный деньгами, овсомъ и картошкой, отправился въ свой станъ.

Пріѣхалъ я въ Акъ Булакъ часа въ три утра. Когда шелъ я со станціи, то мнѣ попадались на встрѣчу и обгоняли. Шли съ какими то ведрами и что то несли. Торопились, разговаривали тихо. Вся эта картина меня сильно удивила. Въ такое время должны всѣ спать. А тутъ какая то суета, бѣготня и изо всего этого я ничего

не понялъ. На утро еще дюжѣе удивило меня. Всѣ желѣзнодорожные служащіе ходили веселыми, бодрыми и радостными. Жены ихнія были наряжены, нарумянены, накрашены. Ходили другъ къ другу въ гости, изрѣдка шли съ какими то пѣньями, съ плясками. Долго я смотрѣлъ на эту компанію и не могъ понять: праздника не было, а, если былъ бы праздникъ, то праздновали бы всѣ, а это веселятся только одни желѣзнодорожники. Тогда я подумалъ, ужъ не Троцкаго ли жена чертенка родила? и вотъ на радостяхъ, можетъ, и потѣшаются. Тогда я спросилъ у одного коммуниста. Тотъ сказалъ, что на счетъ Троцкаго чертенка никакого декрета нѣтъ, а выяснилось дѣло въ слѣдующемъ. Шло два вагона вина въ какой то лазаретъ на лекарство для больныхъ. Про то узнали служащіе и вздумали себѣ болѣть. Заболѣли всѣ желѣзнодорожные служащіе и начали разносить лекарство не флаконами, а ведрами или боченками, кто какъ могъ и сколько могъ. И всю ночь продолжалась разливка лекарства и на утро начали его принимать чайными каплями и такъ хорошо вылечивались, что къ вечеру начали трепака выхаживать, а въ лазаретъ отправили порожнія бочки для дезинфекціи.

По всей Ташкентской желѣзной дорогѣ служащимъ жилось недурно. Которые товары приходили по Ташкентской ж. д., мануфактура, бакалея, галантерея и всѣ остальные и всѣ эти товары подвергались реквизиціи со стороны желѣзнодорожниковъ. Всѣ эти господа ходили въ обновахъ, нарядные, жены ихнія тоже были расфранченныя, въ новыхъ коротенькихъ модныхъ платьяхъ, въ шевровыхъ гусарикахъ, въ шелковыхъ чулкахъ. Физіономіи нарумяненныя, напудренныя, со жженными кудрями. И въ головы натыканы съ дюжину разныхъ гребенокъ. И всѣхъ портныхъ завалили работою, потому что сами ничего уже не шили, а все отдавали портнихамъ шить по модному.

Однажды стою я на платформѣ, пришелъ поѣздъ изъ Оренбурга. И вотъ изъ вагона выходитъ стрѣлочникова жена, а другая подошла и спрашиваетъ: «гдѣ Вы были, Анна Ермолаевна?». Та весело отвѣчаетъ: «Въ городъ ѣздила, къ примѣркѣ». «А какъ Вы себѣ платье шьете?». — «А я себѣ такъ шью, какъ у Секлетины Павловны. Спереди воланомъ, а сзади въ три складки». И вотъ эти теперь новыя графини стали разъѣзжать по городамъ, по разнымъ моднымъ модисткамъ и портнихамъ. И, если пойдетъ на рынокъ, то уже не покупаетъ, какъ прежде, картошку съ мясомъ, а покупаетъ какого либо зайчика или дикую куропатку и сама уже не несетъ, а за нею несетъ какой нибудь голопузый киргизенокъ въ своемъ

рваномъ кафтанишкѣ и получаетъ за это отъ своей «графини» хорошее вознагражденіе.

Для всѣхъ желѣзнодорожниковъ протекала такая веселая жизнь. Чуть не каждый день справляютъ крестины, новоселье или имянины, повсегда пирушки да гулюшки. И эту свою веселую жизнь твердо защищаютъ. Была у каждаго винтовка, даже ходили на дежурство съ винтовками, никогда не разставались съ ними и не походили на служащихъ или рабочихъ, а просто на какихъ то Азіатовъ. Что этихъ желѣзнодорожниковъ заставило взять винтовки и распоряжаться чужою собственностью? Заставилъ ли ихъ голодъ или нужда или еще что нибудь — сказать это трудно.

Скажу одинъ примѣръ. На одной маленькой станціи, недалеко отъ Оренбурга, жилъ сторожъ. Было у него шестеро дѣтей. Нѣкоторые были отданы въ няньки за дешевую плату, а которые поменьше — при немъ. Сторожъ жилъ очень бѣдно, жалованье получалъ маленькое, доходовъ не было никакихъ. И вотъ предложили ему, записаться краснымъ и получить винтовку. Такъ и сдѣлалъ. И вотъ съ винтовкой явился домой; увидѣла эту винтовку его жена и спрашиваетъ, что это значитъ? Тотъ объяснилъ, что онъ теперь красный. Бѣдная женщина, ни слова не говоря, взяла ухватъ и начала этимъ ухватомъ его красить и до тѣхъ поръ она его красила, пока отъ ухвата ничего не осталось. Весь выкрашенный, бѣдный сторожъ выхватилъ свою винтовку и какъ пробка выскочилъ отъ своего художника и безъ оглядки бѣжалъ туда, откуда получилъ ее.

Не имѣла ли эта женщина нужду и не терпѣла ли она голоду и всякаго недостатка? Все это она перетерпѣла и все она перенесла и, какъ была она честная, такъ и осталась. Никакіе соблазны ее не искусили. Если бы у насъ въ Россіи были все такія честныя женщины, то и Россія бы наша не купалась въ своей родной крови.

По пріѣздѣ въ Черепановку, тамъ была опять новина. Красногвардейцы вздумали поѣхать въ городъ Илецкъ для порядка. Поѣхали большимъ отрядомъ съ пулеметами и съ орудіями, въ полномъ вооруженіи. Пріѣхали въ Илецкъ, ихъ тамъ казаки встрѣтили съ почетомъ, дали имъ хорошее помѣшеніе и все необходимое и думали прожить съ ними въ мирѣ. Но комиссарамъ со своими бандами нельзя было жить сложа руки. Принялись за свою обычную работу, начали налагать контрибуцію за контрибуціею, какъ по писанному.

Пошли обыски, при обыскахъ стали реквизировать звонкую монету, какъ вещь запрещенную, и за такія преступныя вещи хозяева карались во весь декретъ. Напримѣръ, у кого находили золотую или серебряную монету, то ее тутъ же отбирали, а хозяина за содержаніе такой вредной монеты приглашали въ особый сарай и полъ посыпали солью для того, чтобы не угорѣть.

Не по вкусу пришлись такіе гости казакамъ. Стали придумывать, какъ избавиться отъ такихъ гостей? Тогда казаки взялись за шашки и стали ихъ съ почетомъ выпроваживать, какъ полагается. Отъ такой почести красногвардейцы оттуда безъ мала и не вернулись, всѣ тамъ остались. И съ тѣхъ поръ красногвардейцы не пытались навѣстить городъ Илецкъ.

Прошла зима, насталъ Великій постъ. Дни стали большіе, стало солнцемъ припекать и предвѣщалась скорая весна. Всѣ крестьяне проснулись отъ долгой зимней спячки, начали отрывать свои хижины отъ занесеннаго снѣга, надѣясь, что больше булановъ не будетъ, починять старую сбрую или шить новую, осматривать плуги и бороны, что не гожалось, замѣняли новыми. Каждый крестьянинъ что нибудь да дѣлалъ, приготовляясь къ веснѣ. Не сидѣли также сложа руки и красноармейцы. Они тоже ожидали весну, а весна для нихъ очень невыгодная, испортятся дороги, нельзя будетъ никуда поѣхать, а ждать, когда просохнутъ, это вовсе для нихъ не выгодно, потому что крестьяне разъѣдутся по полямъ и хлѣбъ развезутъ и разсѣютъ, скотину тоже угонятъ въ степь пастись и добыча будетъ не изъ легкихъ. То ли дѣло теперь зимой, хлѣбъ въ амбарѣ, скотина на дворѣ, звонкая монета въ сундукѣ, приходи и бери, что нужно. Вотъ они и торопились, чтобы обобрать до распутицы всѣ поселки. А тутъ на грѣхъ оставались нетронутыми казацкія богатыя станицы. Въ 30 верстахъ отъ Елецкой Защиты была большая казацкая станица, Изобильная. Вотъ въ эту Изобильную послали 20 красныхъ разбойниковъ вооруженныхъ. Пріѣхали нежданные гости; узнали, зачѣмъ къ нимъ пожаловали эти гости. Тогда казаки попросили этихъ товарищей оставить Изобильную и самимъ уѣхать по добру по здорову. Увидѣли красные, что они попали не въ овчарню, а въ хорошую псарню, которая можетъ себя защитить отъ хищныхъ волковъ. При такой зубатой встрѣчѣ, красные съ угрозами на будущее быстро уѣхали. Не стерпѣвшіе угрозы красныхъ, казаки пустились въ погоню. Доскакали красные до села, Вѣтлянки, и вздумали попить чаю. Пока сидѣли и пили чай, этимъ временемъ казаки настигли ихъ и тутъ же по-

срубили имъ головы, а двоимъ пришлось какимъ то чудомъ убѣжать, Прибѣжали въ Елецкую Защиту и разсказали о случившемся- Тогда комиссары дали знать во всѣ края и отовсюду стали прибывать поѣзда съ красными, изъ Оренбурга и изъ Актюбинска Изъ Оренбурга пріѣхалъ военный комиссаръ, Цвилингъ — жидюга, и самъ лично сталъ командовать красными войсками. Двинулись полнымъ боевымъ порядкомъ: впереди шла пѣхота, а сзади артил лерія, а при артиллеріи находился самъ Цвиллингъ. Дошли до села Вѣтлянки и начали бить по селу изъ артиллеріи, гдѣ не было имъ никакого сопротивленія. Разбили село, выгнали жителей на чистый снѣгъ и двинулись дальше къ Изобильной. Всю дорогу шли хорошо и весело. Показалась Изобильная. У нѣкоторыхъ отъ радости ладони почесывались, дескать, скоро начну руки грѣть. Но на этотъ разъ имъ не пришлось, а пришлось казакамъ надъ ними погрѣть. Подошли чуть не вплотную къ Изобильной, какъ имъ на встрѣчу полетѣли пули. Отъ такой непріятной закуски красные повернули было назадъ, но и сзади была закуска, не хуже передней. Казаки объѣхали кругомъ и красные оказались въ кольцѣ. Метались то взадъ то впередъ, не зная, что дѣлать, даже не видно было геройства, которое они иногда проявляли во время обысковъ. Казаки разсчитались впередъ съ артиллеристами. Первому отрубили голову комиссару Цвиллингу, а потомъ всѣмъ остальнымъ. Потомъ принялись за пѣхоту. Пѣхота была въ такой паникѣ, что ничуть не могла сопротивляться и казаки ихъ рубили, какъ капусту. Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ по глубокому снѣгу. На лошадяхъ не могли ихъ преслѣдовать, тѣмъ только и спаслись, но спаслось очень мало. Объ этомъ мнѣ разсказывалъ одинъ красноармеецъ, который участвовалъ въ этомъ дѣлѣ и за одну ночь пробѣжалъ 70 верстъ. Прибѣжалъ безъ винтовки и безъ шинели. На мой вопросъ, что онъ тамъ видѣлъ, онъ отвѣтилъ: «Я», — говоритъ, — «только видѣлъ, какъ слетали головы съ плечъ».

Послѣ такой неожиданной неудачи, краснымъ долго пришлось формировать другія шайки и стали ѣздить не такъ просто.

Всѣ вагоны, идущіе изъ Туркестана съ хлопкомъ, не пропускались. Изъ хлопковыхъ тюковъ дѣлались блиндажи на платформахъ, съ бойницами и съ гнѣздами для пулеметовъ. Составы у нихъ составлялись слѣдующимъ порядкомъ: спереди и сзади платформы были съ орудіями, въ срединѣ были два или три вагона классныхъ и нѣсколько вагоновъ съ хлопковыми крѣпостями. И вотъ при такихъ составахъ разъѣзжали красные по Ташкентской дорогѣ.

Приходитъ поѣздъ на станцію, и изъ каждаго хлопковаго тюка выглядываетъ противная рожа краснаго идіота. Въ это же время фабрики останавливались за неимѣніемъ хлопка, но краснымъ было не до фабрикъ. Онѣ имъ были не нужны, потому что одѣты были красные великолѣпно. Хлопокъ въ тюкахъ былъ для нихъ очень полезный, пуля тюкъ не пробиваетъ. И казакъ съ шашкой въ такой высокій блиндажъ не заскочитъ и великолѣпно заворачивались въ такіе тюки, спасая свою шкуру.

Проходилъ Великій постъ, наступилъ высокоторжественный праздникъ Христова Воскресенья. Всѣ люди ждали праздника, но уже не съ такою радостью и не съ такимъ восторгомъ, какъ бывало это раньше. Всѣ люди ходили какіе то мрачные и смутные и все чтой-то ихъ тяготило.

Но красные наоборотъ были очень веселы и ходили повсегда съ пѣснями, дѣлали вечера, танцовали, гуляли и все, что имъ придумывалось. Въ Великую заутреню вбѣгаетъ въ церковь плѣнный австріецъ, служившій уже въ красной гвардіи, съ папироской въ зубахъ, подходитъ къ Распятію и начинаетъ всячески издѣваться надъ святынями. И никто не могъ вывести его изъ храма, всѣ боялись, чтобы не обидѣть красныхъ разбойниковъ. А въ селѣ Матвѣевкѣ красные издѣвались надъ священникомъ, заставляли его плясать, танцовать, потомъ начали вѣнчать съ кухаркой, и какъ только они надъ нимъ ни издѣвались, какихъ они пакостей не продѣлывали и жаловаться было некому: высшее начальство было изъ такихъ же каторжанъ, да изъ жидовъ, а имъ было самое главное поругать святыню, да изгнать священниковъ; они даже радовались такимъ случаямъ.

Также веселились красногвардейцы и на станціи Новосергіевкѣ. Они весь постъ гуляли, плясали, никого не боялись, ходили по домамъ, стрѣляли въ иконы; что хотѣли — то и дѣлали. Или они уже чувствовали скорую свою гибель или отъ постояннаго пьянства сходили съ ума, но вскорѣ сбылось первое.

На Пасху стали ходить новые слухи, что казаки хотятъ пріѣхать на станцію Новосергіевку къ краснымъ съ визитомъ. Конечно, эти слухи не заставили себя долго ждать. На Пасху въ Пятницу къ вечеру, вблизи Ясакова хутора, отъ станціи пять верстъ, показались казаки все конные. Ни на шутку перепугались красные, всю ночь

стрѣляли изъ пулеметовъ, изъ винтовокъ, били изъ орудій, сами не зная въ кого стрѣляютъ. А казаки только ихъ дразнили, на такомъ видномъ мѣстѣ чтобы они все вниманіе обратили на нихъ, а главныя части казаковъ этимъ временемъ объѣхали ихъ съ другой стороны, откуда они ихъ не ждали. На разсвѣтѣ казаки окружили ихъ кругомъ, а красные ихъ даже и не замѣтили; они стрѣляли все въ ту же сторону, гдѣ вчерась еще показались казаки, но ихъ тамъ уже не было.

Казаки неожиданно кинулись на красныхъ, завязался рукопашный бой. Бой продолжался недолго. Черезъ полъ часа красныхъ не стало: кто лежалъ безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, всѣ были уничтожены. По всей станціи лежали трупы красныхъ. Особенно много было навалено въ вокзалѣ, куда они было заперлись, но это ихъ не спасло. Казаки не стали ихъ убирать. Они собрали пулеметы, орудія, снаряды, какіе еще остались, обмундированіе и все это отправили въ свои станицы. У красныхъ былъ погребокъ, гдѣ имѣлось много разныхъ винъ и закусокъ, копченые окорока, гуси и разные консервы. Спали на пуховыхъ перинахъ, одѣвались хорошими одѣялами, жили по барски.. Казаки пробыли на станціи до вечера. Какъ только солнце закатилось, они сѣли на коней и поѣхали домой. Какъ будто ничего не было. Послѣ казаковъ пріѣхали красные и стали подбирать своихъ товарищей по ремеслу, подобрали всѣхъ, сложили въ вагоны, какъ гнилую картошку и повезли въ Бузулукъ. Сколько было красныхъ, я точно не могу сказать, говорили, что около четырехсотъ и всѣ они были уничтожены. Съ казацкой стороны потерь почти не было. Было раненыхъ и убитыхъ человѣкъ пять.

Больше уже не формировались красные на станціи Новосергіевкѣ. Не знаю, что было дальше, а когда я поѣхалъ въ Архангельскъ, то казаки стояли на своей границѣ, а красные то пріѣдутъ на эту станцію, то опять уѣдутъ, но ночевать тамъ уже не оставались, а уѣзжали дальше. И чѣмъ все это дѣло кончилось — не знаю.

Въ первой половинѣ мая стараго стиля я вздумалъ уѣхать въ Архангельскъ. Собирался я недолго, положилъ въ солдатскую сумку двѣ пары бѣлья, хлѣба съ разсчетомъ, чтобы хватило до Архангельска, подушку, одѣяло, вотъ и весь былъ мой багажъ. Со станціи Новосергіевки поѣзда уже не ходили, по случаю казацкаго

возстанія, а нужно было садиться на станціи Сороченской, которая была въ 60 верстахъ отъ села Черепановки. Поѣхалъ до Сороки на лошадяхъ, подъѣхали къ Сороченскому мосту, на мосту стояли вооруженные патрули, а черезъ мостъ не пропускаютъ, говорятъ, что поздно, и намъ чуть не пришлось ночевать на берегу. Но на наше счастье пріѣхалъ военный комиссаръ, разспросилъ въ чемъ дѣло, и разрѣшилъ проѣхать. На утро пошелъ къ комиссару, взялъ пропускъ на выѣздъ, безъ котораго нельзя было выѣхать, дождался поѣзда, сѣлъ и поѣхалъ въ дальній путь. Пріѣхалъ въ Самару, гдѣ пересѣлъ на пароходъ и поѣхалъ вверхъ по Волгѣ. На пароходѣ было ѣхать очень хорошо. Всѣ пассажиры чувствовали себя не какъ въ Совдепіи, а какъ въ Царской Россіи, разговаривали всѣ свободно, никого не стѣснялись, красныхъ на пароходѣ никого не было, хотя комендантъ парохода и былъ матросъ, но онъ, вѣроятно, самъ былъ недоволенъ Совѣтскимъ раемъ, ни на одной пристани не допускалъ красноармейцевъ на свой пароходъ; вообще на пароходѣ существовалъ еще порядокъ. Ѣхалъ я на пароходѣ безъ мала пять сутокъ и за всѣ эти пять сутокъ я ни отъ одного пассажира не слыхалъ, чтобы похвалилъ совѣтскую власть, а наоборотъ, всѣ ее проклинали. На пароходѣ публики было много, были богатые и бѣдные, были солдаты, калѣки-инвалиды, были рабочіе съ разныхъ фабрикъ и никто не желалъ совѣтской власти. Но совѣтская власть вѣроятно не нуждалась въ томъ, чтобы ее хвалили.

Въ Ярославлѣ я слѣзъ съ парохода, пріѣхалъ на станцію. На станціи было народа видимо — невидимо и безъ мала всѣ ѣхали въ Сибирь за хлѣбомъ.

Съ трудомъ я сѣлъ въ вагонъ. Вагонъ былъ товарный, безъ освѣщенія, всю ночь ѣхали въ потемкахъ, а къ утру пріѣхали въ Вологду. Въ Вологдѣ на станціи народу было не меньше Ярославскаго и тоже ѣхали всѣ куда то за хлѣбомъ. Изъ Вологды до Архангельска билетъ не давали, для чего требовалось разрѣшеніе изъ Архангельскаго Губисполкома, котораго я не имѣлъ, а безъ него билетовъ не давали и дѣла мои были плохи. Потомъ мнѣ одинъ сторожъ посовѣтовалъ сѣсть на другой поѣздъ, который идетъ только всего на двѣ станціи, а тамъ можно будетъ взять билетъ и до Архангельска. Дѣйствительно,дѣло вышло хорошо. Сѣлъ въ вагонъ и думалъ, что теперь доѣду благополучно. Сталъ подъѣзжать къ станціи Холмогорской. Стала повѣрять документы желѣзнодорожная милиція и меня высадила, какъ не имѣющаго разрѣшенія и передали станціонному экспедиціонеру для отправки обратно этап-

нымъ порядкомъ. Я попросилъ милиціонера, чтобы онъ обождалъ меня отправлять дня три и за это время я выхлопочу себѣ разрѣшеніе. Милиціонеръ согласился и я получилъ разрѣшеніе, по которому я пріѣхалъ въ Архангельскъ.

Въ Архангельскъ я пріѣхалъ 27 мая стараго стиля и меня очень удивило, что публика вся ходила нарядная при золотыхъ часахъ, перстняхъ, однимъ словомъ во всей роскоши, какъ будто въ Архангельскѣ не совѣтская власть. У насъ въ Самарской губерніи вся роскошь уже отсутствовала. При золотыхъ часахъ и перстняхъ ходили исключительно комиссары, да красноармейцы. Но на счетъ продовольствія у насъ въ Самарской губерніи было гораздо лучше. Въ г. Архангельскѣ ѣли хлѣбъ изъ овса непросѣяннаго: при Царскомъ режимѣ бросить бы любой собакѣ и она ни за что не стала бы ѣсть такую гадость.

Вскорѣ стали распространяться слухи, что въ Архангельскъ пріѣдутъ союзники и большевиковъ выгонятъ. Кто вѣрилъ этимъ слухамъ, а кто и нѣтъ. Дескать, зачѣмъ они сюда придутъ, не покончивши войну съ Германцами? Но стали доходить слухи, что англійскіе военные крейсера идутъ на Мурманъ. Встревоженные такимъ слухомъ, комиссары стали экстренно вывозить изъ Архангельска снаряды, которыхъ былъ большой запасъ. Погрузка шла день и ночь, платили рабочимъ большія деньги. Стали дѣлать мобилизацію, мобилизацію только бѣдныхъ, богатыхъ не принимали. Мобилизація проходила плохо: кто приходилъ, а кто нѣтъ, а кто даже не являлся изъ за того, что онъ самъ не зналъ, кто онъ, богатый или бѣдный. Къ такимъ контръ-революціонерамъ посылали спеціальныхъ комиссаровъ для убѣжденія, но такихъ комиссаровъ крестьяне встрѣчали съ дубинами и вилами и комиссары у такихъ крестьянъ долго не засиживались. Съ приближеніемъ къ Архангельску союзниковъ, изъ города вывозилось все, даже продовольствіе, которое имѣлось.

2-го августа въ десять часовъ утра послѣдніе красноармейцы бѣжали изъ Архангельска, а въ Архангельскѣ появилось временное правительство, во главѣ съ Чайковскимъ. Весь городъ сразу ожилъ, ходили всѣ съ радостными лицами, поздравляли другъ друга и были всѣ такіе радостные, какъ будто избавились отъ столѣтней каторги. Часовъ въ шесть вечера показался иностранный пароходъ съ англійскимъ флагомъ. Публика сбѣжалась со всего города, махая платками, кричали «ура». Также и со стороны пріѣзжихъ размахивали платками и чтой-то кричали. Пароходъ подошелъ къ

пристани, вышелъ на палубу англійскій офицеръ и началъ говорить какую то рѣчь, говорилъ долго, но понять было нельзя. Публика толпилась возлѣ народа, желая заговорить о чемъ нибудь съ дорогими гостями. Къ 12-ти часамъ ночи публика весело разошлась по домамъ, зная, что ночью не придутъ съ обыскомъ красноармейцы.

Съ 3-го Августа стали прибывать союзныя войска: англичане, американцы, французы и немного итальянцевъ.*) Стали формировать русскіе партизанскіе отряды, которые гнали большевиковъ повсюду. Вскорѣ весь городъ былъ заполненъ союзными войсками, жизнь стала оживляться, большевиковъ прогнали далеко, на рынкѣ появились кое какіе продукты. Въ лавкахъ появились кое какія матеріи, обувь, калоши и все необходимое. Мобилизаціи сперва не было никакой, принимались только одни добровольцы, все дѣло шло хорошо. Но вышелъ маленькій конфликтъ въ правительствѣ. Капитанъ 2-го ранга Чаплинъ арестовалъ все остальное правительство и отправилъ въ Соловецкій монастырь на богомолье, замаливать свои грѣхи. Хотя они и были недолго правителями и еще не успѣли много нагрѣшить, но все таки глупо Чаплинъ сдѣлалъ, что не отправилъ ихъ на мхи.

О случившейся катастрофѣ съ правительствомъ узналъ весь городъ. Рабочіе и трамваи и прочія предпріятія стали бастовать и рѣшили до тѣхъ поръ бастовать, пока не вернутъ на прежнія мѣста арестованное правительство. И тутъ же стали расклеивать ложныя прокламаціи, что будто бы пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ и станетъ теперь царствовать въ Архангельскѣ и стали всѣ рабочіе бастовать. Хотя Михаила Александровича и не было, а, если бы онъ и былъ, то можно было бы только привѣтствовать, а не бояться. Мы теперь хорошо видимъ, что у насъ въ Россіи только и были честные люди, это нашъ великій Царь и весь домъ Романовыхъ и за ихнюю честность мы отплатили дерзостью. Мы теперь хорошо знаемъ, что всѣ соціалисты это ничто иное, какъ шайка воровъ. Каждый соціалистъ, какъ только попадалъ въ какое-нибудь правительство, то первымъ долгомъ старался обезпечить себя золотомъ. а тамъ для него хоть въ полѣ трава не расти. Можетъ кто-нибудь скажетъ, что честные соціалисты : Керенскій, Гучковъ, Милюковъ, Львовъ, Ленинъ, Троцкій или генералы: Брусиловъ, Поливановъ, Корниловъ и прочіе, про которыхъ безъ тошноты не вспомнишь.

---

*) П.Ф.Суховиловъ служилъ въ Архангельскѣ въ городской милиціи.

Союзники понавезли въ Архангельскъ все; снаряды, орудія, оружіе, обмундированіе и всякаго продовольствія и напитковъ и разныхъ сластей. Солдатъ стали кормить, обувать и одѣвать очень хорошо. Прошла осень, наступила зима и пришлось правительству мобилизовать нѣкоторые года. Мобилизація прошла спокойно и все было хорошо, но большевистская пропаганда стала вить гнѣздо среди мобилизованныхъ. Какъ ни жилось хорошо, но все же пропаганда вліяла. Когда солдатъ обучили, было приказано идти на позицію, то солдаты заявили, что они на позицію не пойдтуъ и воевать со своими не могутъ. Когда имъ повторили, чтобы исполнили приказаніе, они на вторичное приказаніе, отвѣтили тѣмъ же отказомъ. Вооружились своими винтовками и пулеметами и предполагали защищаться. Но изъ нихъ большая половина была противъ нихъ, участія въ вооруженіи не принимала, находилась въ казармахъ. Правительство сколько ни старалось заставить ихъ присоединиться безъ треній, но солдаты настаивали на своемъ. Тогда союзники, видя, что можетъ разыграться большая катастрофа, рѣшили ликвидировать весь безпорядокъ, окружили казармы и бросили нѣсколько снарядовъ по направленію къ нимъ. Солдаты, обманутые большевистской пропагандой, которая ихъ увѣряла, что, какъ только начнутъ они бастовать, то всѣ союзныя войска присоединятся къ нимъ и никакой войны не будетъ, увидѣли, что союзныя войска не только не присоединились, а напротивъ пришли ихъ подавлять. Въ виду безвыходнаго положенія, рѣшили сдаться и выдали своихъ главарей, которые ими руководили- Всѣ главари были преданы военно-полевому суду.

По случаю такого событія, правительству пришлось проснуться, начали дѣлать обыски у подозрительныхъ лицъ, находили много оружія, станки, печатающие прокламаціи.

Что дѣлалось на фронтѣ? На фронтѣ было все спокойно. Какъ только пріѣхали союзники, былъ Главнокомандующій союзными войсками генералъ Пуль. Потомъ Пуля отозвали въ Англію и на его мѣсто прислали генерала Айронсайда, который, можетъ,, не рѣшался идти впередъ, а, можетъ, потому, что союзники заключили миръ съ Германіей, не хотѣлъ больше проливать крови. И вотъ стояли на одномъ мѣстѣ. Въ это время Колчакъ съ своей арміей былъ уже въ Перми и добровольческая армія быстро продвигалась на Югѣ. Большевики всѣми силами старались остановить Колчака и Деникина, а союзниковъ оставляли въ покоѣ, которые тѣмъ временемъ занимались веселою жизнью. Англичане пьянство-

вали, американцы при видѣ большевиковъ разбѣгались, какъ трусливые зайцы. Если приходилось сдерживать какіе-либо большевистскіе натиски, то это сдерживали только одни французы и часть русскихъ войскъ, которыхъ успѣли сформировать изъ мобилизованныхъ солдатъ, которые назывались Сѣверной арміей и Главнокомандующимъ Сѣверной арміей былъ генералъ-лейтенантъ Миллеръ. На французахъ и на русскихъ только и держался весь фронтъ, на остальныхъ было мало надежды.

Наступила весна. За это время политика перемѣнилась у нашихъ союзниковъ: рѣшили, что въ русскія дѣла не вмѣшиваться, а русскій народъ долженъ самъ за себя бороться и устанавливать свои порядки. Дѣйствительно, большевистская пропаганда повліяла на союзниковъ. На большевистскія крокодиловыя слезы откликнулась первая Америка, которая за благо сочла, отозвать изъ Сѣверной области свой корпусъ. За американцами послѣдовали французы и англичане и въ сѣверной области не осталось ни одного союзнаго солдата. Передъ своимъ уходомъ англичане предложили русскому правительству Сѣверной области эвакуироваться съ ними въ Англію, которая принимала къ себѣ 12 тыс. военныхъ, офицеровъ и солдатъ, брала всѣ заботы на себя. Но правительство отказалось и рѣшило продолжать борьбу съ большевиками своими русскими силами. Хотя сами союзники ушли, но для области оставили все, что нужно, какъ для арміи, такъ и для всѣхъ жителей, такъ что и послѣ ихъ ухода нужды никто ни въ чемъ не имѣлъ, какъ военные, такъ и все остальное населеніе. Если что не хватало, то опять привозили. На счетъ поддержки на союзниковъ обижаться было нельзя. Если они плохо и помогали живой силой, то они давали возможность организоваться и встать на защиту самимъ съ полнымъ вооруженіемъ, котораго было вдоволь.

Какъ ни надоѣли союзники Архангельскимъ жителямъ, всетаки жителямъ не хотѣлось отпускать ихъ, зная, что послѣ ухода союзниковъ, можно ожидать ненавистныхъ большевиковъ. Хотя правительство и было въ большой надеждѣ справиться съ большевиками своими русскими силами, но многіе этому не вѣрили и знали, что долго ли, коротко ли, а большевики придутъ. Не смотря на то, что Сѣверная армія была не изъ плохихъ, и солдаты дружно стояли, не думая допускать болшевиковъ, но боялись больше большевистской пропаганды, на что они большіе спеціалисты.

Съ приходомъ союзниковъ въ Архангельскъ,стала формироваться Сѣверная армія, сперва изъ добровольцевъ, потомъ стали моби-

лизовать, стали формировать полки. Стали русскіе главнокомандующіе, появились русскіе штабы и разныя военныя учрежденія. Часто мѣнялись русскіе главнокомандующіе, а потомъ пріѣхалъ новый главнокомандующій, генералъ-лейтенантъ Миллеръ и началъ командовать. Сперва все шло хорошо и въ солдаты шли съ великою охотою. Но потомъ какъ-то все измѣнилось. Стали уклоняться отъ военной службы подъ разными предлогами, а особенно богатый классъ: то боленъ, то нездоровъ, не способенъ къ военной службѣ,или поступалъ въ какую-нибудь незамѣнимую должность и оставался въ тылу, такъ что богатаго на позиціи нельзя было найти днемъ съ огнемъ. Несмотря на то, что большевики на богатыхъ работали, какъ на лошадяхъ, грабили ихъ и всячески надъ ними издѣвались, все у нихъ отбирали и всегда ихъ преслѣдовали, но, когда избавились отъ большевиковъ, и настало время, чтобы избавиться отъ насильниковъ навсегда, то, не дожидая, когда ихъ позовутъ на это дѣло, нужно было всѣмъ самимъ идти и избавить свою Родину отъ грабителей и разбойниковъ. Но богатый классъ, когда избавился отъ большевиковъ, и получилъ обратно все свое богатство и сталъ опять полнымъ хозяиномъ своего капитала, то ему неохота было поступать въ армію и бороться противъ своихъ насильниковъ. Онъ думалъ, пойдешь на позицію, а ну ка меня тамъ убьютъ и тогда останется весь капиталъ. Нѣтъ, думали, пущай лучше идутъ, которые побѣднѣе, имъ все одно, дома ѣсть нечего, да и занятія никакого нѣтъ; а намъ все-таки нужно пополнить свои капиталы.

Всей сѣверной арміи было приблизительно тысячъ тридцать пять, а на фронтѣ, вѣроятно, и десяти тысячъ не было. Всѣ остальные были въ тылу, ходили по городу или по селу, только собакъ дразнили.

Большевистская пропаганда не утихала, а напротивъ свила себѣ гнѣздо во всѣхъ мѣстахъ, и распустила свои нити повсемѣстно. Развитію большевистской пропаганды много помогали сами офицеры и само правительство. Вотъ это самый трудный вопросъ. Какъ же это такъ, офицеры — не большевики, а противъ большевиковъ, а они имъ помогали, такъ же и правительство, вооружено противъ большевиковъ, и оно имъ помогало? Я думаю, что этому никто бы и не повѣрилъ, но вѣрить надо. Чѣмъ же помогали офицеры большевистской пропагандѣ? Всѣ офицеры почувствовали себя сильными начальниками при помощи союзниковъ и начали гордиться во весь ростъ. Надѣли золотые погоны, стали требовать отданія чести. Солдаты отдавали честь офицерамъ, слушались приказа

начальства. Но отдавали не всегда. Увидѣвъ офицера, солдатъ отдавалъ ему честь, но иногда не замѣчалъ его и проходилъ такъ. А офицеръ за такой проступокъ тутъ же останавливалъ солдата и начиналъ дѣлать ему несуразныя замѣчанія, или въ тонѣ злости наговаривалъ разныя непріятности, не стыдясь проходящей публики. И съ солдатами не вели никакихъ общихъ разговоровъ, а только лишь приказывали. И вотъ, подъ такимъ соусомъ, большевистскимъ агентамъ легко было работать. Что, дескать, солдатъ, для себя дубинку заслуживаешь? за неотданіе чести, тебя по всѣмъ мытарствамъ таскаютъ, а скоро на улицѣ при публикѣ будутъ морду бить.

Послѣ такихъ нелѣпыхъ оскорбленій у солдата на сердцѣ дѣлается сильное возмущеніе. Онъ не желаетъ большевиковъ, знаетъ, что они большіе хулиганы и всѣ правители у нихъ каторжные, разбойники и душегубы. Онъ ихъ ненавидитъ, зная, что они мерзавцы и предатели Родины. Онъ сражался съ ними и очищалъ Родину отъ хулигановъ. Но и тутъ же въ освобожденной имъ самимъ же своей Родинѣ, его стараются укорить въ чемъ-нибудь на глазахъ у публики, доказывая тѣмъ, что онъ мелочь и ничтожество. Послѣ такихъ размышленій, солдатъ, тяжело вздыхая и съ великой скорбью, вспоминаетъ про мерзавцевъ большевиковъ: вѣдь тамъ этого убожества надъ взрослыми солдатами нѣтъ и на улицѣ при публикѣ солдата не конфузятъ. Не хочется быть краснымъ тираномъ, который опозорилъ Матушку Россію, но въ то же время не желательно быть въ антисовѣтской Россіи какимъ то мальчикомъ. Послѣ всего этого солдатъ дѣлался или нейтральнымъ или легко поддавался большевистской пропагандѣ. Вотъ такими путями офицеры и помогали большевикамъ укрѣпиться въ Россіи и сдѣлаться полными тиранами надъ всѣмъ православнымъ народомъ. И въ ту же тиранію попадали сами офицеры, съ которыми большевики расправлялись. Не даромъ въ русской поговоркѣ говорится: сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ.

Такъ же нѣкоторые солдаты, не желая подчиниться начальству, при видѣ офицера нарочно не отдавали чести, а тѣмъ болѣе, когда, завидятъ офицера, идущаго съ какой-нибудь дамой. Воспламененный офицеръ своею гордостью, считая за великій позоръ неподчиненіе ему нижняго чина, и желая возгордиться передъ своею спутницей, показать свою власть и геройство, тутъ же останавливалъ солдата и требовалъ отданія чести, а солдатъ въ свою очередь гор-

дился своимъ самолюбіемъ и не хотѣлъ отдать чести. И все это происходило на пользу большевикамъ.

По уходѣ союзниковъ Русская сѣверная армія перешла въ наступленіе и стала наносить большевикамъ большіе удары. Большевики повсюду бѣжали въ паникѣ или большими партіями сдавались въ плѣнъ, не желая быть во власти комиссаровъ и предателей Родины, Эти быстрыя побѣды Сѣверной арміи помогли ей, какъ бы бросилъ чертъ дровъ въ огонь, чтобы жарче горѣло. Такъ же большевики дали побѣду надъ собою для того, чтобы жарче и дружнѣе загорѣлась ихняя т. е. большевистская пропаганда. При переходѣ красныхъ къ бѣлымъ, большевики пропускали туда своихъ шпіоновъ, которые продолжали свою шпіонскую работу, а офицеры почувствовали себя сильными побѣдителями и полновластными и совершенно прекратили съ солдатами всякія дружескія отношенія: ни разговоровъ, ни шутокъ, ни какихъ общественныхъ бесѣдъ не принимали. А лишь только приказывали, требовали, гуляли и веселились и не замѣтили, какъ подошелъ день 18-го Февраля. Тогда только узнали, что пришелъ всему крахъ: солдаты съ понурыми головами шли съ фронта въ Архангельскъ, или расходились по домамъ, офицеры стали прятаться, кто куда могъ, и Сѣверная армія уже не существовала.

Вечеромъ сообщили, что завтра т. е. 19 февраля, вечеромъ отправится изъ Архангельска Красный Крестъ и пойдетъ на Онегу и возьмутъ изъ милиціи (въ которой я въ ту пору служилъ) кто желаетъ эвакуироваться; присоединились къ Красному Кресту и вмѣстѣ отправятся по указанному маршруту. Но вышло все наоборотъ. Даже въ 12 часовъ дня правительства уже не было.

Началась эвакуація..... мнѣ удалось попасть на пароходъ Канаду и 6-го марта мы подошли къ пристани Хомеликъ въ Норвегіи, гдѣ насъ и выгрузили...

Такая жизнь происходила безъ Царя, при «великой свободѣ». «Къ старому возврата нѣтъ» и нѣтъ намъ умнымъ въ Россіи мѣста...

И вотъ я скажу всему Русскому Православному народу: — хотя можетъ которые и не испытали, но думаю будетъ все испытано. Это насъ Русскихъ, это насъ Православныхъ наказываетъ Богъ. За Вѣру, Царя и Отечество. Вспомните Православные, вѣдь мы

забыли Бога, мы потеряли свою Вѣру, мы уже не постимся и Богу не молимся. Мы уже стыдимся даже креститься. А теперь, при такихъ бѣдствіяхъ и ужасахъ, на насъ Богъ стыдится взглянуть, какъ мы стыдились молиться. Мы отдали на растерзаніе своего Русскаго Православнаго Царя и все Его семейство и отдали свою Родину въ руки жидамъ, которые теперь всячески издѣваются надъ нами. И вотъ за всѣ эти грѣхи мы несемъ заслуженную кару и этой кары не минуетъ никто, ни бѣдный, ни богатый. Всѣ будутъ наказаны за свои грѣхи...

И. Суховиловъ.

22-го декабря 1922 года.
Норвегія.

Письмо Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко къ Министру - Предсѣдателю Временнаго Правительства князю Г. Е. Львову. *)

Милостивый Государь

князь Георгій Евгеньевичъ,

Изъ вчерашняго моего разговора съ Военнымъ Министромъ А. И. Гучковымъ я убѣдился, что Правительство, повидимому, рѣшило во главѣ нашей дѣйствующей арміи поставить, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Алексѣева, бывшаго Начальника Штаба. Это назначеніе не приведетъ къ благополучному окончанію войны. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы ген. Алексѣевъ сосредоточилъ въ себѣ сумму достаточнаго таланта и способности и силы воли, чтобы широко охватить то политическое настроеніе, которое теперь захватило Россію и армію. Вспомните, что генералъ Алексѣевъ являлся постояннымъ противникомъ мѣропріятій, которыя ему неоднократно предлагались изъ тыла, какъ неотложныя; дайте себѣ отчетъ въ томъ, что ген. Алексѣевъ всегда считалъ, что армія должна командовать надъ тыломъ, что армія должна командовать надъ волей народа и что армія должна какъ бы возглавлять собою и правительство, и всѣ его мѣропріятія; вспомните обвиненіе генерала Алексѣева, направленное противъ народнаго представительства, въ которомъ онъ опредѣленно указывалъ, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ надвигающейся катастрофы является самъ русскій народъ въ лицѣ своихъ народныхъ представителей. Не забудьте, что ген. Алексѣевъ настаивалъ опредѣленно на не-

---

*) Письмо это позаимствовано изъ историческаго журнала «Красный Архивъ», издаваемаго въ Москвѣ (томъ 2-ой, стр. 284-286). При немъ въ журналѣ помѣщено слѣдующее поясненіе: «Воспроизводимое ниже письмо предсѣдателя Государственной Думы къ Министру — Предсѣдателю Временнаго Правительства кн. Г. Е. Львову, датированное 18 марта 1917 года, находится на страницахъ 623 и 624 дѣла кабинета Военнаго Министра 1917 г. № 43» «съ перепиской секретарской части бывшаго Военнаго Министра А. И. Гучкова» (Полевое отдѣленіе Военно-Ученаго Архива № 155.903).

медленномъ введеніи военной диктатуры. Для меня генералъ Алексѣевъ является почтеннымъ и достойнымъ всякаго уваженія, доблестнымъ, честнымъ и преданнымъ родинѣ воякою, который не измѣнитъ своему дѣлу, но поведетъ его лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какіе оно укладывается точнымъ соотношеніемъ съ его міросозерцаніемъ. Но послѣднее именно заставляетъ меня думать, что ширины умственнаго кругозора въ этомъ человѣкѣ нѣтъ, что охватить широкимъ размахомъ до нельзя осложнившіяся условія войны генералу Алексѣеву будетъ не по силамъ, и что, наконецъ, имя генерала Алексѣева, быть можетъ невольно, но все таки виновнаго въ сдачѣ всѣхъ крѣпостей Варшавы и Царства Польскаго, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, не популярно и къ тому же мало извѣстно въ Россіи. Къ дѣлу веденія войны, съ моей точки зрѣнія, должны быть привлечены всѣ тѣ силы, которыя уже на дѣлѣ доказали способность пониманія государственныхъ задачъ Россіи, не только военныхъ, но и силъ, дѣйствующихъ внѣ сферы военныхъ дѣйствій. Изъ послѣдняго присланнаго имъ мнѣ, и, вѣроятно Вамъ, письма генерала Алексѣева, сообщающаго о томъ, какъ дѣйствующая армія приняла наступившія событія, для меня совершенно ясно, что только Юго-Западный фронтъ оказался на высотѣ положенія. Тамъ очевидно царитъ дисциплина, чувствуется голова широкаго полета мысли и яснаго пониманія дѣла, которая руководитъ всѣмъ этимъ движеніемъ. Я имѣю въ виду генерала Брусилова, и я дѣлаю изъ наблюденій моихъ, при многочисленныхъ своихъ поѣздкахъ по фронту, тотъ выводъ, что единственный генералъ, совмѣщающій въ себѣ, какъ блестящія стратегическія дарованія, такъ и широкое пониманіе политическихъ задачъ Россіи, и способный быстро оцѣнивать создавшееся положеніе, это именно генералъ Брусиловъ.

Другимъ лицомъ широкаго государственнаго ума, но который, быть можетъ, является менѣе опытнымъ, въ смыслѣ активной военной дѣятельности, я считаю генерала Поливанова.

Эти два выдающіеся государственные умы, поставленные во главѣ нашей доблестной арміи съ придачей имъ тѣхъ помощниковъ которые нынѣ существуютъ, — умные, знающіе и уважаемые генералы Клембовскій и Лукомскій, — составили бы то ядро военнаго верховнаго командованія, которое единственно, съ моей точки зрѣнія, способно вывести страну и армію изъ бѣдственнаго положенія. Если при такой комбинаціи учредить обязательные еженедѣльные военные совѣты изъ начальниковъ фронтовъ совмѣстно съ вышеупо-

мянутыми лицами штаба, то надежда на благопріятный исходъ кампаніи не должна считаться потерянной. Сообщаю Вамъ это на тотъ предметъ, что, быть можетъ, еще не поздно измѣнить принятое рѣшеніе и не оставлять армію въ рукахъ командующаго, который несомнѣнно съ своей задачей не справится.

Примите увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности.

М. Родзянко.

18 Марта 1917 г.

Выписка изъ журнала засѣданія Временнаго Комитета Государственной Думы отъ 19 Марта 1917 года. *)

СЛУШАЛИ.

2. Объ измѣненіяхъ въ высшемъ военномъ командованіи. При обсужденіи настоящаго вопроса членами Комитета было отмѣчено, что предыдущая дѣятельность генералъ-адъютанта Алексѣева, послѣдовательно въ роли начальника штаба Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта, Главнокомандующаго арміями Западнаго фронта и, наконецъ, начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а равно отношеніе къ вопросамъ внутренней политики, свидѣтельствующіе о непониманіи имъ настоящаго момента, не даютъ увѣренности въ возможности успѣшнаго осуществленія имъ задачъ верховнаго командованія арміями, въ виду чего замѣна его другимъ лицомъ является совершенно неотложною. Обсуждая вопросъ о томъ, кто бы могъ замѣнить генерала Алексѣева, члены Комитета полагали, что на это мѣсто могъ бы быть назначенъ генералъ Брусиловъ, проявившій въ настоящую войну стратегическія способности и имѣвшій столь крупный успѣхъ на Южномъ фронтѣ.

Что касается назначенія на должность Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и генерала - квартирмейстера, то Временный Комитетъ высказался въ томъ смыслѣ, что назначенія

*) Заимствовано изъ журнала «Красный Архивъ», томъ 2-ой, стр. 286. По удостовѣренію редакціи находится въ томъ же упомянутомъ дѣлѣ кабинета Военнаго Министра стр. 623-624.

на эти должности должны быть произведены Временнымъ Правительствомъ по соглашенію съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Въ числѣ желательныхъ кандидатовъ на должность Начальника штаба назывался генералъ Поливановъ.

ПОСТАНОВИЛИ.

Признать: I) что въ интересахъ успѣшнаго веденія войны представляется мѣрою неотложною освобожденіе генерала Алексѣева отъ обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго; 2) что желательнымъ кандидатомъ на должность Верховнаго Главнокомандующаго является генералъ Брусиловъ; 3) что назначеніе на должности начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и генерала-квартирмейстера должны быть производимы Временнымъ Правительствомъ по соглашенію съ Верховнымъ Главнокомандующимъ и 4) общее руководство веденіемъ войны, за исключеніемъ стратегіи, управленія и командованія всѣми сухопутными и морскими силами должно быть сосредоточено въ рукахъ Временнаго Правительства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Изданіе «Русскаго Очага» въ Парижѣ.

Цѣна: 10 фр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ «РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ»

14, rue de l'Yvette, Paris (16)

Imp. « Presse Franco-Russe », 216, boulevard Raspail, Paris.